

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toshchenko Zhan T., Dr. of Sci. (Sociology), professor, RAS corresponding member, head, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrukun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors:

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звезницева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор политических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Ситовская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- Е.А. Колосова*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор, РГГУ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

Анна И. Резниченко

«Все временное есть сплав из ничто и вечности»:
еще раз о тринитарной онтологии
проф. прот. Сергия Булгакова (к 150-летию со дня рождения) 12

Николай Н. Павлюченков

Некоторые аспекты критики учения прот. С. Булгакова
в контексте темы соотношения философии и богословия 29

Елена Ю. Кнорре

Война как отрицательное откровение:
Грааль М. Пришвина и С. Булгакова 44

Социология: теоретические и эмпирические исследования

Валентина Ф. Левичева

Общественные грани лоббизма 61

Елена М. Мчедлова

Конфессии в публично-правовой среде 71

Галина А. Цветкова

Рабочее время: опыт социально-исторического анализа 80

Татьяна С. Киенко, Наталья А. Птицына

Россияне старшего возраста в условиях рисков COVID-19 90

Анна П. Пунгина, Яков Д. Санадзе, Майя М. Русакова

Бедность, социальное неравенство
и готовность помогать нуждающимся
в представлениях жителей Санкт-Петербурга 103

Искусствоведение

Софья М. Боровикова

К вопросу существования мастерской Ганса Гольбейна Младшего
в периоды его работы в Англии 115

<i>Артеми́й В. Забелин</i>	
Социальное положение архитектора Аристотеля Фиораванти в домосковский период	128
<i>Елизавета А. Мун</i>	
Феномен надгробного портрета польского сарматизма	142
<i>Александр В. Марков</i>	
Три десятилетия адаптации для пяти классиков Рец. на кн.: <i>Федорова Л.</i> Адаптация как симптом: русская классика на постсоветском экране (М., 2022)	155

CONTENTS

Philosophy. History of Philosophy

- Anna I. Reznichenko*
“All that is temporary is an alloy of Nothing and Eternity”:
once again about the trinitarian ontology
of prof. archp. Sergius Bulgakov (to the 150th anniversary of his birth) 12
- Nikolai N. Pavliuchenkov*
Some aspects of criticism of the teachings
of archp. S. Bulgakov in the context
of the topic of the correlation of philosophy and theology 29
- Elena Yu. Knorre*
War as a negative revelation.
The Grail of M. Prishvin and S. Bulgakov 44

Sociology. Theoretical and empirical researches

- Valentina F. Levicheva*
Public aspects of lobbying 61
- Elena M. Mchedlova*
Confessions in the public legal environment 71
- Galina A. Tsvetkova*
Working hours. Experience of socio-historical analysis 80
- Tat'yana S. Kienko, Natal'ya A. Ptitsyna*
Elderly Russians at risk of COVID-19 90
- Anna P. Pungina, Yakov D. Sanadze, Maiya M. Rusakova*
Perception of poverty, social inequality
and willingness to help poor in Saint Petersburg (Russia) 103

Art Studies

- Sof'ya M. Borovikova*
Clarifying the existence of the workshop of Hans Holbein
the Younger during his periods of work in England 115

<i>Artemii V. Zabelin</i>	
The social position of the architect Aristotele Fioravanti in his Pre-Moscow period	128
<i>Elizaveta A. Moon</i>	
The phenomenon of the gravestone portrait in Polish sarmatism	142
<i>Aleksandr V. Markov</i>	
Three decades of adaptation for five classics. Book review: Fedorova, L. (2022). Cinema adaptation as a symptom. Russian classical literature screened in Post-Soviet time	155

Философия. История философии

УДК 111.1

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-12-28

«Все временное есть сплав из ничто и вечности»:
еще раз о тринитарной онтологии
проф. прот. Сергия Булгакова
(к 150-летию со дня рождения)

Анна И. Резниченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв»,
отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурьлина»,
Королёв, Россия, annarezn@yandex.ru*

Аннотация. В статье речь пойдет о варианте тринитарной онтологии проф. прот. С.Н. Булгакова, изложенном в не публиковавшихся ранее разделах «Глав о Троичности». Текст представляет собой черновую рукопись с множеством правок и датируется 1925 г. Эта датировка позволяет соотнести первоначальную редакцию текста «Глав» со статьёй «Ипостась и ипостасность» (1924, опубл. в 1925), и рассматривать «Главы» как своеобразное расширение и продолжение концепции, которая была изложена в пражской статье. В «пропущенных “Главах”» содержится булгаковская тринитарная и софиологическая модели, переходные от «Ипостаси и ипостасности» – к тем онтологическим моделям, которые известны нам по «Агнцу Божиему». В частности, здесь Булгаков отказывается от концепции «ипостасности» как «способности к самоотданию» в пользу концепции Софии-ипсум и от паламитского влияния в пользу триадологии свв. Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина и др. Отдельные сюжеты «пропущенной Троичности» связаны с философией пола и философией языка.

Ключевые слова: тринитарная онтология, софиология, С.Н. Булгаков, ипостасность, ипостась, субъект, философия пола, философия языка, психоанализ

Для цитирования: Резниченко А.И. «Все временное есть сплав из ничто и вечности»: еще раз о тринитарной онтологии проф. прот. Сергия Булгакова (к 150-летию со дня рождения) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 12–28. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-12-28

© Резниченко А.И., 2021

“All that is temporary is an alloy of Nothing and Eternity”:
once again about the trinitarian ontology
of prof. archp. Sergius Bulgakov
(to the 150th anniversary of his birth)

Anna I. Reznichenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
MBUK MOK, dep. “Memorial House-Museum of S.N. Durylin”,
Korolev, Russia, annarezn@yandex.ru*

Abstract. The article will focus on the version of the Trinitarian Ontology by Professor Archpriest Sergius Nikolaevich Bulgakov, as propounded in the previously unpublished sections of the “Chapters on the Trinity”. The text is a draft manuscript with many revisions, and it dates from 1925. This dating allows us to correlate the original edition of the text of the “Chapters...” with the article “Hypostasis and Hypostaticity”. In the “Chapters” there is an extension and continuation of the concept that was set out in the “Hypostasis...” The “missed Chapters” contain Bulgakov’s Trinitarian and Sophiological models, transitional from “Hypostasis and Hypostaticity” to those ontological models that are known to us from the “Lamb of God”. Bulgakov rejects the concept of “hypostaticity” as “the ability to give oneself” in favour of the concept of Sophia-unum, and from the Palamite influence in favour of the Triadology of St. Athanasius the Great, Basil the Great, Gregory the Theologian, John Damascene, etc. Separate sections of the “missed Chapters” are associated with the Philosophy of Sexuality and the Philosophy of Language.

Keywords: trinitarian ontology, sophiology, S. Bulgakov, hypostaticity, hypostasis, subject, philosophy of sexuality, philosophy of language, psychoanalysis

For citation: Reznichenko A.I. (2021), “ ‘All that is temporary is an alloy of Nothing and Eternity’: once again about the trinitarian ontology of prof. archp. Sergius Bulgakov (to the 150th anniversary of his birth)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 12–28, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-12-28

Введение

Интеллектуальное наследие выдающегося православного мыслителя, проф. прот. Сергия Булгакова (1871–1944) по сей день вызывает неподдельный исследовательский интерес, и этот интерес – не только дань традиции и уважения к прошлому. Идеи Булгакова, которые невозможно полностью отнести к какому-то определенному

разделу знания (экономика, философия, теология), до сих пор являются остро-дискуссионными, что только подтверждается обилием исследований на эту тему. Так, в фундаментальном томе, посвященном творчеству Булгакова-философа и вышедшему в 2019 г. под редакцией крупнейшего специалиста в области отечественного булгаковедения А.П. Козырева в издательстве «Политическая энциклопедия», целый раздел посвящен важнейшей для булгаковедения проблеме – «Философ или богослов?»¹. Значительный по объему и полноте изложения материала булгаковский том, вышедший в конце 2021 г. в серии “Pro et contra” и содержащий очередную попытку рецепции теологического булгаковского наследия и дискуссии вокруг него, также содержит исследования, посвященные проблеме несводимости булгаковской мысли к какому-то определенному типу дискурса – философскому или теологическому²: всякий раз, когда мы пытаемся редуцировать мысль Булгакова до чего-то одного, мы неизбежно впадаем в противоречие.

И тем не менее мысль Булгакова, как и мысль любого подлинного философа, внеконфессиональна и открыта для интерпретаций. Центральным пунктом его системы является тринитарная онтологическая модель и связанная с ней софиология, давно ставшая маркером специфически-булгаковского мышления. Нам уже приходилось описывать историю ее возникновения и ее трансформаций³. Однако новые архивные находки и исследовательские интерпретационные стратегии позволяют по-новому посмотреть на проблему формирования и развития булгаковской тринитарной онтологии и софиологии. В настоящей статье мы коснемся одного момента: момента перехода от концепции Софии-«ипостасности» как способности *«ипостазироваться, принадлежать* ипостаси, быть ее раскрытием, *отдаваться ей»*⁴, изложенной в булгаковской статье «Ипостась и ипостасность» – к концепции Софии как *ипсум* Троица Божественного Субъекта, сформулированной в «Главах о Троичности», в тех их разделах, которые не увидели света при жизни автора.

¹ См.: [Антонов 2019; Ваганова 2019; Козырев 2019b; Хондзинский 2019].

² См., напр.: [Бауэрова 2021; Хондзинский 2021; Васильев 2021].

³ См. об этом: [Резниченко 2012, с. 178–189].

⁴ *Булгаков С.Н.*, проф. прот. Ипостась и ипостасность (Scholia к «Свету Невечернему») / Публ. и коммент. А.И. Резниченко // Сергей Булгаков: Pro et contra. Т. 2 / Сост. и коммент. иером. Мефодия (Зинковского), иером. Кирилла (Зинковского), А.И. Резниченко, иером. Тихона (Васильева). СПб.: РХГА, 2021. С. 153.

*Булгаковская статья «Ипостась и ипостасность»
и ее идейный контекст: «веховцы», «евразийцы»
и Зигмунд Фрейд*

Впервые текст знаменитой булгаковской статьи был опубликован в 1925 г. в Праге, в сборнике, посвященном 35-летию научно-публицистической деятельности друга и корреспондента С.Н. Булгакова, соратника по русскому марксистскому движению начала XX в. и одного из идейных лидеров русской эмиграции в Праге Петра Бернгардовича Струве⁵. В 1999 г. И.Б. Роднянской была предпринята републикация этой статьи, крайне важной для понимания пражского периода творчества С.Н. Булгакова, к сожалению, основанная только на публикации в сборнике в честь П.Б. Струве, без учета архивных материалов⁶. Критическая републикация текста, осуществленная нами в 2001 г., учитывала и опубликованную, и архивные версии⁷. Оба варианта текста датируются самим Булгаковым июнем 1924 г., текст «Ипостаси и ипостасности», хранящийся в ГА РФ, очевидно, является более ранним, поскольку содержит в себе фрагменты, подвергшиеся наиболее острой критике со стороны одного из технических редакторов сборника в честь Струве, евразийца П.Н. Савицкого. Вообще же, по свидетельству Савицкого, в авторскую корректуру статьи Булгаков внес более 90 исправлений.

История создания, а также полемика, сопровождавшая появление и выход в печать «Ипостаси и ипостасности», реконструирована по документам, содержащимся в Фонде Савицкого (Ф. 5783) в ГА РФ. С 1990-х гг. к материалам этого фонда обращались исследователи, так, некоторые документы из этого фонда были частично опубликованы М. Колеровым [Колеров 1994а; Колеров 1994б; Колеров 1994с], Е. Кривошеевой [Кривошеева 1994]; Е. Голлербахом [Голлербах 2000], и другими. Этот комплекс по-

⁵ *Булгаков С.*, прот. Ипостась и ипостасность (Scholia к «Свету Невечернему») // Сб., посв. Петру Бернгардовичу Струве ко дню 35-летия его науч.-публ. деятельности. 1890 – 30 янв. 1925. Прага, 1925. С. 353–371.

⁶ *Булгаков С.Н.* Ипостась и ипостасность // Булгаков С.Н. Образ и первообраз. Соч.: В 2 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста, вводная заметка И.Б. Роднянской, коммент. Н.К. Бонечкой и И.Б. Роднянской. М.: Искусство, 1999. С. 313–322.

⁷ *Булгаков С.Н.* Ипостась и ипостасность // Булгаков С.Н. Труды о Троичности / Сост., коммент., вступ. статья А.И. Резниченко. М.: ОГИ, 2001. С. 19–38; см. также: *Булгаков С.*, прот. Ипостась и ипостасность. [Машинопись] // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. № 1. Д. 192. Л. 1–9.

лезно сопоставить со сравнительно недавними публикациями из Архива Библиотеки-фонда «Русское зарубежье», выполненными К. Ермишиной, напр. [Ермишина 2008]. По-видимому, прообразом сборника в честь П.Б. Струве можно считать несостоявшийся двухтомный сборник «Истоки», создаваемый в 1923–1924 гг. усилиями членов евразийской группировки (с уже отошедшим от них к 1923 г. Г. Флоровским) и представителями более старшего поколения (С. Булгаковым, П. Новгородцевым, В. Зеньковским). В этом сборнике, по мысли его издателей, должны были объединиться результаты работы и «веховцев» (т. е. мыслителей и политических деятелей, участвовавших ранее в сборнике «Вехи» и оказавшихся в эмиграции) и евразийцев (изначально в группировку вошли Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Флоровский, вскоре, однако, отошедший от движения, П. Сувчинский и кн. А. Ливен, позже – с середины–конца 1920-х гг. к ним присоединился в качестве идеолога Л. Карсавин, а также Н. Алексеев, А. Кожев, В. Ильин, Г. Вернадский, С. Эфрон, К. Радзевич, Дм. Святополк-Мирский и мн. др.), и «софийцев» (т. е. членов «Братства св. Софии» – С. Булгаков, А. Карташев и др.). Несмотря на то что титульной фигурой для сборника выступил все же представитель старшего поколения – П. Струве, в процессе подготовки достаточно отчетливо проявились разногласия между представителями старшего («профессора» – Булгаков, Бердяев, Струве) и младшего («студенты» – евразийцы, позже – участники братства св. Фотия (А. Ставровский, Вл. Лосский и др.)) поколения русской эмигрантской среды.

История и философский смысл рождения новой философски-богословской концепции, изложенной впервые в «Ипостаси и ипостасности» из духа околоевразийских дискуссий, уже были проанализированы нами в монографии «О смыслах имён» [Резниченко 2012, с. 200–250], (см. также: [Резниченко 2013]), где, в частности, отмечалось структурное соответствие между булгаковской тринитарной онтологической моделью и, казалось бы, несопоставимой с русским философским, а тем более богословским дискурсом, фрейдянской моделью соотношения сознания и бессознательного в той форме, в которой она была изложена в фрейдовских лекциях по психоанализу 1916–1917 гг. и, особенно, в знаменитой программной статье «Я и Оно», увидевшей свет в 1923 г., за год до написания «Ипостаси и ипостасности». Собственно, недоумения Савицкого как раз и связаны с введением фрейдизма в теологию, которое, по его мнению, осуществляет Булгаков. Савицкий пишет:

И напрасно Вы говорите, что в человеческом мире «после грехопадения... материнство несовместимо с состоянием невесты-жены». Фактически оно с ним совместимо, как о том свидетельствуют многочисленные примеры кровосмешения; а хорошо известная Вам, как это я знаю из бесед наших, теория Фрейда утверждает даже возделение к матери и факт кровосмешения в качестве одного из основных элементов человеческого существования. Вы скажете, быть может, что применяемые к «миру духовному» слова значат совсем иное, чем в применении к миру человеческому. Верно, что это было бы так, если бы нас в данном случае слушали ангелы. Но ведь мы, Ваши читатели – люди. И для нас определенные слова нельзя лишать их первоначального смысла, не рискуя ввергнуть нас просто в бессмыслицу⁸.

Разумеется, в ответном письме Булгаков отводит стрелы критики, подчеркивая, что его метафизика пола строится на совершенно иных основаниях, нежели теория Фрейда⁹. Однако зададимся вопросом – почему психоаналитическая теория стала предметом дискуссии именно в этот момент, летом 1924 г.? Опубликованная в 2011 г. на русском языке переписка основоположника классического психоанализа с его русскими корреспондентами дает ключ к разгадке. В марте 1924 г. крупнейший представитель уже отечественного психоанализа, Н.Е. Осипов, пишет своему учителю:

Высокоуважаемый учитель!

Мне хотелось бы на Пасху, 10–15 апреля, приехать на два дня в Вену. Будьте добры сообщить мне, когда можно приехать, чтобы иметь счастье провести с Вами час. Я имею желание взять с собой реферат из области «Фрейдовской социологии», но я сомневаюсь, что успею закончить. <...> Через некоторое время я намерен сделать доклад по реферату о теориях сексуального Фрейда в небольшом, но избранном обществе ученых (проф. Лосский, Булгаков, Струве и другие). Я с большой радостью думаю о предстоящей возможности видеть Вас и говорить с Вами¹⁰.

Мы не знаем достоверно, состоялся ли этот доклад на уровне официальном, в рамках какой-либо социальной институции –

⁸ *Булгаков С.Н.*, проф. прот. Ипостась и ипостасность (Scholia к «Свету Невечернему»). Приложения / Публ. и коммент. А.И. Резниченко // Сергей Булгаков: Pro et contra. Т. 2. С. 166.

⁹ См. об этом, например: [Резниченко 2012, с. 213–214].

¹⁰ Фрейд З. / Осипов Н. Переписка 1921–1929 / Сост. и ред. Е. Фишер, Р. Фишер, Х.-Х. Отто, Х.-Й. Роте; пер. с нем. Ижевск, 2011. С. 58.

«Хроника культурной, научной, общественной жизни в русской эмиграции в Чехословацкой республике» указывает лишь на один доклад Н.Е. Осипова на близкую тему «О детской сексуальности» в «Обществе русских врачей», состоявшийся 2 апреля 1924 г.¹¹ Однако допустимо предположить, что «небольшое, но избранное общество ученых» – представителей струвеанского кружка бывших «веховцев» в том расширенном толковании, которое господствовало в интеллектуальной жизни Праги, – было хорошо знакомо с теорией Фрейда через посредство Н.Е. Осипова; значительно менее возможно обратное влияние. Автор послесловия к переписке Фрейда с Осиповым Е. Фишер отмечает особую близость выдающегося представителя русского психоанализа с Н.О. Лосским, выдающимся русским интеллектуалом и членом струвеанского кружка, и одновременно – автором некролога «Николай Евграфович Осипов как философ», подчеркивая, однако, что в своих письмах к Фрейду «Осипов часто ссылался на философские модели, но наталкивался на очень сдержанную установку Фрейда по отношению к философии» [Фишер 2011, с. 219].

Однако желание онтологизировать сексуальность, столь характерное для русских психоаналитиков, было в полной мере присуще и Булгакову. Об этом свидетельствует введение совершенно новой категории – категории *ипостасности*¹², вынесенной непосредственно в заголовок программной статьи. София как живой организм не есть ипостась, что нарушало бы онтологическую конструкцию Троицы, – и одновременно не есть атрибут или «свойство». Ипостасность есть женственное реципирующее начало, – утверждает Булгаков, – однако лишенное каких-либо гендерных или социальных ролей: «Сила любви, однако, пассивная, женственная, самоотдание в приятии любви, но без способности стать активным <активной> ипостасным ее центром. Это – [то, что мистики называли:] “вечная женственность”»¹³. Это – «бессознательное» или «предсознательное» Божества.

¹¹ Хроника культурной, научной, общественной жизни в русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. 1. 1919–1929 / Под общ. ред. Л. Белошевой. Прага: Славянский ин-т, 2000. С. 147.

¹² Введение категории ипостасности привело к переосмыслению идеи личности, центральной для христианской философии XX в., да и для философии вообще. См. об этом: [Козырев 2019а; Цвален 2012; Цвален 2016; Цвален 2019].

¹³ *Булгаков С.Н.*, проф. прот. Ипостась и ипостасность (Scholia к «Свету Невечернему») / Публ. и коммент. А.И. Резниченко // Сергей Булгаков: Pro et contra. Т. 2. С. 153.

*«Главы о Троичности»:
работа над ошибками?*

Напомним, что первая публикация «Глав» состоялась на страницах парижского журнала «Православная мысль» в 1928 и 1930-х гг. с комментариями автора¹⁴. Уже в постсоветской России было предпринято переиздание «Глав»¹⁵. Лишь в 2009 г., в фонде прот. Сергея Булгакова в Архиве Свято-Сергиевского института в Париже нами было обнаружено продолжение «Глав» (с некоторым сбоем нумерации подглавок), и лишь в конце 2021 г. этот текст, наконец, увидел свет¹⁶. Текст представляет собой черновую рукопись с множеством правок и датируется 1925 г. (авторская датировка на л. 1 рукописи «Глав»: “Všernory. 16/29. VI. 1925”). «Пропущенная “Троичность”» составляет примерно треть общего объема целостного текста и продолжает, уточняет и обогащает его содержание. «Главам» предшествуют «Лекции о Троичности» 1924 г.¹⁷ – лекционный курс, содержание которого нам известно и из булгаковских набросков, и из записи лекций рукой Л.А. Зандера (не опубликованы). Эти датировки позволяют соотнести первоначальную редакцию текста «Глав» со статьей «Ипостась и ипостасность» и рассматривать «Главы» как своеобразное расширение и продолжение концепции, которая была изложена в статье, опубликованной в Праге. Фактически, Булгаков в «Главах о Троичности» осуществляет своеобразную «работу над ошибками», отводя стрелы критики от своей тринитарной онтологической модели, – как упреков в «четверении троичности» со стороны консервативного богословского лагеря (напомним, что именно в 1924 г., после публикации в эмигрантском «Новом Времени» статьи митр. Антония Храповицкого, обвинявшего Булгакова в четверении троичности и введении новой ипостаси, начался знаменитый «Спор о Софии»),

¹⁴ Булгаков С.Н., проф. прот. Главы о Троичности. Экскурс. Учение об ипостаси и сущности в восточном и западном богословии // Труды Православного богословского института. Вып. I. Париж, 1928. С. 31–88 (разд. 1–10 и экскурс); *Он же*. Главы о Троичности // Там же. Вып. II. Париж, 1930. С. 57–85 (разд. 11–13).

¹⁵ Булгаков С.Н. Главы о Троичности // Булгаков С.Н. Труды о Троичности / Сост., подгот. текста и примеч. А.И. Резниченко. М.: ОГИ, 2001 (Исследования по истории русской мысли. Т. 6). С. 54–180.

¹⁶ Булгаков С.Н., проф. прот. Главы о Троичности / Публ. и коммент. А.И. Резниченко // Сергей Булгаков: Pro et contra. Т. 2. С. 167–197.

¹⁷ Архив ПБССИ. Фонд прот. С. Булгакова. Кор. VIII. Папка 38. Ед. хр. 2.

так и упреков в сексуализации Софии – со стороны молодых представителей пражской эмиграции. Мы не знаем доподлинно, почему эти «Главы» не увидели света при жизни автора, но, безусловно, можем предполагать, что причиной к этому послужила резкая критика булгаковской софиологии и «справа» и «слева», актуализировавшаяся как раз в 1924 г.

Именно в «пропущенных “Главах”» содержатся булгаковская тринитарная онтологическая и софиологическая модели, переходные от «Ипостаси и ипостасности» – к тем моделям, которые известны нам по «Агнцу Божиему». Прежде всего Булгаков отказывается от паламитской концепции различения между сущностью и энергиями в Божестве, лежащей в основании онтологической модели «Ипостаси и ипостасности», где статус Софии прямо соотносится со сферой Божественных энергий, с использованием «классической» паламитской формулы “ἐνέργεια Θεός ἐστίν (хотя и не ὁ Θεός)”¹⁸: София как область Божественных энергий есть область перехода трансцендентного (Бог) в имманентное (мир). Словами Булгакова, «Софию необходимо понимать как τὸ ὄντως ὄν, умную сущность, как раскрывающийся мир божественных энергий, как всеединство, совершенный организм божественных идей»¹⁹. На всем протяжении уже «Глав» имя св. Григория Паламы не упоминается ни разу – ни в ранее опубликованных, ни в неопубликованных частях; в качестве необходимых для текста, написанного на языке теологии, отсылок к святоотеческому наследию Православной Церкви, упоминаются гораздо более конвенциональные свв. Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Дамаскин. Концепция «ипостасности» как «способности

¹⁸ Контroversы булгаковского паламизма обстоятельно изложены в: [Бирюков 2020; Петрова 2020]. Мы чрезвычайно признательны Д.С. Бирюкову за критические замечания к нашей работе, при републикации «Ипостаси и ипостасности» огрехи в грекоязычных цитатах у Булгакова устранены. Заметим лишь, что анализ источников показывает, что сам Булгаков не придавал решающего значения написанию термина “Θεός” с прописной или строчной буквы, что позволяет нам и далее придерживаться своей интерпретационной модели. Вместе с тем мы чрезвычайно признательны за вопросы и замечания концептуального характера, высказанные Д.С. Бирюковым в период длительного продумывания и написания этой статьи. Прояснению же онтологического статуса трансцендентной «отчей» сферы, выражающейся термином “ὁ Θεός”, посвящен отдельный раздел «пропущенной “Троичности”».

¹⁹ *Булгаков С.Н.*, проф. прот. Ипостась и ипостасность (Scholia к «Свету Невечернему»). С. 151.

к самоотданию», изложенная в «Ипостаси и ипостасности», заменяется моделью Софии-ипум:

И тем не менее в Боге, действительно, есть некое ипум, не только сам триединый Божественный Субъект в Его жизни, но и [самое] содержание этой божественной Жизни, сгустившееся облако самооткровения Божия или Слава Божия, – Божественная София, Божественный мир, единое Первоначало Творения в Боге. Нельзя сказать, что Бог есть это ипум, но он имеет это ипум как предвечное Свое созерцание или Славу. <...> Это единое и есть основание сотворения мира, его *principium*²⁰.

Однако далее, как и в «Ипостаси и ипостасности», Булгаков предостерегает от излишнего сближения Божественной Софии как *ipsum principium* с областью *οὐσία*: область Софии по-прежнему есть граница перехода между Богом и миром, между трансцендентным и имманентным, однако лишенная каких бы то ни было паламитских энергематических коннотаций. Этот переход, по Булгакову, осуществляется двояко. Во, первых, он является основой акта миротворения, акта разворачивания вечности во времени:

Бог в вечности сущий полагает Себя во времени, как самоповторение, мир есть становящийся Бог в своей онтологической сущности. Становление есть возникновение [во времени] из ничто. Все временное есть сплав из ничто и вечности²¹.

Во-вторых, – и в самых главных, – он является залогом обратной связи между миром и Богом или, еще точнее, – между человеком и Богом (вещь, совершенно невозможная в традиционном паламизме). С подлинной интеллектуальной страстью Булгаков проговаривает как раз именно те моменты, в которых его упрекали его недавние критики: и не только о четвертой ипостаси мы можем и должны говорить, а о четвертой, пятой и шестой, т. е. об особом универсуме ипостасей, содержание которого – каждая, любая человеческая личность, т. е. мы с вами. Иначе мир – лишь сказуемое без подлежащего, тогда как универсум ипостасей – подлежащее Первопредложения, раскрывает мир, как свое сказуемое:

Но это самоповторение в содержании мира, или его софийность, есть лишь сказуемое без подлежащего. Таковым подлежащим может

²⁰ Булгаков С.Н., проф. прот. Главы о Троичности. С. 168.

²¹ Там же. С. 171.

быть только ипостась, или ипостасный дух. И сотворение ипостасного духа, как подлежащего, к которому весь космос есть сказуемое, и есть самоповторение Бога в собственном смысле, создание человека по образу Божию и подобию для того, чтобы он владычествовал над миром. Бог как Любовь не мог создать мира, который был бы бездушной вещью или он был бы обитаем животными. Цель, смысл и содержание миротворения в сотворении человека, т. е. ипостасного духа. Но откуда же ипостась вне божественной триипостасности? Она и есть самоповторение божественной ипостасности, тварная или четвертая (пятая, шестая и т. д.) ипостась²².

Как и Абсолютный Субъект – Троица, взятый в аспекте наиболее глубинной, трансцендентной Отчей ипостаси (“ὁ Θεός”), человек обладает способностью к рождению. Булгакову важно переосмыслить критику собственной концепции в свете фрейдянской идеи (неважно, имманентных самому мыслителю – или вмененных ему его критиками). Понятно, что концепции Божественной Любви нет дела до теории либидо, и булгаковский “ὁ Θεός” совсем не равен фрейдовскому «сверх-Я», которое, напомним, содержит «зародыш, из которого образовались все религии»²³, да и сам Булгаков оговаривает еще и еще раз, что «Перенесение аналогий, связанных с половыми различиями, в область божественного, есть дело недозволительное. Однако, – продолжает далее мыслитель, – здесь мы имеем как раз обратный случай»²⁴, – и описывает сложнейшую систему отношения между Отчей и Сыновней ипостасями Троицы (традиционный теологический сюжет) в нежнейших образах зачатия, рождения и родительской любви, отводя особую роль как отцовскому, так и материнскому началу.

Но и это еще не все. Человеческая ипостась, т. е. наша субъектность, непосредственно связана с Сыновней ипостасью – ипостасью Слова. Переход от трансцендентного Отца к Сыну – это не только рождение. Переход от трансцендентного Отца к миру – это еще и Слово как Богоприсутствие. «Слово Божие не познает, но открывает Божие Молчание»²⁵. Мир был бы нем, и был бы сказуемым без подлежащего – если бы таким подлежащим не были бы мы сами; и наша способность слышать «глухой голос бытия»²⁶ и называть

²² Булгаков С.Н., проф. прот. Главы о Троичности. С. 173.

²³ Фрейд З. Я и Оно [Электронный ресурс]. URL: <https://freudproject.ru/?p=1115&page=2> (дата обращения 31 декабря 2021).

²⁴ Булгаков С.Н., проф. прот. Главы о Троичности. С. 184.

²⁵ Там же. С. 196.

²⁶ См. об этом: [Хироюки 2019].

вещи своими именами есть еще один, окончательный аспект залога связи между субъектом относительным (человеком) и Триипостасным Абсолютным Субъектом.

Выводы

Как видим, построения Булгакова середины 1920-х гг. невозможно отнести к какому-то определенному – философскому или богословскому – типу дискурса. Анализ статьи «Ипостась и ипостасность» и трактата «Главы о Троичности», воспринимаемых сейчас как единое целое, объединенное общностью и проблематики, и стилистики, показывает, что формирование булгаковской онтологической модели происходило в ситуации живой реакции и на общеевропейский интеллектуальный процесс, и на критику и недопонимание современников. Перед Булгаковым, как и перед его современниками-философами, стоял целый ряд сугубо философских проблем (онтология личности, трансцендентное, бытие, сексуальность, язык), которые он пытался решить на языке богословия (более того: на еще не существующем в окончательной мере языке русского православного богословия), что приводило к еще большему недопониманию и критике.

Это не отменяет значимости результатов этой интеллектуальной работы. «Ипостась и ипостасность» и «Главы о Троичности» – один из них. Эти тексты являются необходимым промежуточным звеном между работами крымского периода, такими, как «Трагедия философии», «Философия имени» и «Мужское и женское»/«Мужское и женское в Божестве», – и с «Агнцем Божиим», да и всей «Большой Трилогией». Без «пропущенной Троичности» наши взгляды и на тринитарную онтологию проф., прот. Сергия Булгакова, и на его концепцию личности, и непосредственно на его концепцию Софии как универсального принципа взаимоотношений между миром и Богом, будут неполны.

Источники

Булгаков С., прот. Ипостась и ипостасность (Scholia к «Свету Невечернему» // Сб., посв. Петру Бернгардовичу Струве ко дню 35-летия его науч.-публ. деятельности. 1890 – 30 янв. 1925. Прага, 1925. С. 353–371.

Булгаков С., прот. Ипостась и ипостасность. [Машинопись] // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. № 1. Д. 192. Л. 1–9.

- Булгаков С.Н.* Ипостась и ипостасность // Булгаков С.Н. Образ и первообраз. Соч.: В 2 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста, вводная заметка И.Б. Роднянской, коммент. Н.К. Бонецкой и И.Б. Роднянской. М.: Искусство, 1999. С. 313–322.
- Булгаков С.Н.* Ипостась и ипостасность // Булгаков С.Н. Труды о Троичности. М.: ОГИ, 2001. С. 19–38.
- Булгаков С.Н.*, проф. прот. Ипостась и ипостасность (Scholia к «Свету Невечернему») / Публ. и коммент. А.И. Резниченко // Сергей Булгаков: Pro et contra. Т. 2 / Сост. и коммент. иером. Мефодия (Зинковского), иером. Кирилла (Зинковского), А.И. Резниченко, иером. Тихона (Васильева). СПб.: РХГА, 2021. С. 146–167.
- Булгаков С.Н.* Главы о Троичности // Булгаков С.Н. Труды о Троичности / Сост., подгот. текста и примеч. А.И. Резниченко. М.: ОГИ, 2001 (Исследования по истории русской мысли. Т. 6). С. 54–180.
- Булгаков С.Н.*, проф. прот. Главы о Троичности / Публ. и коммент. А.И. Резниченко // Сергей Булгаков: Pro et contra. Т. 2 / Сост. и коммент. иером. Мефодия (Зинковского), иером. Кирилла (Зинковского), А.И. Резниченко, иером. Тихона (Васильева). СПб.: РХГА, 2021. С. 167–197.
- Булгаков С.Н.*, проф. прот. Главы о Троичности. Экскурс. Учение об ипостаси и сущности в восточном и западном богословии // Труды Православного богословского института. Вып. I. Париж, 1928. С. 31–88.
- Булгаков С.Н.*, проф. прот. Главы о Троичности // Труды Православного богословского института. Вып. II. Париж, 1930. С. 57–85.
- Булгаков С.Н.*, проф. прот. Главы о Троичности. Рукопись, автограф // Архив ПБССИ. Фонд прот. С. Булгакова. Кор. VIII. Папка 38. Ед. хр. 1.
- Фрейд З. / Осипов Н. Переписка 1921–1929 [текст] / Сост. и ред. Е. Фишер, Р. Фишер, Х.-Х. Отто, Х.-Й. Роте; Пер. с нем. Ижевск, 2011. 240 с.
- Фрейд З. Я и Оно [Электронный ресурс]. URL: <https://freudproject.ru/?p=1115&page=2> (дата обращения 31 декабря 2021).
- Хроника культурной, научной, общественной жизни в русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. 1. 1919–1929 / Под общ. ред. Л. Белошевской. Прага: Славянский ин-т, 2000. 368 с.

Литература

- Антонов 2019 – Антонов К.М. «Потребность» и «опыт»: К философской постановке проблемы религии в творчестве С.Н. Булгакова // Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А.П. Козырева. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 265–289.
- Бауэрова 2021 – Бауэрова К. София и софиология сегодня // Сергей Булгаков: Pro et contra / Сост. и коммент. иером. Мефодия (Зинковского), иером. Кирилла (Зинковского), А.И. Резниченко, иером. Тихона (Васильева). Т. 2. СПб.: РХГА, 2021. С. 838–846.

- Бирюков 2020 – *Бирюков Д.С.* Два мыслителя в разговоре о паламизме: софиологический паламизм о. Сергия Булгакова и неопаламизм о. Георгия Флоровского (1920-е гг.) // Вопросы богословия. 2020. № 1 (3). С. 13–43. DOI: 10.31802/2658-7491-2020-1-3-13-43.
- Ваганова 2019 – *Ваганова Н.А.* Догмат и антиномия в философии С.Н. Булгакова // Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А.П. Козырева. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 290–304.
- Васильев 2021 – *Иером. Тихон (Васильев)*. Богословие и философия в трудах отца Сергия Булгакова // Сергей Булгаков: Pro et contra / Сост. и коммент. иером. Мефодия (Зинковского), иером. Кирилла (Зинковского), А.И. Резниченко, иером. Тихона (Васильева). Т. 2. СПб.: РХГА, 2021. С. 870–890.
- Голлербах 2000 – *Голлербах Е.А.* К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб.: Алетейя, 2000. 560 с.
- Ермишина 2008 – «Любовь нужна пламенная...» Материалы к истории Братства св. Софии: письма Н.С. Трубецкого и прот. С.Н. Булгакова / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. К.Б. Ермишиной // Вестник ПСТГУ. Сер. I. «Философия. Богословие». 2008. Вып. 1 (21). С. 83–100.
- Козырев 2019a – *Козырев А.П.* Ипостась против индивидуальности. Личность у С.Н. Булгакова // Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А.П. Козырева. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 99–113.
- Козырев 2019b – *Козырев А.П.* Софиология о. Сергия Булгакова – «философема» или «теологема»? // Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А.П. Козырева. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 305–321.
- Колеров 1994a – *Колеров М.А.* Братство Св. Софии: «веховцы» и «евразийцы» (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 151–166.
- Колеров 1994b – *Колеров М.* Вокруг евразийства // Сегодня. 1994. 2 июля. № 123 (231).
- Колеров 1994c – *Колеров М.* Православизм против Православия // Сегодня. 1994. 16 июля. № 133 (241).
- Кривошеева 1994 – *Кривошеева Е.* К истории евразийства, 1922–1924 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. [Кн.] V. М.: Студия “Тритэ” Никиты Михалкова: Рос. архив, 1994. С. 475–502.
- Петрова 2020 – *Петрова Л.А.* Рецепция паламитского богословия в софиологии С.Н. Булгакова // Христианское чтение. 2020. № 3. С. 78–86.
- Резниченко 2012 – *Резниченко А.И.* О смыслах имён. Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: REGNUM, 2012. 426 с.
- Резниченко 2013 – *Резниченко А.И.* «Я не знаю, насколько тверды и самоотвержены миряне парижские...»: пятнадцать писем другу. Письма прот. Г.В. Флоровского прот. С.Н. Булгакову // Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития: Сб. науч. статей по итогам работы секции по истории русской мысли XXII Ежегодной богословской конференции ПСТГУ / Сост. К.М. Антонов, Н.А. Ваганова. М.: ПСТГУ, 2013. С. 104–116.

- Фишер 2011 – *Фишер Е.* История переписки // Фрейд З. / Осипов Н. Переписка 1921–1929 / Сост. и ред. Е. Фишер, Р. Фишер, Х.-Х. Отто, Х.-Й. Роте; Пер. с нем. Ижевск, 2011. С. 205–222.
- Хироюки 2019 – *Хироюки Х.* «Глухой голос бытия» – от «трансцендентального субъекта хозяйства» к «трансцендентальному субъекту речи» С.Н. Булгакова // Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А.П. Козырева. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 372–390.
- Хондзинский 2019 – *Хондзинский П.В.* Триадология и софийность: от В.С. Соловьева к о. Сергию Булгакову // Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А.П. Козырева. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 322–333.
- Хондзинский 2021 – *Хондзинский П.В.* Проблема языков богословия в «Большой трилогии» о. Сергия Булгакова // Сергей Булгаков: Pro et contra / Сост. и коммент. иером. Мефодия (Зинковского), иером. Кирилла (Зинковского), А.И. Резниченко, иером. Тихона (Васильева). Т. 2. СПб.: РХГА, 2021. С. 847–869.
- Цвален 2012 – *Цвален Р.М.* Спутники по разным путям: Николая Бердяев и Сергей Булгаков // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2008/2009. М.: REGNUM, 2012. С. 334–424.
- Цвален 2016 – *Цвален Р.М.* Тринитарная концепция личности у Николая Бердяева и Сергея Булгакова // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 151–159.
- Цвален 2019 – *Цвален Р.М.* Достоинство человека перед лицом меона: разные взгляды Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова // Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А.П. Козырева. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 163–194.

References

- Antonov, K.M. (2019), “‘Need’ and ‘experience’. On the philosophical formulation of the issue of religion in the work of S.N. Bulgakov, *Sergey Nikolaevich Bulgakov, Kozyrev, A.P.* (ed.), *Politicheskaya Entsyklopediya*, Moscow, Russia, pp. 265–289.
- Bauerova, K. (2021), “Sofia and sophiology today”, *Sergey Bulgakov: Pro et contra*, Comp. and comment. by Hierom. Methodius (Zinkovsky), Hierom. Kirill (Zinkovsky), A.I. Reznichenko, Hierom. Tikhon (Vasil’ev), vol. 2, RKhGA, Saint Petersburg, Russia, pp. 838–846.
- Biryukov, D.S. (2020), “Two Thinkers Discussing Palamism. Fr. Sergius Bulgakov’s Sophiological Palamism and Fr. Georges Florovsky’s Neo-Palamism (the 1920s)”, *Theological Questions*, no. 1 (3), pp. 13–43. DOI: 10.31802/2658-7491-2020-1-3-13-43.
- Fischer, E. (2011), “The History of the Correspondence”, *Freud Z. / Osipov N. Correspondence 1921–1929*, Fischer, E., Fischer, R., Otto, H.-H., Rote, H.-J. (comp., eds.), transl. from German, Izhevsk, Russia, pp. 205–222.
- Gollerbach, E.A. (2000), *K nezrिमому gradu. Religiozno-filosofskaya gruppa “Put” (1910–1919) v poiskakh novoi russkoi identichnosti* [On the Invisible City. Religious-

- Philosophical Group 'The Put' (1910–1919) in Search of a New Russian Identity], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Hiroyuki, H. (2019), " 'The Muffled Voice of Being' – from the 'transcendental subject of the economy' to the 'transcendental subject of speech' by S.N. Bulgakov", *Sergey Nikolaevich Bulgakov*, Kozyrev, A.P. (ed.), Politicheskaya Entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 372–390.
- Khondzinsky, P.V. (2019), "Triadology and Sophianism. From V.S. Solovyov to Fr. Sergius Bulgakov", *Sergey Nikolaevich Bulgakov*, Kozyrev, A.P. (ed.), Politicheskaya Entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 322–333.
- Khondzinsky, P.V. (2021), "The issue of languages of theology in the 'Great Trilogy' by Fr. Sergius Bulgakov", *Sergey Bulgakov: Pro et contra*, Comp. and comment. by Hierom. Methodius (Zinkovsky), Hierom. Kirill (Zinkovsky), A.I. Reznichenko, Hierom. Tikhon (Vasiliev), vol. 2, RKhGA, Saint Petersburg, Russia, pp. 847–869.
- Kolerov, M.A. (1994a), "Brotherhood of St. Sophia: 'Milestonists (Vekhovsky)' and 'Eurasianists (Eurasytsy)' (1921–1925)", *Voprosy Filosofii*, no. 10, 1994, pp. 151–166.
- Kolerov, M.A. (1994b), "Around Eurasianism", *Segodnya*, 1994, July 2, no. 123 (231).
- Kolerov, M.A. (1994c), "Orthodoxism against Orthodoxy", *Segodnya*, 1994, July 16, no. 133 (241).
- Kozyrev, A.P. (2019a), "Hypostasis versus Individuality. S.N. Bulgakov on the Personality", *Sergey Nikolaevich Bulgakov*, Kozyrev, A.P. (ed.), Politicheskaya Entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 99–113.
- Kozyrev, A.P. (2019b), "Sophiology of Fr. Sergius Bulgakov – 'philosopheme' or 'theologeme'?", *Sergey Nikolaevich Bulgakov*, Kozyrev, A.P. (ed.), Politicheskaya Entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 305–321.
- Krivosheeva, E. (1994), "On the History of Eurasianism", Rossiiskii arkhiv: Istoriya otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX v. [Russian archive. History of the fatherland in evidence and documents of the 18th–20th centuries], [Book] V. St. Petersburg; decree: M.: Ros. archive, 1994, pp. 475–502.
- Petrova, L.A. (2020), "Reception of Palamite theology in the sophiology of S. N. Bulgakov", *Khristianskoe chtenie* [Christian Reader], no. 3, pp. 78–86.
- Reznichenko, A.I. (2012), *O smyslakh imen. Bulgakov, Losev, Florenskii, Frank et dii minores* [About the Meanings of Names. Bulgakov, Losev, Florensky, Frank et dii minors], REGNUM, Moscow, Russia.
- Reznichenko, A.I. (2013), " 'I don't know how firm and selfless the Parisian laymen are...': fifteen letters to a friend. Letters from Archpr. G.V. Florovsky to Archpr. S.N. Bulgakov", *Softologiya i neopatristskii sintez: dva bogoslovskikh itoga filosofskogo razvitiya: Sb. nauch. statei po itogam raboty seksii po istorii russkoi mysli XXII Ezhegodnoi bogoslovskoi konferentsii PSTGU* [Sophiology and neopatristic synthesis. Two theological results of philosophical development. Collection of scientific articles summarizing the work results of the section of the Russian thought history at the XXII Annual Theological Conference of PSTGU], Antonov, K.M., Vaganova, N.A. (comp.), PSTGU, Moscow, Russia, pp. 104–116.

- Vaganova, N.A. (2019), “Dogma and antinomy in the philosophy of S.N. Bulgakov”. *Sergei Nikolaevich Bulgakov*. A.P. Kozyrev (ed.), Politicheskaya Entsyklopediya, Moscow, Russia, pp. 290–304.
- Vasil'ev, T., *Hierom. Tikhon (Vasiliev)* (2021), “Theology and Philosophy in the Works of Father Sergius Bulgakov, *Sergey Bulgakov: Pro et contra*, Comp. and comment. by Hierom. Methodius (Zinkovsky), Hierom. Kirill (Zinkovsky), A.I. Reznichenko, Hierom. Tikhon (Vasiliev), vol. 2, RKhGA, Saint Petersburg, Russia, pp. 870–890.
- Ermishina, K.B. (2008), “ ‘Fiery love is needed...’ Materials for the history of the Brotherhood of St. Sophia. Letters from N.S. Trubetsky and prot. S.N. Bulgakov”, Text preparation, intro. article and comm. by K.B. Ermishina, *Vestnik PSTGU. Ser. I. “Philosophy. Theology”*, iss. 1 (21), pp. 83–100.
- Zwahlen, R.M. (2012) “Companions on different paths: Nikolai Berdyaev and Sergei Bulgakov”, *Issledovaniya po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik 2008/2009* [Studies in Russian Intellectual History, Yearbook 2008/2009], REGNUM, Moscow, Russia, pp. 334–424.
- Zwahlen, R.M. (2016), “The Trinitarian Concept of Person of Nikolai Berdyaev and Sergei Bulgakov”, *History of Philosophy*, vol. 21, no. 1, pp. 151–159.
- Zwahlen, R.M. (2019), “Dignity of a person in the face of meon. Different views of N.A. Berdyaev and S.N. Bulgakov”, *Sergey Nikolaevich Bulgakov*, Kozyrev, A.P. (ed.), Politicheskaya Entsyklopediya, Moscow, Russia, pp. 163–194.

Информация об авторе

Анна И. Резниченко, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв», отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурьлина», Королев, Россия; 141060, Россия, Московская обл., г. о. Королёв, мкрн. Болшево, ул. Свободная, д. 12; annarezn@yandex.ru

Information about the author

Anna I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

MBUK МОК, dep. “Memorial House-Museum of S.N. Durylin”, Korolev, Moscow region, Russia; bld. 12, Svobodnaya Street, microdist. Bolshevo, Korolev, Moscow region, Russia, 141060; annarezn@yandex.ru

Некоторые аспекты критики учения
прот. С. Булгакова
в контексте темы соотношения
философии и богословия

Николай Н. Павлюченков

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, prav1905@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается критика В.Н. Лосским учения прот. С. Булгакова в контексте темы соотношения философии и богословия. На примерах оценок Н.А. Бердяевым состояния современного ему богословия в России и энциклопедических определений особенностей богословия обращается внимание на сложность проблемы и отсутствие четких критериев, по которым христианское богословие можно отличать от христианской религиозной философии. В этой связи рассматриваются критерии такого различения, предложенные В.Н. Лосским: необходимость «апофазы» в богословском исследовании и пребывание богослова в мистическом «потоке» Предания Церкви. Эти необходимые для богослова требования В.Н. Лосский связал с понятием «церковности» и тем самым вновь поднял вопрос о необходимости дать догматически точное определение Церкви и ее «границ». После краткого анализа постановки аналогичной задачи Е.Н. Трубецким в начале XX в. делается главный вывод о том, что понятию «границ Церкви» так же, как и критериям отличия богословия и религиозной философии, по всей видимости, невозможно дать рациональное определение.

Ключевые слова: философия, богословие, Церковь, церковность, Предание, прот. С. Булгаков, В.Н. Лосский

Для цитирования: Павлюченков Н.Н. Некоторые аспекты критики учения прот. С. Булгакова в контексте темы соотношения философии и богословия // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 29–43. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-29-43

Some aspects of criticism of the teachings
of archp. S. Bulgakov in the context of the topic
of the correlation of philosophy and theology

Nikolai N. Pavliuchenkov

*Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities,
Moscow, Russia, npavl905@mail.ru*

Abstract. The article considers V.N. Lossky's criticism of the teachings of Prot. S. Bulgakov in the context of the topic of the correlation of philosophy and theology. Examples of N.A. Berdyaev's assessments of the state of contemporary theology in Russia and encyclopedic definitions of the features of theology are given. Attention is drawn to the complexity of the issue and the lack of clear criteria by which Christian theology can be distinguished from Christian religious philosophy. In that connection, the criteria for such a distinction, which were proposed by V.N. Lossky, are considered: the need for "apophase" in theological research and the theologian's stay in the mystical "stream" of the Tradition of the Church. V.N. Lossky linked those requirements necessary for the theologian to the concept of "ecclesiasticism". Thus, he once again raised the question of the need to give a dogmatically precise definition of the Church and its "borders". After a brief analysis of the formulation of a similar issue by E.N. Trubetsky in the early twentieth century the author makes the principal conclusion that the concept of "boundaries of the Church", as well as the criteria for distinguishing theology and religious philosophy, is apparently impossible to give a rational definition.

Keywords: philosophy, theology, Church, ecclesiasticism, Tradition, Archpr. S. Bulgakov, V.N. Lossky

For citation: Pavliuchenkov, N.N. (2021), "Some aspects of criticism of the teachings of archp. S. Bulgakov in the context of the topic of the correlation of philosophy and theology", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 29–43, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-29-43

На тему взаимоотношения философии и богословия написано много. В современной постановке возникающая здесь проблема сводится к возможности (или невозможности) придавать богословию такой же статус гуманитарной науки, какой имеет философия. При этом как противники, так и сторонники положительного решения этого вопроса, как правило, признают, что рациональная сфера богословского знания своим источником имеет область, принципиально не поддающуюся научному (философскому, психологическому, социологическому и др.) исследованию. Эта

область характеризуется такими понятиями, как «Божественное Откровение», «богообщение» и т. п., причем это – фундамент, на котором должны строиться все теологические системы, от которых поэтому не следует требовать полного и непротиворечивого *объяснения* всех своих положений. Авторы энциклопедических статей на тему «богословия» (или «теологии») непременно совершают исторический экскурс и указывают на известное раннехристианское представление о связи богословия и молитвы¹, вернее, о зависимости постижения предметов богословского знания от опыта молитвенного предстояния пред Богом. Философия на этом фоне представляется чисто рациональной гуманитарной наукой, которая если и связана с какими-то мистическими, интуитивными прозрениями того или иного философа, то всегда готова эти прозрения подвергнуть рациональному осмыслению.

Между тем хорошо известно, что как богословие, так и философия в своем реальном проявлении в разные исторические периоды могут не соответствовать своим энциклопедическим определениям. В данном случае можно привести пример критики «отвлеченного» характера богословия «школы», т. е. академического богословия в России конца XIX – начала XX в. Традицию такой критики заложил еще А.С. Хомяков, продолжил В.С. Соловьев, а Н.А. Бердяев довел ее до крайности, когда констатировал полное отчуждение «школьного» богословия от «тайн религиозной жизни». «Для богословского исследования, – утверждал он, – совсем не нужна живая религиозность субъекта, хотя и требуется формальная принадлежность к какому-нибудь вероисповеданию»². В посвященной А.С. Хомякову работе у Бердяева сказано, что

...русское школьное богословие, схоластическое по духу, в сущности, не было в настоящем смысле этого слова православным, не выражало религиозного опыта православного Востока как особого пути, не было опытным, живым. <...> Нельзя ведь понять православие по официальному богословию, нужно вникнуть в интимную религиозную жизнь народа, в восточную аскетику, мистику православных святых³.

¹ «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, и если истинно молишься, то ты богослов» (Творения аввы *Евагрия*. Аскетические и богословские трактаты / Пер., вступ. ст. и коммент. А.И. Сидорова. М.: Мартис, 1994. С. 83).

² *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издат. М.В. Пирожкова, 1907. С. IX.

³ *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. М.: Путь, 1912. С. 87, 102.

С позиций заданной Бердяевым перспективы «нового религиозного сознания» религиозная философия должна взять на себя функции богословия, которое в «исторической» Церкви в России окончательно и бесповоротно утратило связь со своим мистическим основанием. Предлагая философию в качестве адекватной замены богословию, Бердяев не столько усложнил решение проблемы их взаимоотношения, сколько вывел саму постановку этой проблемы на другой уровень. Ведь если определенные религиозно-философские системы могут строиться на *той же* мистическом основании, которое, в свою очередь, было утрачено в определенных богословских системах, то обозначаемая в энциклопедиях и справочниках «граница» между философией и богословием становится максимально подвижной и даже исчезающей. С.С. Аверинцев писал:

Идеал теолога колеблется между двумя совершенно разнородными идеалами: идеалом ученого... и идеалом «друга Божьего», которому Бог раскрывается в личностном и потому «неизреченном» опыте общения⁴.

Но примерно то же самое можно сказать, например, о трудах Ф. Баадера или, что совсем близко к нашей эпохе, о «Непостижимом» С.Л. Франка. При этом С.Л. Франк – общепризнанный религиозный философ, которого, насколько известно, «богословом» называть еще никто не пытался.

По словам автора статьи «Богословие» в «Православной Энциклопедии», свящ. Владимира Шмалия,

Богословие училось функционировать в невероятно тяжелых методических условиях: с одной стороны, жесткая апофаза – говорить о Боге мы почти ничего не можем, с другой – обязаны. Создается специфика богословской мысли, где вынужденно говорится о том, о чем говорить нельзя, выражается невыразимое, говорится о полноте из ситуации неполноты, незаконченности, зыбкости [Шмалий 2002, с. 517].

По этой причине богословие, используя философские понятия, превращает их в философские метафоры или, как отмечает автор статьи, ссылаясь на В.Н. Лосского, их «деконцептуализирует» [Шмалий 2002, с. 517]⁵. В данном случае, характер этого *особо важ-*

⁴ Аверинцев С. Собр. соч.: София-Логос. Словарь / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Киев: Дух и Литера, 2006. С. 6.

⁵ См. у В.Н. Лосского: *Лосский В.Н.* Апофаза и троическое богословие // Лосский В.Н. По образу и подобию. М.: Издат. Свято-Владимирского братства, 1995. С. 6.

ного, свойственного *только* богословию мистического основания раскрывается словом «апофаза», которое обозначает особую дисциплину богословствующего ума, призванного «умолкать» не просто перед чем-то, в данный момент остающимся в этом мире таинственным и непознанным. В состоянии «апофазы» ум «умолкает» перед реальностью, опознаваемой посредством Откровения как *нетварная*, не имеющая никаких аналогов во всем сотворенном мире.

Очевидно предполагается, что на такое опознание не способна философия, которая приучает человеческий ум к непрестанному поиску и не различает «тайны», недоступные уму в силу его еще недостаточного развития и «тайны», для прикосновения к которым ум должен преодолеть самого себя и выйти за пределы вообще всего, что есть в этом мире. Ссылка на В. Лосского в статье свящ. Владимира Шмалия весьма показательна, поскольку именно В. Лосский, – автор работ по «мистическому богословию», – приложил немало усилий для раскрытия своего убеждения в том, что только христианской «мистике» доступно различие «тварного» и «нетварного». И, кроме того, сделанный В. Лосским анализ понятия «апофатическое богословие» был призван показать, что человеческий ум в состоянии «апофазы» отнюдь не утрачивает свои способности мышления, а восходит на новые уровни познания уже в состоянии своего благодатного преображения.

* * *

Что, собственно, нового сумел сказать В.Н. Лосский по теме соотношения религиозной философии и богословия и какие вопросы оставил неразрешенными, показывают его статьи, написанные под влиянием полемики с учением прот. Сергия Булгакова или непосредственно в процессе этой полемики. Считая Булгакова «самым гениальным богословом XX в.» [Лосский Н. 2006, с. 96], В. Лосский считал необходимым лишь «очистить» его концепции от софиологии⁶ и других последствий, как он полагал, проникновения религиозной философии в богословие. И с этой, последней точки зрения, Булгаков оценивался как выдающийся философ, ставший в эмиграции еще более выдающимся богословом, не сумевшим, однако,

⁶ По словам о. Николая Лосского, его отец говорил: «Софиологию надо взять в руки, исправить в ней кое-что – и это будет величайший вклад в православие» (цит. по: *Оболевич Т., Резвых Т.* «Два человека вернули Св. Отцов в философию – Флоровский и мой отец...»: Письма Владимира Николаевича Лосского к Семену и Татьяне Франк // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2016–2017 / Под ред. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2017. С. 805).

четко разграничить в своем творчестве богословие и философию. Это – один из основных аргументов В.Н. Лосского, призванных пояснить причину появления в учении Булгакова неортодоксальных богословских концепций.

В полемической статье «Спор о Софии» (Париж, 1936) В. Лосский писал о «глубоком невежестве» защищающей учение Булгакова «многочисленной в наши дни богословствующей полунинтеллигенции», о неосуществленном «возрастании в Церкви» Булгакова как богослова⁷. В обоих случаях речь, очевидно, шла о некоей важнейшей особенности богословия, которая выделяет его из всех других областей знания и делает его неместимым в определение «одной из гуманитарных наук». Учение Булгакова перед лицом, как полагал В. Лосский, «суда Церкви» защищают те, кто, как и сам Булгаков, эту особенность не замечают, желая нести в богословие свои собственные идеи. Специфика богословия должна учитываться мыслителем по мере обретения им опыта жизни и творчества в Церкви, и есть разница между трудами философа, испытывавшего религиозное обращение и желающего *начать* служить Церкви (каким был профессор С.Н. Булгаков в 1910-е гг.), и трудами протоиерея, уже много лет служащего Церкви и обладающего духовным авторитетом для многих своих учеников, последователей и почитателей. «Свет Невечерний», писал В. Лосский, это книга «философа, устремленного к полноте ведения в Церкви», а «Агнец Божий» – книга «пресвитера Церкви, плененного своей философией и извращающего ради нее православное учение, восставая против Отцов»⁸.

К этому аргументу сводился, может быть, самый существенный пафос всей критики В. Лосского, вышедшей за рамки собственно доктринальных оценок, перешедшей «на личность» и, по всей видимости, именно поэтому вызвавшей достаточно жесткую и отчасти даже неадекватную реакцию почитателей о. Сергия⁹. В заключение своего критического обзора В. Лосский писал:

⁷ См.: *Лосский В.Н.* Спор о Софии // Лосский В. Боговидение. М., 2006. С. 11, 21.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ На обвинения в «доносительстве» В. Лосский счел необходимым ответить особо: «Слова “донесение”, “донос”, – писал он, – обозначают сообщение по начальству о делах, скрываемых почему-либо теми, на кого доносят. Книга о. С. Булгакова не является “подпольной литературой”, но печаталась и продавалась открыто. Называть “донесением” сообщение из содержания, сделанное по запросу митрополита Сергия, по меньшей мере неуместно» (*Лосский В.Н.* Спор о Софии. С. 13).

Нестерпимо трудно отказаться от «труда всей своей жизни». Но Истина выше не только труда всей жизни, но и труда жизни всего человечества... Она одна может «сделать нас свободными» от рабства этому труду. Когда о. Сергей Булгаков пришел к стенам Церкви, не отрекся ли он без колебаний от труда, превышающего не одну жизнь, – от 500-летнего труда гуманизма с его трагической судьбой?... Пусть не говорит о. Сергей Булгаков, что теперь перед ним «и догматически закрываются двери Матери Церкви». Двери эти открыты для всех. Закрыть их может только горделивое упорство его большого, но ослепленного ума¹⁰.

К сожалению, резкость подобных выражений и сам, во многом политизированный, фон полемики, не способствовали внимательному отношению к конкретной аргументации В. Лосского, в которой он подчеркивал необходимость «апофазы» в богословской мысли. В. Лосский показывал, что апофатика, разделяющая богословие и философию, есть, в конечном итоге, не остановка человеческого ума во «мраке» неведения, а именно «путь», на котором начинается богообщение и благодатное обновление ума. Но если так, то должны быть обозначены причины, по которым возможность такого же обновления отрицается на иных «путях» – например, в творчестве философа, обращающегося, подобно богослову, к свидетельствам Божественного Откровения – Священному Писанию и святоотеческому Преданию Церкви.

В. Лосский использовал для Откровения образ золотоносного потока, который дает золотые отложения – *тексты* церковного Предания¹¹, содержащие в себе свидетельства рожденного в подвижничестве духовного опыта, раскрывающие факты постижения аскетически очищенным сердцем и умом тех или иных истин Божественного Откровения. Это – не само Предание, а его фиксация в тех временных, пространственных и смысловых «точках», где это было признано необходимым – либо по «соборному разуму Церкви», либо по разуму отдельного носителя Предания – св. отца. Если святоотеческие и вероучительные тексты Церкви подвергать исследованию вне живого «потока» Предания, они станут лишь *источниками* для научных исследований. А статус «источников» позволяет по отношению к текстам Предания вносить необходимые поправки на разницу во времени, на ситуацию, в которой творил тот или иной автор и, ориентируясь при этом уже на современную постановку проблем, выдвигать свои богословские положения, гипотезы и теории.

¹⁰ Лосский В.Н. Спор о Софии. С. 92.

¹¹ Там же. С. 25.

Философия знает, в принципе, только такой подход к текстам, и таким же, по своим методам, становится и богословие, если утратит свою мистическую связь с мистическим «потоким». Тогда все святоотеческие труды принимаются как набор человеческих философских систем, а отсутствие апофатики в постижении Откровения приводит к построению в богословии очередной системы, созданной философской мыслью и творческим воображением мыслителя¹².

Таким образом, речь идет о том, чтобы мысль оставалась в «потоке» Предания, которое есть постоянно звучащий голос Церкви¹³, не могущий умолкнуть только потому, что на дворе XXI век, а не эпоха Вселенских соборов. С этой точки зрения свидетельство Церкви продолжается, и суть богословского метода должна заключаться в том, чтобы в данной конкретной ситуации суметь в это свидетельство «вслушаться», а не только методически воспроизводить и прилагать к современности отдельные мнения св. отцов. «Не нам, – писал В. Лосский, – указывать о С. Булгакову, что те или иные отдельные мнения отцов могут быть неточны и даже ошибочны: не в воспроизведении их заключается почитание авторитета отцов Церкви. Церковное Предание есть живая Истина, в которой творили отцы, а не мертвая буква “церковной литературы”, которой можно безответственно пользоваться для подтверждения своих мнений»¹⁴.

Мысль о том, что Булгаков в своем учении о Софии внедряет философские идеи в богословие (формально обосновывая их ссылками на свв. отцов) высказывалась неоднократно. Так, по свидетельству прот. И. Мейендорфа, прот. Г. Флоровский признавал софиологию «незаконным использованием философии для выражения христианских догматов»¹⁵. В России, где в конце 1970-х – начале 1980-х годов на страницах церковной печати стали появляться статьи о свящ. П. Флоренском, его философско-богословское учение попытались размежевать с аналогичными концепциями Булгакова с той же точки зрения. Так, причисляя творчество Флоренского к «оригинальной традиции богословской мысли» Московской духовной академии, архимандрит Иннокентий указывал, что в этой традиции, в отличие от «парижского» богословия, «не было подмены существенных богословских понятий философскими» [Просвирнин 1982, с. 66].

¹² См.: Лосский В.Н. Спор о Софии С. 29–30.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Мейендорф И., прот. Предисловие // Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 3.

На этот же момент в 1984 г. обращал внимание в своей выпускной (в МДА) диссертации внук П.А. Флоренского, публикатор его наследия, иеромонах (впоследствии – игумен) Андроник (Трубачев), который из всех приверженцев метафизики всеединства выделял Флоренского тем, что он не философию вводил в богословие, а напротив, богословские догматические принципы вводил в философию [Трубачев 1998, с. 75]. Впоследствии, в 2006 г., во введении к первому тому своего шеститомника «Путь к Богу» игум. Андроник писал:

Введение догматических принципов в философию резко противостоит обратному ходу, когда философские принципы вводятся в богословие. Путь, по которому так смело пошел отец Павел, одухотворяет философию, заставляет серьезно продумать ее основные начала, показывает, что тварный мир пронизан законами Логоса, Божественной энергией. Противоположный путь оземляет богословие, приводит к смешению Богооткровенных догматов и человеческих понятий, утверждает Хаос. В этом еще один и очень серьезный пункт расхождения отца Павла с представителями концепции метафизики всеединства [Трубачев 2012, с. 6].

В приведенных примерах неназванный, но, очевидно, имеющийся в виду прот. С. Булгаков обвинялся в «подменах» и смешении богословия с философией. Суждения В.Н. Лосского на этом фоне представляются наиболее радикальными: Булгаков богословствует вообще вне «потока» Предания и остается, на самом деле, только в пределах религиозной философии. Но, предложив свои, взаимосвязанные друг с другом критерии различения богословия и философии («апофаза» и движение мысли в «потоке» Предания), В. Лосский не устранил почву для споров относительно степени причастности или непричастности автора (современного или древнего) к постулируемому мистическому «потоку».

Соглашаясь признать богословствование прот. С. Булгакова «нецерковным»¹⁶, В.Н. Лосский фактически отождествил этот «поток» с «церковностью» и тем самым снова актуализировал тему «научного» определения Церкви и «церковности». Но сам он, как известно, такого определения не дал, а поставил его как задачу для богословов XX века. В статье «Спор о Софии» содержалось указание на современный «докетизм», растворяющий Церковь в космосе или превращающий ее в «богочеловеческую» духовную энергию, в то время как она является *конкретной* и *осязаемой*, «как

¹⁶ Там же. С. 86.

Тело, Которое осязал Фома»¹⁷. При этом свое собственное убеждение в возможности дать *точную* догматическую формулировку учения о Церкви Лосский связал с им же самим разработанным богословским различием «личности» и «природы», т. е., фактически, с приданием своему богословию личности догматического значения. Появившиеся после В. Лосского как развитие его учения концепции богословского персонализма, в силу своей особой дискуссионности, как минимум, притормозили в отечественном богословии процесс поиска точных экклесиологических определений по пути, указанному В. Лосским.

* * *

Нельзя не заметить в этой связи, что, по существу, проблема определения и определмости «церковности» уже обсуждалась в начале XX века и обсуждалась, в числе прочего, также и в контексте наличия той реальности Предания, которую В. Лосский позже назвал мистическим «потоком». В 1914 г. Е.Н. Трубецкой высказал критические замечания на утверждение свящ. П. Флоренского в «Столпе и утверждении Истины» о принципиальной невозможности всю полноту церковной жизни уложить «в узкий гроб логического определения»¹⁸. В «Столпе», с точки зрения Е. Трубецкого, строгие догматические критерии «церковности» оказались замененными критерием эстетическим¹⁹ – весьма субъективным и способным порождать множество вопросов с противоречивыми ответами. Флоренский писал:

Что такое церковность? Это – новая жизнь, жизнь в Духе. Каков же критерий правильности этой жизни? – Красота. Да, есть особая красота духовная, и она, неуловимая для логических формул, есть в то же время единственный верный путь к определению, что православно и что нет. Знаюки этой красоты – старцы духовные, мастера «художества из художеств», как святые отцы называют аскетику. Старцы духовные, так сказать, «набили руку» в распознавании доброкачественности духовной жизни. Вкус православный, православное обличье чувствуется, но оно не подлежит арифметическому учету;

¹⁷ Мейендорф И., *прот.* Указ. соч. С. 87–88.

¹⁸ Флоренский П.А. Соч.: В 2 т. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. С. 5.

¹⁹ Трубецкой Е.Н. Свет Фаворский и преображение ума // П.А. Флоренский: Pro et contra: Личность и творчество Павла Флоренского в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология: [Учеб. пособие]. СПб.: РХГА, 2001. С. 307.

православие показуется, но не доказывается. Вот почему для всякого, желающего понять православие, есть только *один* способ, – прямой опыт православный. Рассказывают, что плавать теперь за границу учатся на приборах, – лежа на полу; точно так же можно стать католиком или протестантом по книгам, нисколько не соприкасаясь с жизнью, – в кабинете своем. Но, чтобы стать православным, надо окупиться разом в самую стихию православия, зажить православно, – и нет иного пути²⁰.

По существу, реальность, о которой здесь идет речь, есть та же, что представлялась В. Лосскому как «мистический поток». И Е. Трубецкой, фактически признавая ее наличие, потребовал отказаться от убеждения в ее стихийности и доступности только сфере чувств:

Где же он – этот *прямой* опыт и как каждый из нас, несовершенный и грешный человек, отличает его от *непрямого*?.. Где те святые старцы, «православному вкусу» коих я должен доверять...? Где истинный «вкус православный» – у старообрядцев, у имяславцев, у католиков или у Святейшего Синода?²¹ –

эти вопросы, по мысли Е. Трубецкого, требуют обращения к разуму и логике так, чтобы именно в *понятиях* были оформлены «*твердые принципы*» для отличения и отделения церковного и внецерковного²². Но Е. Трубецкой не ставил напрямую вопрос о соотношении философии и богословия, будучи в этом отношении, скорее всего, сторонником идеи их синтеза. «Церковность» для него заключалась в наличии действительного, реального «боговоплощения» как содержания и «смысла всей жизни человечества и твари»:

Не чем иным, как социальным воплощением Христа Богочеловека, Его всемирным телом хочет быть сама Церковь; где есть это непрерывно действенное боговоплощение – там и она, и вне его она – ничто. Здесь, в зерне – все учение Церкви о себе самой; в этом – основание для включения в нее всех тех человеческих общин, в которых непрерывно совершается тайна воплощения; в этом же – основание для исключения из нее всех тех обществ, которые этой тайны не признают или по каким-либо другим основаниям ею не обладают!²³

²⁰ *Флоренский П.А.* Указ. соч. С. 7–8.

²¹ *Трубецкой Е.Н.* Свет Фаворский и преображение ума. С. 308.

²² Там же. С. 310.

²³ *Трубецкой Е.Н.* Указ. соч. С. 310–311.

Далее Трубецкой отмечает, что непрерывное боговоплощение в Церкви совершается через таинства и через указание на необходимость наличия апостольского преемства приходит к другим (помимо явления Богочеловека и боговоплощения), как он подчеркивает, *формальным* признакам и объективным критериям церковности – соборности и апостольству.

Боговоплощение, богочеловечество, обожение человечества, таинства, иерархи-мистагоги, эти *человеческие посредники* в богочеловеческой мистерии, совершающейся в Церкви, – все это различные выражения одного и того же *смысла*, звенья одной и той же неразрывной *жизненной и вместе логической системы*²⁴.

Если эти «догматические», формальные и, вместе с тем, жизненные признаки не исчерпывают всего жизненного содержания Церкви, то они должны быть дополнены новыми догматическими определениями: «Указывать на неполноту существующего определения – значит не отрицать его существование, а требовать его восполнения», что Трубецкой и полагает «новой задачей» церковной мысли²⁵. Обоснование необходимости решения этой задачи, данное Евгением Трубецким, по смыслу практически полностью совпадает с тем, что позже В.Н. Лосский привел в «Споре о Софии». Е.Н. Трубецкой говорил:

На обязанности православного богослова лежит – ясно осознать и точно сформулировать тот объективный критерий церковности, который дал бы возможность разобраться в шатких и противоречивых показаниях индивидуального «религиозного опыта» и вкуса. Иначе мы рискуем утратить самое сознание единства Церкви. Затмение вселенского сознания и анархия индивидуальных переживаний вместо церковной соборности – таков тот неизбежный логический конец, к которому приводит критерий «православного вкуса»²⁶.

В данном случае представляется существенным то обстоятельство, что эти критерии, как они приведены у Трубецкого, еще сами нуждаются в пояснении и раскрытии, от точности чего будет зависеть и направление поиска новых, восполняющих догматических определений. Настаивая, фактически, на безусловной возможности такого понятийного, логического раскрытия, Тру-

²⁴ Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 311.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 309.

бецкой утверждает права человеческого разума не только жить в «потоке» Предания, фиксировать в нем и извлекать из него нужное в данный момент богословское положение, но и практически полностью, «без остатка» осмыслять этот «поток», делать его наличие или отсутствие в каждом конкретном случае показуемым и доказуемым всегда и ровно настолько, насколько требуются возникшие обстоятельства.

* * *

В. Лосский, по всей видимости, достаточно хорошо знал работы Е. Трубецкого, поскольку однажды назвал его неизвестным Западу «единственным “софианцем”, богословская мысль которого осталась вполне православной»²⁷. Как и Е. Трубецкой, он не мог удовлетвориться достаточно аморфным понятием «религиозного опыта» или представлением о «стихии» православия, о которой писал Флоренский. Но приблизиться к решению поставленной Е. Трубецким задачи ему не удалось. Внешне, с формально-логической стороны, его обвинения в адрес богословия прот. С. Булгакова оказываются на уровне «православного вкуса», так как, в данном случае, только с такой позиции можно *доказывать* непричастность автора «Большой» и «Малой» «трилогий» к «потоку» церковного Предания. Но эта слабая сторона аргументации В. Лосского, как и совершенное им достаточно поспешное удаление религиозной философии из сферы «церковности», как представляется, не умаляет значения его попытки решить проблему соотношения богословия и философии. Отрицательный результат здесь лишний раз свидетельствует, что эта проблема, как и задача догматического определения Церкви, по всей видимости, не имеют своего решения на рациональном уровне.

Источники

Аверинцев С. Собрание соч.: София-Логос. Словарь / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Киев: Дух и Литера, 2006. 902 с.

Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Путь, 1912. VII, 250 с.

Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издат. М.В. Пирожкова, 1907. 233 с.

Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты / Пер., вступ. ст. и коммент. А.И. Сидорова. М.: Мартис, 1994. 363 с.

²⁷ *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1990. С. 194.

- Лосский В.Н.* Апофаза и троическое богословие // Лосский В.Н. По образу и подобию. М.: Издат. Свято-Владимирского братства, 1995. С. 2–9.
- Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1990. 288 с.
- Лосский В.* Спор о Софии // Лосский В. Боговидение. М., 2006. С. 11–93.
- Мейендорф И., прот.* Предисловие // Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильно, 1991. С. 1–6.
- Трубецкой Е.Н.* Свет Фаворский и преображение ума // П.А. Флоренский: Pro et contra: Личность и творчество Павла Флоренского в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология : [Учеб. пособие]. СПб.: РХГА, 2001. С. 314–352.
- Флоренский П.А.* Соч.: В 2 т. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. 491 с.

Литература

- Лосский Н. 2006 – *Лосский Н., диак.* Возрождение патристического богословия в XX в. в католической и православной Церквях на Западе // Православное богословие и Запад в XX в. История встречи: Материалы Междунар. конф. Синодальной Богословской комиссии Русской Православной Церкви и итальянского фонда «Христианская Россия» (Италия, 2004). Христианская Россия, 2006. С. 95–99.
- Просвирнин 1982 – *Просвирнин И., архим.* О творческом пути священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1982. № 4. С. 65–76.
- Трубачев 2021 – *Трубачев А., игум.* Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Книга 1. М.: Городец, 2012. 672 с.
- Трубачев 1998 – *Трубачев А., иером.* Теодицея и антроподицея в творчестве священника Павла Флоренского. Томск, 1998. 196 с.
- Шмалый 2002 – *Шмалый В., свящ.* Богословие // Православная Энциклопедия. Т. V. М.: Православная энциклопедия, 2002. С. 515–520.

References

- Losskii N. (2006), “The Revival of Patristic theology in the twentieth century in the Catholic and Orthodox Churches in the West”, *Pravoslavnoe bogoslovie i Zapad v XX v. Istorija vstrechi: Materialy mezhdunar. konf. Sinodal'noj Bogoslovskoj komissii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i ital'yanskogo fonda "Hristianskaya Rossiya" (Italiya, 2004)* [Orthodox Theology and the West in the twentieth century. The history of the meeting. Proceedings of the international conference. Synodal Theological Commission of the Russian Orthodox Church and matedrials of the Italian Foundation “Christian Russia” (Italy, 2004)], *Khristianskaya Rossiya*, pp. 95–99.
- Prosvirnin, I. (1982), “About the creative path of Priest Pavel Florensky”, *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], no 4, pp. 65–76.

- Trubachev, A. (2021), *Put' k Bogu. Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svyashchennika Pavla Florenskogo* [The way to God. Personality, life and work of Priest Pavel Florensky], Book 1, Gorodets, Moscow, Russia.
- Trubachev, A. (1998), *Teoditseya i antropoditseya v tvorchestve svyashchennika Pavla Florenskogo* [Theodicy and Anthropodicy in the works of Priest Pavel Florensky]. Tomsk, Russia.
- Shmalii, V. (2002), "Theology", *Pravoslavnaya Entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], vol. 5, pp. 515–520.

Информация об авторе

Николай Н. Павлюченков, кандидат богословия, кандидат философских наук, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23, стр. 5а; npavl905@mail.ru

Information about the author

Nikolai N. Pavliuchenkov, Cand. of Sci. (Theology), Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russia; bldg. 5a, bld. 23, Novokuznetskaya Street, Moscow, Russia, 115184; npavl905@mail.ru

Война как отрицательное откровение: Грааль М. Пришвина и С. Булгакова

Елена Ю. Кнорре

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия;

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,

Москва, Россия, Lena12pk@yandex.ru

Аннотация. В статье впервые сопоставляется философия войны Михаила Пришвина и о. Сергея Булгакова на материале военных дневников Пришвина 1914–1941 гг. и работ С. Булгакова, посвященных софиологии страдания («Святой Грааль» (1932), «Размышления о войне» (1940) и др.). Определяются богословские контексты военной темы: война как отрицательное откровение, софийность войны, обнаружение истины Богочеловечества на войне. Сопоставляется мистика «невидимой церкви» М. Пришвина и С. Булгакова. Делается вывод о том, что софиология страдания С. Булгакова может рассматриваться как один из релевантных контекстов для философии и богословия войны в дневниках Пришвина. Пришвин, как и Булгаков, описывает открывшуюся в крестной жертве военной Голгофы правду сверхличного коллектива (образы «мирской чаши», ростка «невидимой церкви», «великого Собора живых»). Вместе с тем, определяя духовный смысл войны, Пришвин ставит вопрос о преодолении войны как идеи, рожденной безучастным, теоретическим мышлением, отрицающим личное целое, интуицию «другого».

Ключевые слова: М. Пришвин, В. Соловьев, прот. С. Булгаков, теология войны, софийность войны, отрицательное откровение, философия, литература

Для цитирования: Кнорре Е.Ю. Война как отрицательное откровение: Грааль М. Пришвина и С. Булгакова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 44–60. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-44-60

War as a negative revelation.
The Grail of M. Prishvin and S. Bulgakov

Elena Yu. Knorre

*Russian Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature,
Moscow, Russia;*

*Orthodox St. Tikhon University for the Humanities,
Moscow, Russia, Lena12pk@yandex.ru*

Abstract. For the first time in Russian science the article compares Mikhail Prishvin's philosophy of war and archpriest Sergei Bulgakov's theology of war on the material of Prishvin's war diaries of 1914–1941 and S. Bulgakov's works devoted to the sophiology of suffering ("The Holy Grail" (1932), "Reflections on War" (1940), etc.). The article defines theological contexts of the military theme: the war as a negative revelation, the sophistry of war, the discovery of the truth of God-manhood in war. The mysticism of the "invisible church" of M. Prishvin and S. Bulgakov is compared. It is concluded that the sophiology of S. Bulgakov's suffering can be regarded as one of the relevant contexts for the philosophy and theology of war in Prishvin's diaries. Prishvin, like Bulgakov, describes the truth of the super-personal collective, revealed in the cross sacrifice of the war Calvary (the images of the "Lay Chalice", the sprout of the "invisible church", "the great Conciliarity of those alive"). Along with that, defining the spiritual meaning of war, Prishvin raises the question about overcoming war as an idea born of indifferent theoretical thinking, which denies the personal whole, the intuition of the "other".

Keywords: M. Prishvin, V. Soloviev, Archpr. S. Bulgakov, theology of war, the sophistry of war, negative revelation, philosophy, literature

For citation: Knorre, E.Yu. (2021), "War as a negative revelation: The Grail of M. Prishvin and S. Bulgakov", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 44–60, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-44-60

Введение

Философия войны и мира – источник ключевых тем и сюжетов дневника и художественного творчества М.М. Пришвина. В дневниковой записи от 6 апреля 1915 г. Пришвин описывает замыслы будущих произведений, среди которых и «Книга войны»¹. Продол-

¹ *Пришвин М.М. Дневники: 1914–1917 гг. / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина; Указат. имен Т.Н. Бедняковой, Е.В. Михайлова. СПб.: Росток, 2007. С. 172.*

жая эту мысль, 12 апреля он напишет: «Война как момент творчества жизни: это проследить в личности»². Дневниковые записи и произведения, составленные по мотивам дневника, становятся метатекстом этой ненаписанной книги, воплотив ее замысел и авторскую установку.

К изучению мифопоэтики Пришвина периода Первой мировой и Гражданской войн обращались в своих исследованиях И.Г. Новоселова [Новоселова 2004, с. 18–75], Е.М. Криволапова [Криволапова 2013], Е.Ю. Константинова [Константинова 2014], А.М. Подоксенев [Подоксенев 2014], Е.Ю. Кнорре [Кнорре 2016], Н.В. Борисова [Борисова 2018] и др., однако концептуализация войны в творчестве Пришвина в данном направлении исследовании специально не рассматривалась. Реконструкции философии войны в дневниках М. Пришвина посвящена вторая глава в диссертации Е.Ю. Кнорре «Сюжет “пути в Невидимый град” в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930-х гг.» [Кнорре 2019, с. 79–27], где размышления писателя о войне включены в контекст дискуссий о «государстве» и «церкви» в Религиозно-философском обществе в Санкт-Петербурге. Социально-политическая проблематика войны и революции в дневниках М. Пришвина определяется в сюжетном поле религиозно-философского мифа о Невидимом граде, источниками которого является платоновский и соловьевский софийный миф о проявлении в раздробленном мире путей к богочеловеческому единству. Как и Ф.А. Степун³, И.Г. Эренбург⁴, Пришвин воспринимает войну экзистенциально, вне патриотической риторики тыла. Вместе с тем писатель выстраивает своеобразную метафизику войны: война осмысливается как испытание, открывающее путь к утраченной и закрытой теперь по грехам правде всечеловеческого единства, символом которой в дневнике писателя становятся образы Невидимого града, «невидимой церкви».

² Пришвин М.М. Дневники: 1914–1917 гг. С. 173.

³ См. подробнее о военных дневниках Ф. Степуна в статье А.В. Михайловского: [Михайловский 2015, с. 106–111].

⁴ Характеризуя литературу военного времени, В. Полонский пишет о семантической доминанте, сущность которой – «экзистенциализация сакрального, его одомашнивание, рожденное тем, что Илья Эренбург в книге «Лик войны» назвал «новым бытом и новым уютом на лобном месте». <...> Обыденность жертвенного крестоношения, прирученность смерти знаменуют путь к обретению абсолютной свободы на глубине последнего самоотречения – ужас происходящего парадоксально чреват именно этим» [Полонский 2014, с. 705].

В изображении войны как времени, открывающем сокрытое в повседневности единство мира, можно увидеть и аллюзии к софиологии войны в трудах С. Булгакова. В предлагаемом исследовании мы предпримем попытку сопоставить софиологию страдания С. Булгакова и голгофскую тему в философии войны М. Пришвина как релевантные контексты восприятия Первой мировой войны, Гражданской и Второй мировой войны.

Сюжет спасения в философии войны М. Пришвина

Тема спасения на войне в голгофском преображающем страдании объединяет дневники Пришвина периода Первой мировой войны, Гражданской и Второй мировой войн. Наблюдая войну как событие истории, Пришвин размышляет о смысле и значении войны, проявлении в самих событиях исторической жизни символов другой реальности:

Дух неизменный и вечный, что перед ним все исторические события, но все-таки война что-нибудь значит <...> (Гауптман: простреленная грудь – разрушенный храм)⁵.

Непосредственному изображению войны посвящены дневниковые записи 1915–1916 годов, которые представляют собой дневник военного корреспондента, сделанный во время двух поездок на фронт: с 24 сентября по 18 октября 1914 г., с 15 февраля по 15 марта 1915 г. Дневниковые заметки становятся основой и двух газетных очерков: «На братскую линию» (1914), «Отзвуки боя» (1915). Опыт путешествия отражен также и в очерке «В Августовских лесах (Отзвуки войны)» (1915), а также в оформившемся позже цикле очерков «Слепая Голгофа».

Образ войны как загадки, смысл которой нужно понять, становится лейтмотивом размышлений автора в различных эпизодах дневника. Пришвин создает свою онтологическую трактовку войны как повседневного состояния мира, сопоставляет видимую войну как факт политической реальности и войну невидимую, повседневную, которую понимает как разделенность и раздробленность в сознании людей, не видящих мира как целого: «Мне

⁵ Пришвин М.М. Дневники: 1914–1917 гг. С. 97.

казалось этой ночью, что всегда была и есть война во всякой повседневности, только невидная»⁶.

В дневниках 1915 г. Пришвин осмысляет войну как дело жизни и смерти, поглощающее целиком человека. Символично и сравнение в этом контексте войны с родами: на войне человек переживает, искушает грех нечувствия, отсутствия сострадания, рационального, прагматичного восприятия мира («расширение души после греха»⁷). Пришвин обращается к образу «завесы бытия» («стены годов»⁸), символическому соответствию покрывала Изида в трудах С. Булгакова, ткань которого скрывает подлинный мир – Софию, невидимую церковь богочеловечества. Тема человеческого греха как «завесы», заслоняющей Божий мир⁹, где человек ощущает родство с людьми и природой, – ключевой лейтмотив военных дневников писателя. Тропой, открывающей человечеству Невидимый Божий град, становится подвиг причастия всей полноте жизни, ощущение себя частью вселенной как единой большой семьи (невидимой «истинной земли»). В последней записи дневника 1914 года Пришвин размышляет о страдании как христианском пути спасения человека через смирение воли и внимание к «другому» – к подробностям повседневной жизни людей и природы. В дневниках 1914 г. Пришвин пишет о смирении человека, открывающего присутствие рядом «Божьих цветов», мира как единой семьи:

⁶ *Пришвин М.М.* Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. В.А. Фатеева. СПб.: Росток, 2004. С. 473.

⁷ *Пришвин М.М.* Дневники: 1914–1917 гг. С. 138.

⁸ Образ завесы и его соответствия в дневниках Пришвина 1900–1930 годов («стена годов», «ширма войны», «кровавая завеса» мира и пр.) в мифоязыке Пришвина есть символическое обозначение стены Невидимого града – стены времени и пространства, за которой соприкасается Вечный мир, Невидимый град Божий, по грехам сокрытый, см. подробнее: [Кнорре 2019].

⁹ См. Д. Мережковский о понятии мира Божия: «Отвлеченная идея человечества впервые воплощается в церкви вселенской, и “Римский мир” становится миром Божиим – рах Dei» (*Мережковский Д.* О религиозной лжи национализма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. Т. 3: 1914–1917. М.: Русский путь, 2009. С. 17).

...весь мир одна семья, стоит только заговорить по-человечески.
<...> Человек смиряется и на другого смотрит: как другой живет¹⁰.

Катастрофа войны в дневниках М. Пришвина становится, как и позже у С. Булгакова, испытанием человека, проявляющем в нем новое знание – открывающее для него Божий мир. Война изображается не только как внешняя стихия, пространство смерти, которое подавляет («она меня давит, я беспомощен... Даже в тущобе лесной в Рождество нельзя укрыться от войны»¹¹). Путь преодоления войны осмысливается в оптике христианского персонализма как действие метаноии, религиозного обращения личности: от смятенного малого «я», страдающего и переживающего ужас утраты, к рождению нового человека на войне, сострадающего другому, видящего себя как часть общего со всеми мира.

Война изображается Пришвиным как драма человеческого пути от мнимой реальности, мира отчужденных механических взаимодействий к реальности как миру, внутренне соединенному живыми связями сопереживания («весь мир как одна семья»). Путь к подлинной реальности сокрытого за завесой греха Невидимого града – всечеловеческого единства, изображен в сюжете прозрения «нового в очевидном»¹². В дневниках Первой мировой войны неподлинный мир, мнимый изображается через метафору «ширмы войны». Это мир вытесняющих друг друга взаимодействий людей, когда «люди пытаются и... не могут убить друг друга»¹³. Символично переживание пространства войны в движении от рефлексирующего тыла к братской линии: путь от рефлексии к братскому ощущению мира изображается как переход границы – открытие «завесы бытия»¹⁴. Война проявляет особую духовную связь всех людей – «невидимую церковь» живых и мертвых, всех существ в космосе. Образы сострадания людей и зверей (микросюжет о прапорщике, отказавшемся застрелить раненую лошадь, которая взглянула на него «человечьими глазами»¹⁵), братского

¹⁰ *Пришвин М.М.* Дневники: 1914–1917 гг. С. 10.

¹¹ Там же. С. 124, 126.

¹² Там же. С. 139.

¹³ *Пришвин М.М.* Дневники: 1918–1919 гг. / Коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М.: Моск. рабочий, 1994. С. 80.

¹⁴ *Пришвин М.М.* Дневники: 1914–1917 гг. С. 580.

¹⁵ *Пришвин М.М.* Указ. соч. С. 151. См. также о «взгляде лошади» в статье А.В. Михайловского о военных дневниках Ф. Степуна: «Сопrotивление тотальной технизации мира, последние следы нравственного отношения к бытию – вот что открывается ему во взоре лошади, “которого никогда не забыть”» [Михайловский 2015, с. 108].

единения людей на войне (пир на полянке; избушка, где старушка привечает каждого – и русских, и австрийцев) в художественном пространстве Пришвина ассоциируются с образом Божьего мира – вселенной как общего дома, всечеловеческого единства.

Эсхатологическое измерение войны воплощается в хронотопе Страстной Седмицы. Время войны вмещается в символическое пространство трех дней – восхождения на Голгофу, смерти и Воскресения Христа: «мне казалось, что люди взбирались все выше и выше на неприступную гору»¹⁶. Кульминацией пути военного корреспондента становится разговор с ксендзом, где выявляется пасхальный, преображающий смысл объединяющего людей страдания, когда «мукой искупались муки других»: «Священник слушал меня и вдруг воскликнул:

– Да ведь это же: “Смертию смерть поправ!”»¹⁷.

Слова пасхального тропаря «Смертию смерть поправ!» объединяют события Голгофы и Воскресения. Образ разрушения храма души, когда война повергает человека в смятение, получает завершающую рифму в образе созидания храма в три дня – символа восстановления духовного мира, воскрешения души в сострадании людей друг к другу.

Пришвин видит провиденциальный смысл войны в разрушении «наивного эгоизма»¹⁸ государств, затевающих войны ради новой территории и сфер влияния. Война открывает путь искупления греха эгоизма. Сострадание («мукой за муку»¹⁹) творит новый мир, рождает в человеке бессмертную личность, обращенную с сочувствием к каждому живому существу. В дневниках 1921 г. путь личности к новому миру определяется как воскресение в «Мы»:

...гибель Я сознательного (малого разумного) предопределена, и у Христа она возводится в сознание (смертию смерть): сознательная смерть для спасения души и воскресения. Эта смерть (страдание) и есть единств<енный> путь выхода сознат<ельного> из себя²⁰.

Тема голгофского страдания, открывающего невидимую связь всех живых существ, звучит и в дневниках периода Гражданской

¹⁶ Пришвин М.М. Дневники 1914–1917 гг. С. 159.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 171.

¹⁹ Там же. С. 173.

²⁰ Пришвин М.М. Дневники: Книга третья. Дневники: 1920–1922 гг. / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина; Указатель имен Е.В. Михайлова. М.: Моск. рабочий, 1995. С. 190.

войны: это время переживается как испытание, личная Голгофа, сходение во ад, открывающее «истинную землю» – мир, внутренне связанный «нитьями» сострадания. Мотив откровения на войне звучит, как и ранее, в сюжете о прояснении «завесы бытия», на которой начертан лик врага.

Дневниковый покаянный сюжет обретает рифму в повести «Мирская чаша» (1922), главный герой которой – учитель Алпатов – переживает во время войны откровение единства мира. Как и альтер эго автора в дневнике, преодолевший завесу бунта и мщениия, Алпатов принимает «чашу мира» сего – во время Гражданской войны, разделяющей общую землю на «своих» и «чужих», учит детей видеть мир в свете родственного внимания. Обучая детей краеведению²¹, учитель Алпатов проявляет посреди ада войны райский мир «вечных имен».

Пришвин противопоставляет два облика мира через символическое сопоставление двух «сосудов»: кипящий чан «черного передела» земли русской, символ «войны всех против всех»²² и «мирскую чашу»²³ искупления – «мир», который открывает новый человек (Адам) в свете родственного внимания «любви различающей». Символический смысл образа «мирской чаши» раскрывается в сопоставлении с образом св. Грааля в философии С. Булгакова:

И весь мир есть эта Чаша Святого Грааля... он сокрыт в мире от мира... он существует в нем как невидимая сила, и он становится видимым, является чистым сердцам, того достойным²⁴.

В дневниках и повести Пришвина мирская чаша символизирует священную плоть мира – «комму-собор»²⁵, братство во Христе всех зверей и людей. Это невидимый Божий град, про-

²¹ См. подробнее о метафизике краеведения в творчестве М. Пришвина: [Кнорре 2018, с. 31–40].

²² Ср.: *Булгаков С.Н., прот.* Размышления о войне // Булгаков С.Н., прот. Чаша Грааля. Софиология страдания / Ред., сост., вступ. ст. архим. Савва (Мажуко). М.: Ника, 2021. С. 268.

²³ Образ мирской чаши появляется во сне одного из героев повести, Савина: «...тучи закрыли небо души. Но в эту ночь завеса открылась, и свою собственную душу увидел спящий, как чашу; из нее пили, ели и называли эту душу МИРСКОЮ ЧАШЕЙ» (*Пришвин М.М.* Цвет и крест. С. 421).

²⁴ *Булгаков С.Н., прот.* Чаша Грааля. Софиология страдания. С. 15.

²⁵ В повести «Мирская чаша» Пришвин противопоставляет два типа объединения – комму-легион и комму-собор.

растающий сквозь «толщу» разделенной земли в образе «невидимой церкви»²⁶.

* * *

Эсхатологическое прочтение войны как поля духовного испытания человека, открывающее «истинный мир» как Богочеловеческое единство, невидимую церковь, можно увидеть и в дневниках М. Пришвина периода Второй мировой войны. В сказке-были Пришвина «Кладовая солнца» (1945) тема повседневной войны представлена как «правда вековой суровой борьбы людей за любовь»²⁷. Война – наказание, открывающее забытую правду всечеловеческого единства. В дневниках 1941 г. Пришвин пишет, что сама идея «большой войны» появляется вследствие забвения личности в рациональной идее вычисления «Среднего Должного». Пришвин вновь обращается к идее «воскрешения из числа», противопоставляя логику математическую, разделяющую людей, интуиции родственного внимания, в свете которого мир видится как «одна семья».

2 августа 1941 г. Пришвин размышляет об истинном виновнике войны и находит его, как и прежде, в теоретическом, пропускающем «живую личность» мышлении:

Ужасная идея «большой войны» заключалась в том, чтобы миллионами истраченных жизней современных людей создать вечное благополучие будущих людей всего мира... Ужасная идея рождалась не как рождается вся жизнь на земле, в муках, а выходила из спокойного вычисления Среднего посредством арифметической пропорции²⁸.

Как и в повести «Мирская чаша», «воскрешение из числа»²⁹ обретается в деятельности различения. Образам невидимой церкви, мистической чаши здесь соответствует образ открывшегося в огне катастрофы «великого Собора живых»³⁰.

²⁶ Пришвин М.М. Дневники: 1918–1919 гг. М.: Моск. рабочий, 1994. С. 122.

²⁷ Пришвин М.М. Кладовая солнца // Пришвин М.М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1983. С. 250.

²⁸ Пришвин М.М. Дневники: 1940–1941 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой; статья, коммент. Я.З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 534.

²⁹ Пришвин М.М. Цвет и крест. С. 374.

³⁰ Пришвин М.М. Дневники: 1940–1941. С. 535.

*Война как отрицательное откровение
в теодицее о. Сергия Булгакова*

Софиология войны и страдания подробно разворачивается в поздних работах о. Сергия Булгакова: «Софиология смерти» (1940-е), «Размышления о войне» (1940), «Христос в мире» (1940), записные книжки 1939–1942 гг.)³¹. В этот период, как отмечает А.П. Козырев,

...для Булгакова София, софиология дает возможность катастрофического богословия, которое свидетельствует о присутствии Божиим в мире [Козырев 2011, с. 235].

Образ Софии как откровения Бога в мире появляется уже в раннем творчестве С. Булгакова. К.М. Антонов констатирует, что «эта структура мысли работает уже в “Свете Невечернем”» [Антонов 2020, с. 398]. Н.А. Ваганова отмечает, что в работе С. Булгакова «Свет Невечерний» (1917), написанной в течение 1911–1916 гг., образ Софии соотносится с идеей теофании: «истончаются прежде непроницаемые “покровы Изида”, скрывающие природу явлений» [Ваганова 2011, с. 301]; вместо «природы явлений» появляется образ софийной души мира, которая «закрыта многими покрывалами, как Саисская богиня, причем эти покрывала сами собой истончаются по мере духовного восхождения человечества» [Ваганова 2011, с. 301]. Ваганова выделяет несколько определений Софии в работах «Философия хозяйствования» и «Свет Невечерний»: «человечество историческое (София эмпирическая)», «единая сущность, идеальное человечество», «идеальный космос», «предвечные идеи» (Философия хозяйства, 1912); София – это

...душа мира, тело Христово, Церковь, идеальная душа твари, всеединое, универсальная связь мира, идеальный умопостигаемый космос, божественная Плерома, Великая Матерь, Богоземля, откровение Бога в мире, живое откровение Божества, Св. Троица в мире («Свет Невечерний» 1917) [Ваганова 2011, с. 306].

О связи Бога и мира в раннем творчестве С. Булгакова А.И. Резниченко пишет следующее: «В “Свете Невечернем” тема взаимоотношения Бога и мира едва только намечается указанием на мировое “есть”, ЕСИ как акт полагания мира Богом и обнаружения мира в

³¹ См.: *Булгаков С.Н., прот.* Чаша Грааля. Софиология страдания / Ред., сост., вступ. статья архим. Савва (Мажуко). М.: Никея, 2021.

Боге» [Резниченко 2012, с. 40]. При этом «феноменальный мир (как хаос) есть становящийся Космос, софийный по своей сущности, но несофийный по состоянию» [Резниченко 2012, с. 56].

Тема проявления в «несофийном по состоянию» мире [Резниченко 2012, с. 56] Божественного начала звучит и в «Размышлениях о войне» (1940), где Булгаков предлагает своеобразную апологию войны как отрицательного откровения Софии. Война представляется как «путь ософияния твари», ставится вопрос о «софиодичее войны». В «Размышлениях о войне» проявляются основы теодицеи С. Булгакова и его софиологии страдания, черты которой описаны в работе «Святой Грааль» (1932). Война на земле есть продолжение, следствие войны на небе – «священной войны» со злом:

Можно ли не хотеть преодоления войны? Праздный вопрос. <...> Во всяком случае, не о буржуазно-себялюбивом преодолении войны говорится в Слове, но о непримиримости ко злу. Она выражается в нещадной борьбе даже в небе, в которой и ангелы *не возлюбили души своей даже до смерти* (Откр. 12:11), являя собой образ священной войны³².

Первоисточником войны является первородный грех: «Жизнь мираотягчена смертностью, которая есть последствие первородного греха. В этом и заключается первоисточник войны, ненависти и зла»³³. Священная война в небесах и ее отражение на земле – это путь преодоления греха, борьба «за активную творческую заданность»:

Нетворческая пассивность и здесь не может иметь места, ибо она не соответствует закону софийности творения, причем этот закон имеет равную силу на небе и на земле. И если не будет войны в прямом смысле, то остается война с собой, в себе и за себя, т. е. с пассивностью нетворческой за активную, творческую заданность. Такое значение имеет война в небесах. В связи с этим раскрывается смысл ее и на земле, – и даже не в В.-Заветной церкви, но в христианской. Война может быть путем, вернее, одним из путей ософияния твари³⁴.

Война, по Булгакову, – это «историческая катастрофа, разбивающая привычный уклад жизни, взрывающая застывшую кору,

³² Булгаков С.Н., *прот.* Размышления о войне. С. 231.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 288. См. также об идее невидимой войны: [Кнорре Б. 2015].

из-под которой течет расплавленная лава»³⁵. Признавая зверство войны, Булгаков утверждает ее спасительный смысл. В момент потрясения человечество проявляет «энтузиазм жертвенности», ощущает вновь забытое единство – откровение тварной Софии:

Человек невольно освобождается от обычной обмирщенности. В нем пробуждается орган софийности, чувство божественного в мире и в истории. В душе начинает звучать торжественный звон вечности. Конечно, это чувство Бога борется и смешивается с ревом звериного царства. Война есть организованное зверство, по крайней мере, столько же, сколько и энтузиазм жертвенности. Но и софийность как откровение тварной Софии в истории есть такое же противоборство света и тьмы³⁶.

Однако не сама война, как пишет Булгаков, «есть откровение Премудрости Божией, но в ней и чрез нее в человеке она начертывает свои письмена»³⁷. Катастрофа военного времени открывает в мире разрозненных индивидуалистических волей сверхличное целое. Булгаков противопоставляет атомизирующему индивидуализму духовный организм, сверхиндивидуальное начало, целое, которое проявляется во время войны:

Эта спайка является проводником той общей связи, которая вносит сверхиндивидуальное начало в личные судьбы. Такова и война, которая есть явление в высшей степени социальное, не только объединяющее, но в известной степени и поглощающее начала личного действия. <...> Отсюда и проистекает вся немощь рационалистического и индивидуалистического пасифизма, который не ведает сил целого. Недаром такое целое в апокалиптике неизменно описывается чертами живого существа, духовного организма³⁸.

Сверхличное целое, открывающееся на войне, есть, по Булгакову, «невидимая церковь» – со-страждущий людям Христос, «святой Грааль человеческой общественности»³⁹. Эта невидимая церковь включает все спасенное человечество и природу. Откровение Святого Грааля во время войны есть начало общечеловеческого

³⁵ Булгаков С.Н., *прот.* Размышления о войне. С. 300.

³⁶ Там же. С. 311–312.

³⁷ Там же. С. 312.

³⁸ Там же. С. 304–305.

³⁹ Булгаков С.Н., *прот.* Святой Грааль // Булгаков Сергей, протоиерей. Чаша Грааля. Софиология страдания. С. 43.

свершения, «работы спасения» – предвестие будущего Тысячелетнего царства праведников:

В человечестве загорается идея общечеловеческого свершения, «общего дела»⁴⁰, «прогресса», Града Божия на земле, который отнюдь не находится в противоречии идее Небесного Иерусалима, напротив, есть для него земное «место», исторический коррелят для эсхатологии⁴¹.

Не сама война является путем к Граду Божию, а открывающаяся на войне правда борьбы добра со злом.

Настоящая война коренится в глубинах греха человека и является в разных формах и в мирное время. Путь преодоления войны – это победа над злом в душе человека, его раскаяние в своем равнодушии и жестокости. Софийный смысл войны у Булгакова включает понятие духовной победы: это не победа над внешним врагом, но преодоление внутреннего врага – победа звериного начала через сострадание. Как и в дневниках Пришвина, путь к подлинному миру («миру») лежит в особом аскетическом труде человека, преодолевающим ненависть к врагу. Война побеждается «не железом, но силою духа»⁴². Подлинная победа зла возможна лишь через сораспятие Христу – через Голгофу преображающего и объединяющего людей сострадания друг другу.

Заключение

Проведенное сопоставление позволяет выделить общие философско-богословские контексты военной темы в творчестве прот. С. Булгакова и М. Пришвина. В дневниках М. Пришвина периода Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн можно реконструировать своеобразную философию войны, сближающую его, с одной стороны, с критикой милитаризма у Д. Мережковского и А. Мейера, с другой – с теологией войны в трудах С. Булгакова, посвященных софиологии страдания (война как отрицательное откровение, софийность войны, обнаружение истины Богочеловечества на войне). Оба мыслителя выявляют эсхатологическое измерение войны: за видимой войной как явлением истории скры-

⁴⁰ См. подробнее об идее войны и концепции общего дела в философии Н. Федорова: [Гачева 2016, с. 44–62].

⁴¹ Булгаков С.Н., прот. Святой Грааль. С. 44.

⁴² Булгаков С.Н., прот. Размышления о войне. С. 232.

вается невидимая война с врагом рода человеческого. Война у Булгакова становится отрицательным откровением – это катастрофа, взрывающая кору ложного мира, который держится равновесием «корысти и страха», и открывающая подлинный мир как Богочеловеческое единство, «св. Грааль человеческой общечеловечности». Как и для Булгакова, провиденциальный смысл войны у Пришвина заключается в обнаружении родственной связи существ в мире – забытого по грехам чувства всеединства. Пришвин, как и Булгаков, описывает открывшуюся в крестной жертве военной Голгофы правду сверхличного коллектива, св. Грааль, символические соответствия которого в мифопоэтике Пришвина – «собор» лиц, «мирская чаша», росток «невидимой церкви», «великий Собор живых».

Источники

- Булгаков С.Н., прот.* Чаша Грааля. Софиология страдания / Ред., соств., вступ. ст. архим. Савва (Мажуко). М.: Никая, 2021. 384 с.
- Мережковский Д.* О религиозной лжи национализма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. Т. 3: 1914–1917. М.: Русский путь, 2009. 656 с.
- Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8 (дневники 1905–1954 гг.). М., 1986.
- Пришвин М.М.* Дневники: 1918–1919 гг. / Комментар. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М.: Моск. рабочий, 1994. 380 с.
- Пришвин М.М.* Дневники: Книга третья. Дневники: 1920–1922 гг. / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Комментар. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина; Указ. имен Е.В. Михайлова. М.: Моск. рабочий, 1995. 336 с.
- Пришвин М.М.* Цвет и крест. Незвестные произведения 1906–1924 годов / Сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. В.А. Фатеева. СПб.: Росток, 2004. 608 с.
- Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917 / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Комментар. Я.З. Гришиной, [В.Ю. Гришина]; Указ. имен Т.Н. Бедняковой, Е.В. Михайлова. СПб.: Росток, 2007. 608 с.
- Пришвин М.М.* Дневники. 1940–1941 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой; статья, коммент. Я.З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. 813 с.

Литература

- Антонов 2020 – Антонов К.М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. 608 с.

- Борисова 2018 – *Борисова Н.В.* «Безнадежно... висим над бездною». Революционная повседневность 1918 года в дневнике М.М. Пришвина // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 15–28.
- Ваганова 2011 – *Ваганова Н.А.* Софиология протоиерея Сергея Булгакова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. 464 с.
- Гачева 2016 – *Гачева А.Г.* «Почему мир не мир?» Образ войны в философии русского космизма // Соловьёвские исследования. Вып. 1 (49). 2016. С. 44–62.
- Козырев 2011 – *Козырев А.П.* Софиология о. Сергея Булгакова: «теологема» или «философема»? // Философия религии: Альманах. 2010–2011. М., 2011. С. 226–240.
- Константинова 2014 – *Константинова Е.Ю. (Кнорре)* Первая мировая война в дневниках М.М. Пришвина 1914–1917 гг. // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 851–856.
- Кнорре 2015 – *Кнорре Б.К.* «Богословие войны» в постсоветском российском православии // Академический богословский журнал «Страницы: богословие, культура, образование». 2015. Т. 19. № 4. С. 559–578.
- Кнорре 2018 – *Кнорре (Константинова) Е.* Метафизика краеведения: «путь к новой земле» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина в контексте религиозно-философских исканий китежан 1910–1920-х гг. (А. Мейера, С. Дурылина, П. Флоренского, А. Ухтомского, Н. Анциферова) // Русская словесность. 2018. № 3. С. 31–40.
- Кнорре 2019 – *Кнорре Е.Ю.* Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930-х гг.): Дис. ... канд. филол. наук. Специальность 10.01.01 – Русская литература. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 295 с.
- Криволапова 2013 – *Криволапова Е.М.* Жанр дневника в наследии писателей круга В.В. Розанова на рубеже XIX–XX веков: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2013. 533 с.
- Михайловский 2015 – *Михайловский А.В.* Два литературных свидетельства о Великой войне // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 106–111.
- Новоселова 2004 – *Новоселова И.Г.* «Дневники» М.М. Пришвина: духовный космос. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 216 с.
- Полонский 2014 – *Полонский В.В.* «Уют на лобном месте»: Первая мировая война в поэтико-идеологических отражениях литературы русского модернизма // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 703–712.
- Подоксенов 2014 – *Подоксенов А.М.* Библейские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М.М. Пришвина [Электронный ресурс] // Credo New. 2014. № 2 (78). URL: https://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2014/24578-bibleyskie-motivy-v-povesti-mirskaya-chasha-i-dnevnik-mm-prishvina.html (дата обращения 10 октября 2021).

- Резниченко 2012 – *Резниченко А.И.* О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: ПЕГНУМ, 2012. 426 с.
- Knorre 2016 – *Knorre E.Yu.* The Ideal of Brotherhood in M.M. Prishvin's Diaries and Fiction Created in 1914–1923 // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2016. № 5. P. 1116–1128.

References

- Antonov, K.M. (2020), “*Kak vozmozhna religiya?*”: *Filosofiya religii i filosofskie problemy bogosloviya v russkoi religioznoi mysli XIX–XX vekov* [“How is Religion Possible?”: Philosophy of Religion and Philosophical Problems of Theology in Russian Religious Thought of the 19th–20th centuries], in 2 parts, part 1, Izd. PSTGU, Moscow, Russia.
- Borisova, N.V. (2018), “‘Hopelessly ... hanging over the abyss’. The revolutionary everyday life of 1918 in the diary of M.M. Prishvina”, *Istoriya: fakty i simvoly*, no. 3 (16), pp. 15–28.
- Gacheva, A.G. (2016), “‘Why the world is not the peace?’ The image of war in the philosophy of Russian cosmism”, *Solovyov studies*, iss. 1 (49), pp. 44–62.
- Konstantinova (Knorre), E.Yu. (2014), “The First World War in the diaries of M.M. Prishvin 1914–1917”, in Polonsky, V.V. (ed.), *Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny: Publikatsii, issledovaniya i materialy* [Politics and poetics. Russian literature in the historical and cultural context of the First World War. Publications, research and materials], IMLI RAN, Moscow, Russia, pp. 851–856.
- Knorre, B.K. (2015), “‘Theology of War’ in Post-Soviet Russian Orthodoxy”, *Pages: Theology, Culture, Education, Academic theological journal*, vol. 19, no. 4, pp. 559–578.
- Knorre, E.Yu. (2016), “The Ideal of Brotherhood in M.M. Prishvin's Diaries and Fiction Created in 1914–1923”, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 9 (5), p. 1116–1128.
- Knorre (Konstantinova), E. (2018), “Metaphysics of local lore. ‘The path to a new land’ in the diaries and works of art by M. Prishvin in the context of the religious and philosophical searches of the Kitezhans of the 1910–1920s” (A. Meyer, S. Durylin, P. Florensky, A. Ukhtomsky, N. Antsiferova)”, *Russian Literature*, no. 3, pp. 31–40.
- Knorre, E.Yu. (2019), “The plot of the ‘path to the Invisible City’ in the works by M.M. Prishvin 1900–1930s”, Ph.D. Thesis (Philology), Speciality 10.01.01 – Russian Literature, Russian Academy of Sciences (IWL RAS), Moscow, Russia.
- Kozyrev, A.P. (2011), “Sophiology about. Sergius Bulgakov. ‘Theologeme’ or ‘philosopheme’?”, *Philosophy of Religion: Almanac*, 2010–2011, pp. 226–240.
- Krivolapova, E.M. (2013), “The genre of the diary in the legacy of the writers of the circle of V.V. Rozanov at the turn of the 19th – 20th centuries”, Dr. Sci. Thesis (Philology), Moskovskii gos. obl. universitet, Moscow, Russia.

- Mikhailovskii, A.V. (2015), “Two literary evidences of the Great War”, *Voprosy Filosofii*, no. 10, pp. 106–111.
- Novoselova, I.G. (2004), “*Dnevniki*” M.M. Prishvina: *dukhovnyi kosmos* [“Diaries” by M.M. Prishvin. Spiritual Cosmos], Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, Vladivostok, Russia.
- Polonsky, V.V. (2014), “‘Comfort on the Place of a skull (Place of execution in Moscow): The First World War in the poetical and ideological reflections of the literature of Russian modernism”, in Polonsky, V.V. (ed.), *Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First World War. Publications, research and materials*, IMLLI RAS, Moscow, Russia, pp. 703–712.
- Podoksenov, A.M. (2014), “Biblical motives in the story ‘The lay chalice’ and in the diary of M.M. Prishvin”, *Credo New*, no. 2 (78), available at: https://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2014/24578-bibleyskie-motivy-v-povesti-mirskaya-chasha-i-dnevnik-mm-prishvina.html (Accessed 10 October 2021).
- Reznichenko, A.I. (2012), *On the meanings of the names of Bulgakov, Losev, Florensky, Frank et dii minores*, REGNUM, Moscow, Russia.
- Vaganova, N.A. (2011), *Sophiology of Archpriest Sergius Bulgakov*, Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена Ю. Кнорре, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Поварская ул., д. 25а;

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 127051, Россия, Москва, Лихов переулок, д. 6, стр. 1; Lena12pk@yandex.ru

Information about the author

Elena Yu. Knorre, Cand. of Sci. (Philology), senior research fellow, Russian Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069;

St. Tikhon Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Likhov Lane, Moscow, Russia, 127051; Lena12pk@yandex.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.35

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-61-70

Общественные грани лоббизма

Валентина Ф. Левичева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, levvf@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется продвижение общественных интересов как процесс взаимодействия и конкуренции различных групп и организаций (НКО, общественных движений, профессиональных ассоциаций и др.), которые транслируют социальные проблемы, выражая свою озабоченность и добиваясь от органов власти того или иного решения. Автор ставит под сомнение распространенную точку зрения, что любой действительно серьезный изъян в социальном устройстве общества становится темой публичного дискурса и удостоивается внимания власти. Упование на «справедливость» отстаиваемого общественного интереса не исключает такие явления, как клиентелизм и фаворитизм. Автор показывает, что никакой, даже номинальной равноудаленности групп общественных интересов от институтов власти нет и быть не может, а результативность лоббирования зависит от ресурсных, организационных и ценностно-культурных факторов. Особое внимание в статье уделено анализу соотношения институциональных и неформальных сторон лоббирования общественных интересов.

Ключевые слова: лоббизм, институционализация, неформальные коммуникации, группы общественных интересов, общественное благо, социальные сети

Для цитирования: Левичева В.Ф. Общественные грани лоббизма // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 61–70. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-61-70

© Левичева В.Ф., 2021

Public aspects of lobbying

Valentina F. Levicheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
levvf@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the promotion of public interests as a process of interaction and competition between various groups and organizations (NGOs, social movements, professional associations, etc.) that convey social issues, expressing their concerns and seeking solutions from the authorities. The author calls into question the rather widespread point of view that any really serious flaw in the social structure of society becomes the topic of public discourse and gets the attention of the authorities. Reliance on the “fairness” of the public interest asserted does not exclude such phenomena as clientelism and favoritism. The author shows that there is not, and cannot be, any even nominal equidistance of public interest groups from the institutions of power, and lobbying efficiency depends on the resource, organizational, value and cultural factors. Special attention is paid to the analysis of correlation between the institutional and informal in lobbying public interests.

Keywords: lobbying, institutionalization, informal communication, public interest groups, public good, social networks

For citation: Levicheva, V.F. (2021), “Public aspects of lobbying”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no 4, pp. 61–70, DOI:

Введение

Лоббизм является неотъемлемой частью экономической и социально-политической жизни современного общества, одним из главных каналов прямой и обратной связи между обществом и властью. Он встраивается в институциональную структуру социальных коммуникаций и активно влияет на политические процессы.

Мы определяем лоббизм как совокупность институциональных (формальных) и внеинституциональных (неформальных) норм и практик, регулирующих отношения между обществом и властью, с целью более полного учета всех интересов, существующих в обществе, и обмена информацией.

В связи с этим методологически оправдано разделить понятия «лоббирование частных (корпоративных) интересов» и «продвижение общественных интересов». Лоббирование частных интересов может противоречить общественным целям. Но могут продвигаться и общественные интересы, которые противоречат интересам

отдельных частных лиц и корпоративных групп. А. Автономов и соавторы считают, что «лоббист не обязан заботиться о всеобщем интересе, это – дело государственных органов; лоббист же защищает частный интерес, такова его задача» [Автономов, Завадская и др. 1996]. Однако вряд ли представители государственных органов власти в полной мере осознают, что происходит за пределами их кабинетов. Если им «не подсказать», многие значимые общественные интересы будут просто не замечены или проигнорированы.

В пролоббистских законах США, Канады и Европейского союза специально оговаривается, что регистрироваться должны только те лоббисты, которым платят за лоббирование. Это автоматически исключает группы рядовых граждан из легальных лоббистских коммуникаций, что, однако, не означает, что они не могут отстаивать свои взгляды и интересы за пределами закона.

Лоббирование общественных интересов

Дж. Берри в работе «Лоббирование для людей» под организациями «общественных интересов» понимает группы, которые реализуют задачи, достижение которых не является частной целью отдельных членов или группы членов. Под сферой же частных интересов понимается та область интересов индивида, где он действует как родитель, бизнесмен, собственник, и т. д., т. е. как член определенной референтной группы, а не член общества [Berry 2016].

Общественный интерес фактически распадается на интересы отдельных общественных групп (интересы истеблишмента также являются частью совокупного общественного интереса). Поэтому пролоббированные, якобы, общие интересы часто порождают раскол в обществе, поскольку всегда есть выигравшие и проигравшие. Одни интересы продвигаются, другие отрицаются, третьи игнорируются, четвертые пробиваются к «свету» посредством сильной и влиятельной поддержки власти и СМИ.

С другой стороны, общественные интересы можно рассматривать как связанные групповые интересы, обеспечивающие целостность и устойчивость социальной системы. Именно общественные интересы есть мера социальной активности и степени взаимодействия людей как социальных субъектов.

Особенно трудно выявить феномен «общественного интереса» в условиях углубляющейся социальной поляризации, когда происходит деградация среднего класса, а часть малообеспеченных социальных слоев населения опускается до уровня критической бедности и маргинализации. Эти процессы неизбежно сопровождаются

ростом социальной напряженности и радикальными требованиями популистского толка. Вписать дифференцированные социальные слои в единый социальный континуум и выяснить общий интерес в качестве интереса консолидированного общества не удастся.

Мобилизация всего общества в отношении одной общей социальной проблемы и формирование общего интереса, в принципе, возможно, но это происходит лишь в критических условиях. Действующая власть, как правило, фиксирует общественные интересы, но ими признаются только те, удовлетворение которых не оспаривает существующие структуры власти и ее ценностные иерархии. Общественные интересы должны увеличивать ресурс власти, а не уменьшать его. Время «публичного торга» общественных интересов с действующей властью, как правило, начинается с началом предвыборной кампании и заканчивается вместе с ней.

Границу между собственно общественным интересом и интересом отдельных общественных групп всегда трудно или невозможно установить. Поэтому источником знания об общественном интересе выступают, как правило, СМИ и социальные сети. Их публичный дискурс во многом зависит не от серьезности проблем, а от их привлекательности и драматичности.

Общественные интересы обычно связываются с достижением общественного блага, которое и становится предметом общественного лоббирования¹. Однако здесь требуются два уточнения. Во-первых, общественным благом может быть определенный социальный порядок, задаваемый институтами. Это крайне сложный момент лоббирования, поскольку любые изменения в сложившемся институциональном порядке, как правило, требуют консолидированного согласия и договоренностей. Кроме того, эти изменения напрямую затрагивают сложившуюся систему обмена деятельностью и вызывают трудноразрешимые споры по поводу легитимности, справедливости и морали. Вряд ли лоббирование новых институциональных структур силами отдельных общественных групп может быть результативным.

¹ «Общественное благо» – это гибридное понятие, взятое из экономической теории и приспособленное для описания легитимных государственных расходов. Обычно «общественное благо» предстает в своем чисто прагматичном понимании, фиксируя пределы доступа к материальным и прочим ресурсам конкретного социального сообщества (относительно других социальных сообществ), и не выходит за рамки понимания общей выгоды. Оно должно приносить пользу всем, как, например, чистый воздух, или оно должно быть по крайней мере доступно всем, как, например, дорога общего пользования.

Например, российское врачебное сообщество уже много лет пытается освободить здравоохранение от «институциональной хватки» Фонда обязательного медицинского страхования и частных страховых компаний. Придя к полному консенсусу по этому поводу и подключив в качестве лоббистов оппозиционную парламентскую партию, российские врачи не добились практически ничего.

Во-вторых, общественным благом может быть решение конкретной социальной (публичной) проблемы. Это относится к очень большому числу разнообразных социальных явлений, представляющих собой некие объективные «изъяны» в социальном устройстве общества. Однако эти «изъяны» транслируются «наверх» через представления и ощущения людей, т. е. через субъективные оценки. По этой причине Г. Блумер утверждает, что социальная проблема существует, прежде всего, с точки зрения определения и восприятия в обществе, не являясь объективным условием с определенной объективной структурой [Blumer 1971, с. 300]. В обществе существует множество пагубных и опасных ситуаций, которые являются реальными социальными проблемами, но не воспринимаются в качестве таковых. И, напротив, некоторые ситуации приковывают к себе самое серьезное общественное внимание, хотя этого не стоят. Фактически, мы сталкиваемся с социальным конструированием предмета общественного беспокойства.

Оценивая все вышесказанное, социальную проблему можно определить самыми простыми словами, как это предлагают С. Хилгартнер и Ч.Л. Боск: социальная проблема – «это предполагаемое условие или предполагаемая ситуация, на которое или которую “наклеивается ярлык” проблемы на “аренах” публичного дискурса и действия» [Социальные проблемы 2007, с. 147–148]. Более объективный характер информация о социальных проблемах имеет в том случае, когда она обосновывается и распространяется экспертами, учеными, врачами, другими авторитетными лицами. Но и им приходится конкурировать за часть общественного внимания.

Многие социальные проблемы «конструируются» должностными лицами различных ведомств. Так, практически во всех развитых странах руководство военно-промышленного комплекса способствует распространению в обществе мобилизационных настроений, чтобы обеспечить поддержку программам вооружений, в том числе, с помощью общественных организаций патриотической направленности. Активно формируют общественные настроения и государственные научные организации, заинтересованные в увеличении бюджетных расходов на науку. Наибольшую «головную боль» для власти создают требования, при выдвижении которых

задействованы культурные ресурсы. Культура общества всегда содержит идеи, символы, мотивы, ценности и другие элементы, от которых власть не может отмахнуться.

Общественное лоббирование почти всегда имеет ценностную окраску, т. е. его акторы не являются носителями прямых экономических интересов и публично продвигают «идеологические интересы». Общественное лоббирование может быть и весьма конкретным, вплоть до «выбивания» бюджетных денег на какие-то благие цели, скажем на помощь многодетным семьям, и, одновременно, на зарплаты заботящихся о них работников НКО. Обычно это дает какой-то результат, поскольку требует от власти лишь денежных затрат на подачки, а не институциональных изменений.

Так, многолетние требования российских левых партий ввести прогрессию подоходного налога заблокированы правительством и партией большинства в Госдуме, несмотря на полный общественный консенсус по этому вопросу. Та же судьба постигла предложения снять регрессию со страховых платежей, ввести полноценный налог на роскошь, умерить аппетиты топ-менеджеров государственных компаний и т. п.

Актуальные социально значимые проблемы и ситуации, а значит и представляющие их разные заинтересованные группы, активно конкурируют между собой, чтобы быть включенными в публичную повестку дня. Успех или неудача в этой борьбе не обязательно связаны с содержанием самих проблем или числом людей, которых она затрагивает. Происходит неформальный отбор интересных, который зависит от ресурсных, организационных, культурных и даже случайных субъективных факторов. В некоторой степени этот отбор нормативно подчинен государственным приоритетам. Некоторые общественные проблемы выигрывают лишь потому, что по разным причинам поддерживаются влиятельными политическими и экономическими кругами. Выиграть могут и небольшие, малоресурсные, но организованные и упорные группы поддержки.

Конкуренция групп общественных интересов за внимание власти и финансирование часто строится на доказательстве априорной правоты одной из сторон и абсурдности идей и позиций другой стороны. В ней большим весом обладают ценностные аргументы и апелляция к культурным традициям. Такова специфика именно общественного лоббирования. Конкуренция корпоративных интересов основана, прежде всего, на их лоббистских ресурсах. Общественное лоббирование постоянно сталкивается с нехваткой средств, дефицитом стейкхолдеров, эмоциональными настроениями внутри групп, исключая компромиссы. Это приносит в общественный лоббизм неопределенность и интриги. В результате,

как мы уже отмечали, далеко не всякая действительно актуальная социальная проблем становится темой публичного дискурса.

Например, в России с лета 2019 г. началась ожесточенная борьба вокруг законопроекта о создании системы профилактики семейно-бытового насилия. Общественность была взбудоражена, проводились круглые столы и конференции, заслушивались доклады и мнения экспертов. Публиковались интервью общественников, чиновников, силовиков, озвучивались цифры статистики. Были опрошены общественные палаты регионов, прошел общероссийский социологический опрос. Но всесторонний правовой анализ текста законопроекта показал, что он является антиконституционным и коррупциогенным. В настоящее время началось обсуждение новой, доработанной законодательной инициативы.

Общественные организации, представляющие социально уязвимые группы – носителей социальных проблем – в большинстве своем институционализированы. Частично институционализирована и публичная «арена», на которой определяются актуальность и острота социальных проблем и формируются лоббистские практики. Это дает формальное право говорить об институционализации всей системы общественного лоббирования. Однако в действительности общественные интересы продвигаются, в основном, неформально.

Методы давления на власть со стороны групп, связанных с общественными интересами, достаточно разнообразны. В английском языке существует и специальный термин, объединяющий это разнообразие – “grass roots lobbying”, т. е. «лоббизм, прорастающий снизу». Он простирается от организации пропагандистских кампаний с использованием СМИ и социальных сетей, коллективных обращений к властям, проведения гражданских акций, митингов и пикетов до экспертиз законопроектов и общественной защиты прав отдельных граждан в суде. Выбор того или иного метода продвижения общественных интересов зависит от конкретных обстоятельств, проблем и сдерживающих факторов, от лоббистских ресурсов заинтересованной группы.

В мировой практике массовые акции являются наиболее распространенным, но далеко не всегда успешным инструментом оказания давления на власть. Российские лоббисты общественных интересов, как правило, прибегают к размещению конкретных требований в СМИ, организации сюжетов на ТВ и в Интернете. Одними из последних резонансных случаев у нас в стране были протесты в Башкирии в середине 2020 г. из-за шихана Куштау – одного из символов республики, который власти вознамерились отдать в разработку частной содовой компании.

Упование заинтересованных групп на «справедливость» отстаиваемого ими интереса не исключает такие явления, как клиентелизм и фаворитизм, особенно в момент столкновения интересов различных общественных групп. Никакой, даже номинальной, равноудаленности групп общественных интересов от институтов власти нет и быть не может (как и полностью «справедливого» распределения общественных ресурсов).

Наиболее эффективным механизмом воздействия низового лоббизма граждан на государственную власть считается формирование общественного мнения. Поэтому кампания в защиту общественных интересов обычно не ограничивается только «давлением» на власть и сопровождается широкой общественной мобилизацией, поиском союзников, в том числе, при помощи PR-технологий и широкого отражения проблемы в СМИ. Практики продвижения общественных интересов сегодня активно распространяются в Интернете путем создания интернет-платформ, которые позволяют гражданам и общественным группам представлять свои интересы напрямую. Речь идет о благотворительном краудсорсинге, электронном голосовании в пользу каких-то гражданских проектов, инициатив, мнений и т. д., вплоть до привлечения открытого сетевого сообщества к решению нормотворческих и управленческих задач. Уже сегодня участники сети могут выражать свое отношение к законопроектам, находящимся на рассмотрении в законодательных органах власти, к сложившимся управленческим практикам и принимаемым решениям. Эти платформы используются как политическими активистами, так и представителями лобби. Понятно, что политики не будут слушать десять человек, обсуждающих какой-либо вопрос онлайн, но когда проблема волнует сотни тысяч, дело может принять более серьезный оборот.

Шесть лет назад власти Москвы запустили проект «Активный гражданин». В рамках проекта москвичи могут вступать в прямой диалог с властями и помогать городу принимать важные решения. В Великобритании создана социальная сеть “Jolitics”², в США крауд-платформа “PopVox”³, в Финляндии ресурс “OpenMinistry”⁴. Любой пользователь сети может предложить свой законопроект или решение проблемы.

² Jolitics. The Political Social Network. Draft, debate and vote on ideas for change to Government. [Электронный ресурс] // Twitter. URL: <https://twitter.com/Jolitics> (дата обращения 12 декабря 2021).

³ POPVOX, Inc. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.popvox.com/about> (дата обращения 12 декабря 2021).

⁴ Open Ministry – Crowdsourcing Legislation [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/Jolitics> (дата обращения 12 декабря 2021).

Еще одно направление институционализации «лоббизма широких масс» связано с повсеместным усилением контроля над контентом в Интернете. Этот контроль довольно сложно вогнать в институциональные рамки (т. е. отразить в нормах и ограничениях), хотя техническая возможность оперативной блокировки неугодных власти сайтов и информации в социальных сетях уже существует и активно применяется в пределах действующего законодательства. Дальнейшее усиление влияния интернет-коммуникаций на власть может поставить перед государственными структурами целый ряд серьезных институциональных проблем, требующих оперативного разрешения.

Заключение

Таким образом, феномен лоббирования не ограничен сферой частных, групповых и корпоративных интересов, имеющих хорошо налаженные связи с политическими институтами. Все более растущий сегмент занимает лоббизм организаций и групп граждан, представляющих и продвигающих те или иные общественные интересы. Вряд ли этот процесс можно отрегулировать специальным законом. Подобный лоббизм может стать частью общедемократических процедур, открывающих общественным интересам свободный доступ к органам государственной власти. Их реальное влияние на повестку дня правительства будет зависеть от общего состояния гражданского общества, его силы и общественно-политической культуры.

Литература

- Автономов, Завадская и др. 1996 – Автономов А.С., Завадская Л.Н., Захаров А.А., Любимов А.П., Орлова Е.М. Законодательный процесс в России: граждане и власть: Практические советы / Фонд развития парламентаризма в России. М.: АИА-Принт, 1996. 80 с.
- Социальные проблемы 2007 – Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. 276 с.
- Berry 2016 – *Berry J.M.* Lobbying for People. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. 344 p.
- Blumer 1971 – *Blumer H.* Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18. № 3. P. 298–306.

References

- Avtonomov, A.S., Zavadskaya, L.N., Zakharov, A.A., Lyubimov, A.P. and Orlova, E.M. (1996), *Zakonodatel'nyi protsess v Rossii: grazhdane i vlast': Prakticheskie sovety* [Legislative Process in Russia. Citizens and Power, Practice advices], Foundation for the Development of Parliamentarism in Russia, AIA-Print, Moscow, Russia.
- Yasaveev, I.G. (ed.). (2007), *Sotsial'nye problemy: konstruksionistskoe prochtenie* [Social problems. A constructionist reading], Yasaveev, I.G. (comp.), Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, Kazan, Russia.
- Berry, J.M. (2016), *Lobbying for People*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Blumer, H. (1971), "Social problems as collective behavior", *Social problems*, vol. 18, no. 3, pp. 298–306.

Информация об авторе

Валентина Ф. Левичева, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; levvf@mail.ru

Information about the author

Valentina F. Levicheva, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; levvf@mail.ru

Конфессии в публично-правовой среде

Елена М. Мчедлова

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Москва, Россия, HMtchedlova@mail.ru*

Аннотация. В статье дается характеристика ситуации в сфере публичной политики и государственно-конфессиональных отношений, – не только в социокультурном контексте, но и социально-политическом, правовом, конфессиональном. Анализируется конфессиональная идентичность, становящаяся одним из основных параметров современного политического процесса и воздействующая на специфику политических институтов и систем. Выявленная при проведении мониторинговых социологических исследований независимость граждан от мировоззренческих предпочтений показала относительное единство мнений об образах будущего и не выявила непримиримых противоречий между последователями различных конфессий, демонстрируя устойчивое ценностное развитие.

Рассматриваются такие инструменты публичной политики, как популизм, евроскептицизм и др., применяемые религиозными конфессиями и их лидерами в своей деятельности. Они выступают с позиций защиты демократических ценностей и базовых прав человека. Между тем нарастающая степень радикализации в религиозной среде способна привести к конфликтам и временной дестабилизации общества.

Ключевые слова: публичная политика, конфессии, государственно-конфессиональные отношения, популизм, евроскептицизм

Для цитирования: Мчедлова А.В. Конфессии в публично-правовой среде // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 71–79. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-71-79

Confessions in the public legal environment

Elena M. Mchedlova

*Russian Academy of Sciences Federal Sociological Center,
Moscow, Russia, HMtchedlova@mail.ru*

Abstract. The article describes the situation in the field of public policy and state-confessional relations, not only in the socio-cultural context, but also in the socio-political, legal, and confessional. The article analyzes confes-

sional identity, which is becoming one of the main parameters of the modern political process and affecting the specifics of political institutions and systems. The independence of citizens from worldview preferences revealed during the monitoring sociological studies showed a relative unity of opinions about the images of the future and did not reveal irreconcilable contradictions between followers of different confessions, demonstrating sustainable value development.

The article considers such public policy instruments as: populism, Euroscepticism, etc., used by religious confessions and their leaders in their activities. They advocate the protection of democratic values and basic human rights. Meanwhile, the growing degree of radicalization in the religious environment can lead to conflicts and temporary destabilization of society.

Keywords: public policy, confessions, state-confessional relations, populism, Euroscepticism

For citation: Mchedlova E.M. (2021), "Confessions in the public legal environment", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 71–79, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-71-79

Введение

Современные политологи полагают, что религия как таковая стала измерением политических сообществ и одновременно существенным источником ценностей, формируя взгляды и предпосылки для так называемой политической социализации личности и социальных групп. Они отводят религиозным организациям, благодаря способности оказывать влияние на власть и политиков, место элементов в институциональной системе общества (наряду с масс-медиа и партийной системой).

Политологи выдвигают также концепцию реинституционализации религии, ставшей уже частью гражданского общества. И лидеров разного рода религиозных конфессий стали называть гражданскими активистами. Деятельность конфессий и движений может демонстрировать реакцию на глобализацию и секуляризацию, а может сыграть активную роль в политической децентрализации и становлении так называемой этнополитики, особенно в условиях различных кризисов [Инглхарт, Вельцель 2011; Никонов 2012; Казьмина 2007; Каргина 2004; Бергер 2016; Данненберг 2017; Донцев, Чимириш 2011; Климов 2012; Комлева 2017; Красиков 2007; Кученкова 2016; Кандель 2006].

Публично-правовой контекст

Заметим, что сейчас религия предполагает не только социокультурный, но и социально-политический, и правовой, и конфессионально-идентификационный контекст. В частности, конфессиональная идентичность воздействует на специфику политических институтов и систем, выступая одновременно гармонизирующим и дестабилизирующим фактором [Мчедлова 2017; Китинов 2016]. Между тем активное участие религиозных лидеров и институтов в публичной политике наглядно отражается в оценочных мнениях россиян. Восприятие ими сущности и целенаправленности социально-политических трансформаций не зависит от веры или конфессиональной идентичности. Эта независимость от мировоззренческих предпочтений показала относительное единство мнений, особенно в том, что касается образов будущего, и не выявила непримиримых противоречий между последователями различных конфессий, демонстрируя устойчивое ценностное развитие.

Мнения же по поводу политико-правового принципа светскости, статуса и деятельности религиозных организаций в России (прежде всего РПЦ как социально-политического института гражданского общества), включая реализацию принципа свободы слова и свободы вероисповедания, свободы совести, несколько разделились. При этом видна поддержка и одобрение обществом деятельности религиозных организаций в различных сферах общественной жизни. Однако их вмешательство в политику и сама политическая деятельность отторгаются. И деятельность религиозных лидеров представляется достаточно значимой, поскольку, согласно результатам авторских полевых исследований, примерно две трети респондентов не против даже въезда в страну лидеров зарубежных конфессий. В нашей стране существует ряд организаций – Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Межрелигиозный совет России, куда входят главы и представители Московской Патриархии, Совета муфтиев России, Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ, Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России и Буддистской традиционной сангхи России, – объединяющих таких лидеров.

Актуальной представляется лидерам религиозных конфессий проблема соблюдения прав верующих, они стараются поднять ее в соответствующих инстанциях. Вопросы касаются свободы вероисповедания (примеры: недостаточно условий для совершения богослужений и других религиозных обрядов; затруднения при распространении религиозных убеждений; наложение штрафов

за миссионерскую деятельность на основе «закона Яровой», принимавшегося для противодействия терроризму; невозможность получить полноценное религиозное образование; трудности на работе, в местах лишения свободы; угроза применения уголовного наказания за экстремизм и т. п.). Из-за несовершенства и противоречивости закона о свободе совести решения правоохранительных органов и судов могут казаться даже несправедливыми. Обращения религиозных деятелей включают заявления верующих и зафиксированные факты нарушений прав человека, информацию из открытых источников. Подобные обращения могут лечь в основу политики государства по отношению к конфессиям, куда войдут: защита прав верующих россиян за пределами России, прав верующих иностранцев в России, а также прав неверующих, находящихся в «условиях некоторой клерикализации, непрекращающихся попыток установить единую религиозную идеологию»¹.

Такого рода позиция религиозных лидеров связана, в первую очередь, с некоторым игнорированием роли религии, религиозных предписаний, церковных институтов при принятии политических решений, скажем, Евросоюзом. Например, христианские лидеры вынуждены были смириться с тем, что христианство не упоминается в основополагающих документах. Часть церквей с либеральным уклоном (лютеране, англикане, методисты) активно приспосабливается к новым общественным нормам; другие (православные, католики, часть протестантов) – держат «глухую оборону». Отметим, что разделение на разные политические направления по принципу их отношения к либеральной модели демократии проходит также и внутри конфессий. Особенно это касается протестантизма и католицизма, в которых господствует фундаментализм и богословский релятивизм.

¹ Respecting democracy, rule of law and HR in the framework of the COVID-19 sanitary crisis. A toolkit for member states/ SG/Inf(2020)11. 7 April 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/sg-inf-2020-11-respecting-democracy-rule-of-law-and-H-R-inth/16809e1f40> (дата обращения 27 августа 2020); Католическая церковь и РПЦ: 20 лет диалога [Электронный ресурс] // Vatican news. 2019. 12 июля. URL: <http://www.Vaticannews.va/ru/church/news/2019-07/katholicheskaya-cerkov-i-rp-20-let-dialoga.htm> (дата обращения 12 июля 2019); Государственные и общественные организации с участием РПЦ [Электронный ресурс] // Патриархия. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/organizations/30911> (дата обращения 16 апреля 2020).

*Инструменты публичной политики,
используемые конфессиями*

Подчеркнем следующее: в нынешнем религиозно-мировоззренческом плане, ориентированном на интеграцию, имеет место так называемый евроскептицизм, который базируется на глобальных и локальных традиционных позициях конфессий, ставящих во главу угла национальные интересы. Лидеры конфессий критикуют ценностную основу современного капиталистического общества, в том числе в связи с миграционным кризисом. Аналогичные проблемы стали актуальными и острыми.

Заявляется, что европейские партии и политики представляют и защищают свои политические программы на рациональной основе, а ответственные граждане участвуют в избирательной кампании, исходя из рациональных же доводов. Кроме того, если отдельные аспекты политизации религии вызывают достаточно отрицательное мнение, то ее историко-культурные и духовно-нравственные черты – благотворительность, поддержка социально уязвимых групп населения, защита традиционной системы ценностей, милосердие и т. п. – вызывают положительные эмоции. В сегодняшних социальных доктринах церковью обосновываются цели и принципы деятельности религиозных организаций в социальной и гражданской сферах, а также методы и виды сотрудничества с обществом и государством. Согласно концептуальным документам, наиболее конструктивными могут стать: миротворческая деятельность; поддержка института семьи и противодействие деструктивным тенденциям в духовно-нравственной сфере; культурная, образовательная, научная деятельность; участие в решении экологических проблем; совместная экономическая деятельность; противодействие квазирелигиозным деструктивным сектам и организациям [Климов 2012; Комлева 2017; Красиков 2007; Лункин 2018; Лункин 2020; Громыко 2016; Патрушев 2011].

Допустим, что в религиозной среде уже как бы запрограммировано существование консервативно настроенных фундаменталистов, особенно в таких крупных церквях, как Католическая, или национальные православные церкви Европы и России. Недовольные запретами на те или иные формы религиозной жизни будут всегда. Однако степень радикализации в религиозной среде зависит и от политиков, и от властей. Например, в ходе развития конфликта приобретает большое значение способность властей находить баланс в отношениях с верующими. Иначе – восстают радикальные силы, возникает своего рода оппозиция, и конфликтная ситуация в обществе обостряется. Опора же на

христианские радикальные и умеренные консервативные силы является отличительной особенностью религиозного популизма, который вырабатывает своеобразные ответы на вызовы глобализации, цифровизации, информатизации, либерализации, секуляризации и т. д.

Особенности самой религиозной деятельности дружно поставили проблему проведения публичных богослужений, других массовых мероприятий с участием священнослужителей. Популизм занял свое место в политическом ландшафте. Тем самым церкви остаются на волне демократизации. Именно благодаря популистам, религиозный фактор, в том числе в разрешении ряда миграционных проблем, играет довольно значимую гражданскую и политическую роль. Некоторые конфессии предлагают новую интерпретацию концепта европейской идентичности [Мчедлова 2017; Китинов 2016; Лункин 2018; Лункин 2020; Громько 2016].

Заключение

Следует заметить, что политики апеллируют преимущественно к светскому параметру, не требуют расширять права самих церквей и не призывают их возвращаться в публично-политической среде, делая опору на такие понятия, как: толерантность, права человека, плюрализм, с использованием популистских методов. Подчеркнем, что таковыми для церковных гражданских активистов могут быть: официальные документы, заявления, публикации, коллоквиумы, дебаты и т. п. Зачастую, главным образом представители националистов, обращаются к традиционным христианским ценностям для наполнения лозунгов необходимостью отстаивания прав и свобод человека, в целях соблюдения политкорректности в том числе по отношению к беднейшим слоям населения и разного рода меньшинствам; а также обоснования практики социального служения.

Итак, конфессиональные лидеры выступают с позиций защиты демократических ценностей и базовых основ прав человека. Например, христиане консервативного толка всячески оказывают поддержку, в том числе электоральную, евроскептическим партиям и движениям. Евроскептицизм различен в своих проявлениях. Но в целом он довольно активно поддерживается именно верующими. Подобную позицию проявляют и движения за независимость и национальный суверенитет.

Литература

- Бергер 2015 – Бергер П. Православие и глобальный плюрализм // Вестник Нижегородского института управления РАГСИНХ. 2015. № 3. С. 12–16.
- Громько 2016 – *Громько Ал.А.* «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5–12.
- Данненберг 2017 – *Данненберг А.Н.* Современная католическая экклесиология: место Церкви в мире // Миссия конфессий. 2017. № 20. С. 15–26.
- Донцев, Чимириш 2011 – *Донцев С.П., Чимириш Е.С.* Политическая социализация граждан РФ и деятельность религиозных организаций в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2011. № 1 (62). С. 132–140.
- Инглхарт, Вельцель 2011 – *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
- Казьмина 2007 – *Казьмина О.Е.* Дискурс о прозелитизме в современной России // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 54–67.
- Кандель 2006 – *Кандель П.Е.* Европа перед этнополитическими конфликтами нового типа // Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века. Ч. III: Политические аспекты / Под ред. Н.П. Шмелева. М.: ИЕ РАН, 2006. С. 10–30.
- Каргина 2014 – *Каргина И. Г.* Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. М.: МГИМО-Университет, 2014. 278 с. (Научная школа МГИМО)
- Китинов 2016 – *Китинов Б.У.* Тропы Европы: мигранты в поисках идентичности // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 123–131.
- Климов 2012 – *Климов А.Г.* Методология анализа современных эффектов влияния религиозных организаций // Вестник МГИМО (У). 2012. № 6 (27). С. 203–205.
- Комлева 2017 – *Комлева В.В.* Религиозные институты в международном гуманитарном сотрудничестве // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6 (108). С. 130–141.
- Красиков 2007 – *Красиков А.А.* Религиозные традиции в условиях глобализации // Религия и общество. Сер. 199. Доклады Института Европы РАН / Отв. ред. А.А. Красиков. Т. II. М., 2007.
- Кученкова 2016 – *Кученкова А.В.* Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 118–127.
- Лункин 2018 – *Лункин Р.Н.* Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях // Современная Европа. 2018. № 1. С. 102–113.
- Лункин 2020 – *Лункин Р.Н.* Церкви в политике и политика в церквях: Монография. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 504 с.
- Мчедлова 2017 – *Мчедлова М.М.* Идентичность: новые повороты цивилизационной теории // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 148–155.

- Никонов 2012 – *Никонов В.А.* Цивилизационная карта современного мира // Вестник Московского ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2012. № 3. С. 3–40.
- Патрушев 2011 – *Патрушев С.В.* Гражданская активность и институциональный порядок в России: к постановке проблемы // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Ред. колл.: Патрушев С.В. (отв. ред.), Айвазова С.Г., Панов П.В. М.: РАПН, РОССПЭН, 2011. 318 с.

References

- Berger, P. (2015), “Orthodoxy and Global Pluralism” *Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya RANKhiGS*, no. 3 (36), pp. 12–16.
- Gromyko, Al.A. (2016), “ ‘New populism’ and the formation of the post-bipolar world order”, *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 6 (72), pp. 5–12.
- Dannenber, A.N. (2017), “Modern Catholic ecclesiology. The place of the Church in the world” *Mission of confessions*, no. 20, pp. 15–26.
- Dontsev, S.P. and Chimiris, E.S. (2011), “Political socialization of Russian citizens and religious organizations in today's Russia”, *RGGU Bulletin*. “Political Science. Social and Communicative Studies Serie, no. 1 (62), pp. 132–140.
- Inglehart, R. and Welzel, Ch. (2011), *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratsiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence], transl. from Engl. by M. Korobochkin, Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Kaz'mina, O.E. (2007), “Discourse about proselytism in modern Russia”, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 4, pp. 54–67.
- Kandel', P.Ye. (2006), “Europe before ethnopolitical conflicts of a new type”, *Responses of Russia and the European Union to the challenges of the 21st century*, part 3, Politicheskie aspekty, IE RAN, Moscow, Russia, pp. 10–30.
- Kargina, I.G. (2014), *Sotsiologicheskie refleksii sovremennogo religioznogo plyuralizma* [Sociological reflections of modern religious pluralism], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia. (MGIMO Scientific school)
- Kitinov, B.U. (2016), “The paths of Europe. Migrants in search of identity”, *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 5 (71), pp. 123–131.
- Klimov, A.G. (2012), “Methodology for analyzing modern effects of the religious organizations influence”, *Vestnik MGIMO (U)*, no. 6 (27), pp. 203–205.
- Komleva, V.V. (2017), “Religious institutions in international humanitarian cooperation”, *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura* [Ethnosocium and interethnic culture], no. 6 (108). pp. 130–141.
- Krasikov, A.A. (ed.) (2007), “Religious traditions in the context of globalization”, *Religiya i obshchestvo. Doklady Instituta Evropy RAN* [Religion and Society. Reports of the Institute of Europe of the RAS], ser. 199, vol. II.

- Kuchenkova, A.V. (2016), "Social well-being and subjective well-being. The ratio of concepts and methods of measurement", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies Series"*, no. 2 (4), pp. 118–127.
- Lunkin, R.N. (2018), "Religion and European populism: The Christian factor in political discussions", *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 1, pp. 102–113.
- Lunkin, R.N. (2020), *Tserkvi v politike i politika v tserkvyakh* [Churches in politics and politics in churches], IE RAN, Saint Petersburg, Moscow, Russia.
- Mchedlova, M.M. (2017), "Identity. New turns of civilization theory", *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity. Personality, society, politics. Encyclopedic edition], Semenenko, I.S. (ed.), Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 148–155.
- Nikonov, V.A. (2012), "Civilizational map of the modern world", *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration (state and society)*, no. 3, pp. 3–40.
- Patrushev, S.V. (2011), *Grazhdane i politicheskiye praktiki v sovremennoi Rossii: vosпроизводство i transformatsiya institutsional'ogo poryadka* [Civic Activity and Institutional Order in Russia. Towards an Issue Statement. Citizens and Political Practices in Modern Russia: Reproduction and Transformation of the Institutional Order], RAPN, ROSPEM Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена М. Мчедлова, доктор социологических наук, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; HMtchedlova@mail.ru.

Information about the author

Elena M. Mchedlova, Dr. of Sci. (Sociology), Russian Academy of Sciences Federal Research Sociological Center, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; HMtchedlova@mail.ru.

УДК 316.334.22

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-80-89

Рабочее время:
опыт социально-исторического анализа

Галина А. Цветкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, qaltsvet@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются особенности теоретических и эмпирических исследований социальных проблем рабочего времени. Выявлена сложность и многоаспектность изысканий в этой области. Представлена трансформация форм и методов управления рабочим временем на разных исторических этапах, освещенных в теоретических и научно-прикладных изысканиях ведущих исследователей. Аргументируется значимость соотношения субъектно-объектных факторов и их влияния на пересмотр рабочего времени.

Ключевые слова: работники, рабочее время, организация, управление, рациональность

Для цитирования: Цветкова Г.А. Рабочее время: опыт социально-исторического анализа // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 80–89. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-80-89

Working hours.
Experience of socio-historical analysis

Galina A. Tsvetkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
qaltsvet@yandex.ru*

Abstract. The article presents the features of theoretical and empirical studies in social issues of working time. It substantiates the complexity and multidimensional nature of research in the area. The author outlines the transformation of forms and methods of the working time management at different historical stages, highlighted in the theoretical and scientific-applied research of leading researchers. The importance of the correlation of subject-object factors and their influence on the revision of working hours is argued.

Keywords: employees, working hours, organization, management, rationality

© Цветкова Г.А., 2021

For citation: Tsvetkova, G.A. (2021), "Working hours. Experience of socio-historical analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 80–89, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-80-89

Постановка проблемы

Ценность рабочего времени значима в любом обществе и в любых исторических условиях. Но особую роль рабочее время приобрело в XIX в., когда управление временем стало рассматриваться как социалистическая идея, направленная на улучшение положения работников для удовлетворения их разнообразных потребностей и ориентаций на основе труда, свободного от эксплуатации. С учетом этого ограничение норм рабочего времени считается ключевым завоеванием цивилизации, приоритеты экономического сознания смещаются в сторону признания высшей ценности личности. В последние годы все шире разрабатываются и применяются новые более гибкие модели регулирования рабочего времени. В то же время наблюдается дегуманизация труда, перекос в реализации официальных норм и принятии управленческих решений.

Учитывая переплетение и преумственность социальных проблем рабочего времени, существует потребность обращения к генезису соответствующих идей и практики, их изменению, использованию и применению в работе предприятий на разных исторических этапах. За многолетний период учеными сделан большой вклад в изучение особенностей социально-временных процессов в области труда. Теоретические изыскания сопровождались социальными обследованиями предприятий, что принципиально важно для цельного осмысления такого важного феномена как рабочее время, так как это не просто социально-экономический показатель, это фактор, отображающий качество жизни, уровень благосостояния и развития страны в целом. Этот общественный запрос и стал основой для написания данной статьи.

Зарубежные идеи о сущности рабочего времени

Определенную лепту в изучение сущности труда, рабочих норм времени и обоснование их наполнения внесли социалисты-утописты. Так, Т. Мор утверждал, что труд не только обязанность, но и честь для всех членов общества. Исходя из этого, он выдвигал и отстаивал идею о сокращении рабочего времени и установлении

6-часового рабочего дня. Свободное время он предлагал использовать для всестороннего развития личности.

Примерно также понимал сущность труда и Т. Кампанелла: любой труд он считал полезным и благородным, а наиболее опасные и тяжелые виды деятельности – самыми почетными. В его работе «Город солнца»

...должность каждого определяется с детства сообразно с расположением и сочетанием звезд, наблюдавшихся при его рождении. Благодаря этому все работают, каждый в соответствии со своими природными склонностями, исполняет свои обязанности, как следует и с удовольствием, так как для всякого они естественны [Кампанелла 1954, с. 11].

Но в отличие от Мора, Кампанелла настаивал на сокращении времени труда почти в четыре раза, объясняя это тем, что работе необходимо отводить не более четырех часов в день, а остальное время должно посвящаться отдыху, учебе и развлечениям.

Определенную роль в изменении теоретических воззрений о рабочем времени сыграла и точка зрения Р. Оуэна, которую он не только пропагандировал, но и реализовал на своей фабрике (г. Нью-Ланарк). Им был сокращен рабочий день до 10 часов, что было небывалым нововведением для того времени. Хочется подчеркнуть, что в то время дети от 5 до 10 лет работали также, как и взрослые, по 14–16 часов в день. Источником всех богатств им провозглашался производительный труд, т. е. выполнение определенных норм труда за рабочее время. Оуэн утверждал равенство рабочего времени. При этом считал недопустимым, чтобы за счет интенсивности труда работодатель увольнял работников с целью увеличения собственной прибыли, что можно часто наблюдать в современных условиях. Своими действиями Оуэн доказал, что филантропия не только гуманна, но и выгодна. Социальные эксперименты Оуэна вдохновили его соотечественников к определенным социально-экономическим переменам. Однако исследователь считал их недостаточными и, пытаясь понять собственные неудачи, пришел к выводу, что опередил свое время, поэтому его в должной мере не поняли. Этим самым Оуэн не просто поднял тему эффективной организации рабочего времени людей, но и обратил внимание на значимость усилий тех, кто стремится соучаствовать в управлении предприятием, в решении наиболее социально значимых проблем, к которым в полной мере относится рабочее время.

Следует отметить, что чаще всего суждения социалистов-утопистов носили абстрактный характер, были ситуативными и эпи-

зодическими, вызванными преимущественно моральными проблемами, но и это способствовало поиску эффективного управления социально-временными проблемами в сфере труда.

Управление рабочим временем является социалистической идеей, в разработке которой ведущая роль принадлежит К. Марксу и Ф. Энгельсу. При исследовании рабочего времени ими был применен комплексный подход. Время они считали реальным общественным богатством, обосновывая это тем, что труд есть «...вечное естественное условие человеческой жизни»¹.

Борьба вокруг установления рабочего дня ведется с первого вступления на историческую арену свободных рабочих и до сегодняшнего дня. В различных отраслях промышленности господствует установленный обычаям, различный по своей продолжительности рабочий день, однако в действительности он соблюдается редко. Только там, где рабочий день установлен законом и за соблюдением его следят, только там и можно сказать, что существует строго ограниченный рабочий день², т. е. авторы обращали внимание на социально-правовую, социально-экономическую и классовую обусловленность социально-временных проблем в сфере труда. Ученые широко заявляли о своих убеждениях, доказывая, что сокращение рабочего дня до восьмичасового необходимо как для восстановления здоровья и физической силы рабочего класса, так и для обеспечения рабочим возможности умственного развития, дружеского общения между собою, социальной и политической деятельности.

Марксом и Энгельсом обоснована потребность предоставлять работникам перерывы на еду, продолжительность которых должна быть в среднем около одного часа. Они призывали к отмене труда в ночное время, допуская его только в случае крайней необходимости, что указывает на более глубинное осмысление ими проблем: не только к определению, но и структуре распорядка рабочего дня (длительности рабочего и внерабочего времени на предприятии). Их многие идеи были реализованы в социально-экономической практике советского периода. Сохраняют они свою значимость и в современных условиях, что подтверждается их отражением в федеральных законах России.

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 48.

² Энгельс Ф. Рецензия на I т. «Капитала» для “Demokratisches Wochenblatt” // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1960 [Электронный ресурс]. URL: <https://informaxinc.ru/lib/marx/16.html> (дата обращения 15 ноября 2021).

Первые отечественные разработки рабочего времени

Одним из основных преемников К. Маркса и Ф. Энгельса в вопросах организации рабочего времени был В.И. Ленин. Им не только поддерживались предложения ученых в этой области, они были обогащены анализом социально-экономических процессов, происходящих в России. Изучая влияние на рабочее время передовых технологий и оборудования, Ленин писал, что если в капиталистическом обществе прогресс техники и науки означает прогресс в искусстве выжимать пот, то при социализме развитие техники, электрификация народного хозяйства коренным образом изменяют условия труда, позволяя сократить рабочий день с восьми часов до семи и меньше. И это осуществится в СССР, доказывал он. То есть научно-технические нововведения Ленин рассматривал как источник освобождения человека от труда с целью удовлетворения его потребностей, а при капитализме – лишь как средство интенсивности труда, и на этой основе сокращения и увольнения рабочих. Данный вывод был обоснован В.И. Лениным результатами его анализа системы Ф. Тейлора. Речь идет о научной организации рабочего дня на основе нормирования труда. Внимательно изучив научный подход Ф. Тейлора, В. Ленин пришел к убеждению, что происходит выжимание у рабочих пота по всем правилам: осуществляется специальный отбор кадров, далее за счет строгого контроля действий у работников растет интенсивность труда. Они получают надбавку. При этом многих увольняют. Выжмут все силы и у тех, кто остался, затем выгоняют и их. Это определено самой природой капиталистического строя, заявлял он³. Необходимо признать, что в увеличении напряженности труда и соответствующем поведении администрации предприятий В.И. Ленин был прав. Это порочная практика присутствует и у современных работодателей.

Началом научного осмысления проблем управления в сфере труда ученые считают конец XIX в., что было связано с объективными потребностями промышленного развития и с отсутствием рационального использования социальных ресурсов.

Проблемой рабочего времени занимались представители разных наук, включая физиологов. И.М. Сеченовым доказана необходимость сокращения рабочего времени до восьми часов на базе длительных исследований физиологических факторов оптимального рабочего дня. Он сравнивал механизмы утомления мышц при

³ Ленин В.И. Научная система выжимания пота // Правда. 1913. 13 марта.

ходьбе с работой сердца. Обратив внимание на периоды отдыха, он пришел к выводу, что сердце отдыхает чаще, чем руки и ноги. Взяв за основу соотношение труда и отдыха, ученый аргументировал физиологические нормы рабочего времени: рабочее время должно быть продолжительностью шесть часов, максимум – восемь [Сеченов 2001]. Следовательно, если исходить из научных результатов ведущего физиолога мира, продолжительность рабочего времени уже более ста лет находится на рубеже человеческих возможностей.

Несомненный вклад в изучение реальных проблем рабочего времени внесли и исследования прикладного характера В.В. Берви-Флеровского, Н.А. Благовещенского, Е.М. Дементьева, Ф.Ф. Эрисмана и другие. В их числе особенно выделяется санитарное обследование промышленных предприятий Московской губернии (1879–1885 гг. и 1881–1893 гг.), которое проводилось под руководством Ф.Ф. Эрисмана⁴, работавшего в земстве в качестве специального врача-обследователя фабрик и заводов. Исследование включало массовые опросы: 114 тыс. рабочих 1080 фабрик и заводов. Специалистами были вскрыты серьезные проблемы (рабочий день длился 13–14 часов, а на некоторых фабриках – 18 часов). Ими зарегистрирован и иной режим труда, который можно назвать «конвейерным» – когда смена приходит через каждые шесть часов (две партии рабочих сменяют друг друга). Несмотря на высокую напряженность труда, данная социально-временная практика рабочего дня присутствовала на большинстве бумагопрядильных фабрик. Итоги данного научно-практического исследования послужили основой для принятия ряда официальных мер по организации рабочего времени: в 1882 г. был принят закон о работе малолетних, в 1885 г. – о запрете ночных смен для женщин и подростков. Но, несмотря на некоторые принятые меры, тяжелое положение рабочих сохранялось.

Мрачные результаты прикладных исследований о рабочем времени и управлении на заводах и фабриках Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов были раскрыты Е.М. Дементьевым в его книге «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет» [Дементьев 1897]. Им выявлено, что рабочие семьи на многих фабриках проводят 24 часа в сутки, поскольку живут непосредственно в тех же помещениях, где работают. Рабочие

⁴ Московская губернская земская санитарная комиссия: Сб. статистических сведений по Московской губернии: Отдел санитарной статистики. М.: Моск. губерн. земство, 1877–1902. Т. 4. Ч. 1: Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879–1885 гг. / Под ред. Ф.Ф. Эрисмана. М., 1890. С. XIX, XXVI.

в процессе труда часто отлучались по разным делам. В этих условиях определить реальную длительность рабочего дня работников и работниц было крайне сложно.

Результаты анализа и обобщения официальных норм продолжительности рабочего времени, позволили исследователям объединить предприятия в несколько групп: на 44% фабрик работали 13–13,5 часов, на 29% – 12–12,5 часов, на 11,5% – 14–14,5 часов, на 10% – менее 12 часов и на 5% фабрик рабочий день длился 15–18 часов. Установленная длительность труда была очень высокой, дифференциация фабрик по продолжительности рабочего времени присутствовала значительная. Предприятия повсеместно использовали сверхурочный труд, увеличивающий и так очень высокую продолжительность рабочего дня. В экстренных случаях рабочий день даже на самой тяжелой работе доходил до 19,5–21,5 часов в сутки. Учитывая полную антисанитарию на заводах и фабриках, сложно представить, как люди вообще выживали.

Что касается вмешательства государства в социальную политику предприятий в области управления рабочего времени, то в XIX в. оно было минимальным. Базовой составляющей договоров личного найма было строгое подчинение работника власти работодателя (хозяина).

Советский опыт осмысления проблем рабочего времени

Более глубинное понимание сущности рабочего времени произошло в 20–30-е гг. XX в., что связано с такими исследователями, как А.К. Гастев, Д.П. Журавский, П.М. Керженцев, Г.А. Пруденский, П.А. Сорокин, С.Г. Струмилин, А.В. Чаянов и другие. Первые в мире крупные исследования бюджетов времени, включающие и рабочее время, были проведены под руководством С.Г. Струмилина. Они имели ряд отличительных характеристик; например, впервые проводились по заказу органов государственной статистики, заинтересованных в обследовании бюджетов времени в «бюджетных» рабочих и крестьянских семьях. И этот заказ состоялся, несмотря на то, что в стране была сверхсложная обстановка. Исследования носили научно-прикладной характер, так как если ранее результаты обследований предприятий по использованию рабочего времени играли в основном инертную роль, рассматривались лишь как показатели изменений, то данное обследование и его результаты оценивались иначе. Перед учеными стояли задачи государственной важности: не только выявить социально-временные проблемы

в сфере занятости людей, но и найти оптимальные пути их решения. Исследователями были обоснованы режимы работы разных социальных групп (служащих, рабочих и пр.), которые легли в основу законодательных норм. Принципиальным отличием было и то, что социологические срезы рабочего времени проводились для социально-экономического анализа, для научного объяснения переустройства к лучшему в интересах государства и трудящихся. Подтверждением этому может служить движение многостаночников, в распространении которого большая заслуга принадлежит ученым, поскольку внедрение результатов их исследований в организацию труда предприятий способствовало формированию и развитию этой инициативы.

Социологические исследования в заявленной области были многогранными. П.М. Керженцевым было доказано:

...время нужно строго учитывать, распределять и экономить. Работа над чувством времени должна войти как необходимый элемент во все наши школы. Так же, как мы должны приучать к развитию глазомера, быстроты, сообразительности, мы должны приучать и к чувству времени [Керженцев 1965].

С этим сложно не согласиться, но как утверждает Ж.Т. Тощенко, трудовое поведение россиян остается противоречивым и даже парадоксальным.

А.Ф. Журавский наряду с другими авторами поднял такую проблему, как интенсивность труда – степень уплотненности рабочего времени и уровень напряженности работы, обосновал их зависимость от квалификации, возраста, пола [Журавский 1926]. Конечно, в социальном смысле труд есть нечто большее, чем просто энергозатраты, но их учет в период рабочего дня принципиально важен. Это в свое время подчеркивалось и Ф. Тейлором.

С.Г. Струмилин указал на большие ресурсы бюджетно-временного метода в изучении повседневной жизни людей. Это признано и современными учеными (В.Д. Патрушев, В.А. Артемов и др.), которые называют 20-е гг. XX в. источником («зародышем») почти всего сделанного во все последующие годы и того, что еще предстоит, возможно, сделать в будущем. И это заслуженно, так как в этот период времени происходило расширение исследовательского пространства, увеличение объектов изучения, изменение целей и задач массовых обследований, отрабатывались методики исследований и пр. Отечественный опыт был не только неотделим от мировой практики, но в 20-е гг. XX в. значительно опережал международные изыскания. Принципиально важно и другое: несмотря на смену

политических ориентиров в стране, в данных исследованиях сохраняет свое доминирование марксистский (материалистический) подход.

Заключение

Многочисленные поиски оптимальной организации рабочего времени доказывают, что время, а тем более рабочее время – наиболее сложная социальная категория для восприятия и понимания. Его значимость не подвергалась сомнению ни одной из социальных групп общества на протяжении всей истории человечества. Однако управление рабочим временем вызывало разногласия и большие социальные проблемы. Их разрешению способствовала деятельность социологов, но, как показывает историческая практика, востребованность социологических результатов и их использование были ситуативными.

Социально-исторический анализ позволил выявить главное: рациональность управления рабочим временем достигается лишь при согласовании интересов работников и работодателей. При этом необходим учет факторов, влияющих прямо или опосредованно на организацию рабочего времени работников. Речь идет о влиянии научно-технических достижений на сокращение времени труда. В рыночных условиях это часто игнорируется, что доказано исследованиями ученых и социально-исторической практикой России. В регулировании рабочего времени приоритетным был и остается административный метод, что обостряет социально-экономические проблемы в сфере труда.

Литература

- Дементьев 1897 – *Дементьев Е.М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897 (гл. I–III) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dal.by/news/174/21-10-13-25/> (дата обращения 14 декабря 2021).
- Журавский 1926 – *Журавский А.Ф.* Научная организация труда. М.; Л.: Гос. изд., 1926. 220 с.
- Кампанелла 1954 – *Кампанелла Т.* Город Солнца. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 228 с.
- Керженцев 1965 – *Керженцев П.М.* Борьба за время. М.: Экономика, 1965 [Электронный ресурс]. URL: <http://samzan.ru/131358> (дата обращения 14 августа 2021).
- Сеченов 2001 – *Сеченов И.М.* Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001. 416 с.

References

- Campanella, T. (1954), *Gorod Solntsa* [The City of the Sun], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR.
- Dement'ev, E.M. (1897), *Fabrika, chto ona daet naseleniyu i chto ona u nego берет* [The factory, what it gives to the population and what does it take away], Moscow, USSR, (ch. I–III), available at: <http://www.dal.by/news/174/21-10-13-25> / (Accessed 14 December 2021).
- Kerzhentsev, P.M. (1965), *Bor'ba za vremya* [The struggle for time], Ekonomika, Moscow, USSR, available at: <http://samzan.ru/131358> (Accessed 14 August 2021).
- Sechenov, I.M. (2001), *Ehlementy mysli* [Elements of thought], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Zhuravsky, A.F. (1926), *Nauchnaya organizatsiya truda* [Scientific organization of labor], Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Галина А. Цветкова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; qaltsvet@yandex.ru

Information about the author

Galina A. Tsvetkova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; qaltsvet@yandex.ru

УДК 316.74:61

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-90-102

Россияне старшего возраста в условиях рисков COVID-19

Татьяна С. Киенко

*Южный федеральный университет,
Ростов-на Дону, Россия, tskienko@sfedu.ru*

Наталья А. Птицына

*Ивановский государственный университет,
Иваново, Россия, narticyna@yandex.ru*

Аннотация. С приходом пандемии COVID-19 люди старше 65 лет стали объектами особой «заботы» и ограничений, что привело к социальной эксклюзии, сокращению жизненного пространства, мобильности и свободы, уменьшению двигательной и социальной активности, «вторичному ущербу». На материалах интервью в двух российских регионах (Ивановская и Ростовская области) описаны типичные и особенные проблемы людей старшего возраста, перемены в образе жизни в условиях COVID-19, реакции на ограничения и риски. Анализ опыта переживания и реакций на изменения «коронавирусного» и «посткоронавирусного» мира показывает крайнюю гетерогенность группы людей старшего возраста. Искусственная рамка возрастной стратификации в 65 лет для всех россиян без учета их собственного мнения, особенностей образа жизни, жизненных целей и ценностей, социального, трудового, медицинского и пр. статуса усиливает сегрегацию, исключенность и возрастное неравенство. Сложность социальных последствий ограничений для людей старшего возраста актуализирует применение синдемического подхода в социологии старения.

Ключевые слова: люди старшего возраста, COVID-19, ограничения для людей старше 65 лет, самоизоляция, возрастное неравенство, социальная исключенность, синдемический подход

Для цитирования: Киенко Т.С., Птицына Н.А. Россияне старшего возраста в условиях рисков COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 91–102. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-90-102

Elderly Russians at risk of COVID-19

Tat'yana S. Kienko

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
tskienko@sfedu.ru*

Natal'ya A. Ptitsyna

*Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
napticyna@yandex.ru*

Abstract. With the arrival of the COVID-19 pandemic, people over 65 became objects of special “care” and restrictions, which led to social exclusion a reduction in the living space, mobility and freedom, a decrease in the kinetic and social activity, and “secondary damage”. Following the materials of interviews in two Russian regions (Ivanovo and Rostov regions), the authors define typical and special issues of older people, lifestyle changes in the conditions of COVID-19, reactions to restrictions and risks. An analysis of the experience of the emotions feeling and reacting to changes in the “coronavirus” and “post-coronavirus” world shows the extreme heterogeneity of an elderly people group. The artificial age stratification frame of 65 years for all Russians without taking into account their own opinions, lifestyle characteristics, life goals and values, social, labor, medical, etc. status increases the segregation, exclusion, age inequality. The complexity of the social consequences of restrictions for elderly people gains newfound relevance for the application of the syndemic approach in the sociology of aging.

Keywords: older people, COVID-19, restrictions for people over 65, self-isolation, age inequality, social exclusion, syndemic approach

For citation: Kienko, T.S. and Ptitsyna, N.A. (2021), “Elderly Russians at risk of COVID-19”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 91–102, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-90-102

Люди старшего возраста: обсуждение понятия

Термин «люди старшего возраста» предложен авторами для объединения в единую группу всех людей старше 65 лет, ставших объектами особых ограничений в условиях рисков COVID-19. Понятия «пожилые и старые люди», «геронтогруппа» и пр. подвергаются критике в силу гетерогенности людей старшего возраста, наличия негативных стереотипов и условности возрастных границ старости. Поиск новых подходов к старению предпринимался в рамках введения альтернативного термина «третий возраст» [Laslett 1994], концепций активного, здорового, позитивного,

продуктивного, успешного, гармоничного, достойного, оптимального старения. Однако разделяемого всеми учеными понятия нет. В то же время переосмысливается нормативность старости, возраст рассматривается как фактор стратификации и неравенства.

К числу маркеров старшего возраста относят выход на пенсию (в России с 2018 г. начал переход к пенсионному возрасту 60 лет для женщин и 65 – для мужчин), наличие внуков, статусы бабушки или дедушки, комплекс социальных, визуальных, поведенческих атрибутов, моделей поведения, связанных с переходом от активности к пассивности. В последние десятилетия наметился пересмотр представлений о старости как о времени пассивности и слабости, что нашло отражение в динамике нормативной базы и социальной политики. Но с приходом пандемии COVID-19 реализация концепции активного долголетия приостановлена: «борьба за инклюзию пожилых (временно) сменилась борьбой за их эксклюзию», обозначив новые проблемы, в том числе переосмысление социального исключения пожилых «в ситуации, когда исключение приравнивается к безопасности» [Григорьева, Богданова 2020, с. 187, 204]. В России появился новый маркер пожилого возраста – рубеж 65 лет (который в свете «четвертой волны» рискует «омолодиться» до 60). Несмотря на широкий разброс моделей поведения, состояния здоровья, трудовой и социальной активности, стилей жизни и коммуникаций россияне старше 65 лет стали объектами ограничений и режима вынужденной самоизоляции. Появилась новая рамка возрастной стратификации, которая отделила людей старше 65 лет от всех других. Вокруг этой новой рамки «собираются» остальные маркеры старости и «вторичные» следствия введенных ограничений. На фоне искусственной сегрегации люди старше 65 лет не перестали быть гетерогенной группой, они принимали ограничения и выходили из них по-разному.

*Люди старшего возраста
в условиях ограничений:
постановка проблемы
и методологические рамки*

Мир столкнулся с вспышкой COVID-19 в конце 2019 г. В 2020 г. тяжелые потери привели к повсеместному введению мер безопасности, ограничений и самоизоляции¹. Анализ последствий

¹ Статистика в мире продолжает оставаться угрожающей: 20 сентября 2020 г. насчитывался 31 млн заболевших коронавирусом, в том числе

изоляции для людей старшего возраста свидетельствует о сложных взаимосвязях физических особенностей и ограничений и их соматических, социальных и психологических следствий, о «вторичном» ущербе (secondary damage) [Lekamwasam, Lekamwasam 2020; Plagg et al. 2020; Armitage, Nellums 2020]. Риск погибнуть у 70-летних в 40 раз выше, чем у 30-летних [Голубев, Сидоренко 2020, с. 399]. Сегодня известно, что тяжесть последствий вируса связана не с возрастом, а с состоянием здоровья, но для людей старшего возраста риски крайне высоки.

Одной из наиболее острых проблем стало ограничение передвижений и режим самоизоляции для людей старше 65 лет, что на фоне информационного давления в СМИ привело к росту панических настроений. Социальная инфраструктура перешла к ограниченной функциональности: существенно сократилась деятельность социокультурного и спортивно-оздоровительного сектора, социальные стационары перешли в режим карантина и/или обсервации, типовые российские центры социального обслуживания населения приостановили или перевели нестационарную работу в индивидуальный, телефонный и онлайн-формат (доступный не всем людям старшего возраста). Люди «65+» стали бояться выхода на улицу, посещения больниц, визитов социальных работников, волонтеров и даже членов своей семьи. Некоторые встретились с порицанием, жестким контролем и рисками несоблюдения другими людьми мер безопасности вне дома. Медицина стала труднодоступной, проявился ряд системных проблем: отсутствие патронажа, телемедицины и технологий удаленной социально-медицинской поддержки.

В 2020 г. появились высказывания о синдемическом характере коронавируса [Irons 2020]. Понятие синдемии (syndemic), введенное в научный дискурс М. Сингером [Singer, Clair 2003], означает

летальные исходы приближались к миллиону; 30 марта 2021 г. – 128 394 797 случаев заражений и свыше 2,8 млн смертей; 30 сентября 2021 г. – 234,5 млн заражений и почти 4,8 млн смертей (Worldometer. Coronavirus. Population [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/> (дата обращения 20 сентября 2020, 30 марта 2021, 30 сентября 2021). По официальным данным, в России число заболевших на начало ноября 2021 г. – свыше 8,7 млн человек, в том числе около 250 тыс. смертельных случаев (Стопкоронавирус.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aefrebagmfblc0a.xn--p1ai/> (дата обращения 18 сентября 2021). Учитывая незарегистрированные случаи, неофициальные источники информации и личные наблюдения можно предполагать более серьезные масштабы пандемии.

взаимодействие двух или более заболеваний и их переплетение с социальными условиями и следствиями неравенства, дискриминации и структурного насилия. Одна болезнь может легко переноситься человеком и группой, но болезни в их сочетаниях, усиленные социальными, экономическими, властными, культурными неравенствами, могут приводить к росту рисков для определенных лиц, групп, регионов, стран. Для людей старшего возраста пандемия реально становится синдемой.

Методологическая основа, эмпирическая база и методы исследования

Методологической основой исследования выступает синдемический подход и парадигма критической геронтологии. Эмпирические данные получены посредством проведения полуструктурированных интервью (авторская методика Е.К. Марковой, Н.А. Птицыной, Т.С. Киенко). Проанализированы 20 интервью с информантами в возрасте от 65 до 92 лет (18 женщин и 2 мужчин), собранные в двух российских регионах (по 10 – в Ростовской и Ивановской областях) с ноября 2020 г. по август 2021 г. Отбор информантов осуществлялся на основе личных связей и методом «снежного кома» с соблюдением условия очного личного взаимодействия по месту жительства/работы². Продолжительность интервью варьировала от 30 до 60 минут. Структура интервью включала четыре основных блока. Предполагалось выяснить, как россияне старшего возраста переживали режим самоизоляции в условиях пандемии (актуальные проблемы, трудности); в каких видах социальной помощи нуждались и к кому обращались; как менялись образ жизни и самочувствие, какие субъекты и факторы способствовали/препятствовали реализации их прав и потребностей.

Результаты и дискуссии

Анализ материалов интервью показывает, что запреты и ограничения в период пандемии обусловили сокращение жизненного пространства людей старше 65 лет: существенно снизилась мобильность, социальные связи, ухудшилось состояние здоровья,

² Интервью проведены при участии студентов Южного федерального и Ивановского государственных университетов.

возникли проблемы с получением социальной и медицинской помощи. Но восприятие опрошенными ситуации было неоднозначным. Мобильные граждане, не нуждавшиеся в посторонней помощи, работающие или привыкшие до пандемии вести активный образ жизни (активисты, волонтеры) указали на серьезные перемены в своей жизни: они почувствовали одиночество и тревогу, ухудшение самочувствия в результате сокращения коммуникаций и двигательной активности, набрали вес.

Сузилось пространство до границ квартиры. Ограничение контактов с ближайшими соседями. Стала чаще использовать домашний телефон для общения, что отразилось на оплате. Выросли расходы за коммунальные услуги... Сместился режим дня: позднее стала засыпать, позднее просыпаться. Отсутствие вечерних прогулок. Все это вызывало колебания артериального давления (*Ж., 90 лет, ИО*).

Страшно, тяжело и неизвестно. Веселиться нечему, а плакать стараюсь поменьше (*Ж., 65 лет, РО*).

Вес увеличился, хотя пыталась употреблять только полезные продукты (*Ж., 67 лет, ИО*).

Работа и все коммуникации шли и до сих пор почти продолжают в дистанционном режиме... Были... ситуации, когда откладывались планы, поездки, юбилеи (*М., 72 года, РО*).

В период пандемии приняла решение о прекращении трудовой деятельности (*Ж., 67 лет, ИО*).

В то же время ряд информантов (маломобильные граждане, имеющие ограничения здоровья) отметили, что их жизнь практически не изменилась.

Проснулась, умылась, почистила зубы, позавтракала, выпила таблетки, помыла посуду, лежала, работа по дому и досуг. Старому человеку энергии особо не хватает (*Ж., 71 год, РО*).

После операции уже более двух лет нахожусь дома. Помогают мне близкие. Режим не изменился (*Ж., 92 года, ИО*).

Несмотря на то что информанты боялись заразиться вирусной инфекцией, реакция на введенные ограничения оказалась неоднозначной: одни информанты сочли меры безопасности обоснованными, другие были возмущены, испытали депрессию.

Паника была, просто не знала, куда деться в четырех стенах (*Ж., 71 год, РО*).

Ограничили всякое передвижение. Почти полгода мало с кем

общались (кроме детей и внуков). Даже соседей сторонились (Ж., 67 лет, ИО).

Позитивно отношусь ко всем мерам, это для нас же сделано (Ж., 70 лет, РО).

Активные и работающие пожилые чаще критиковали ограничения, но согласились с принятыми мерами, многие прошли вакцинацию.

Вакцинировались. Участковый терапевт убедила. Но все-равно побаивались (Ж., 67 лет, ИО).

Опасно, но ограничения обоснованные. Сделали с супругой прививки (М., 72 года, РО).

В неравном положении оказались работающие представители разных профессиональных групп «65+». Сотрудники учреждений здравоохранения продолжали трудиться.

Нас не освобождали. Кто же работать-то в поликлинике будет? Молодежь не сильно стремилась в «ковидное» время трудиться (Ж., 67 лет, ИО).

Других представителей социальной сферы (педагогов, социальных работников) обязали соблюдать режим самоизоляции. Сотрудники государственных учреждений имели возможность получить оплачиваемый больничный лист или работать онлайн. Неофициально подрабатывающие пенсионеры продолжали трудиться, невзирая на ограничения (частные медицинские центры, организации торговли, аптечные сети, магазины и др.).

Работали и в пандемию (раскладывала товар в торговом зале). Хозяйка предупредила, если увидим проверяющих, то как будто мы покупатели (Ж., 69 лет, ИО).

Дежурила, как и до пандемии. Ничего не изменилось (Ж., 75 лет, РО).

Не менее острой была проблема оказания медицинской помощи, диагностики и своевременного лечения.

Появились проблемы с зубами. Пришлось ждать окончания срока самоизоляции. Не было возможности вызвать участкового врача для контроля анализов. Врачей... не хватало (Ж., 90 лет, ИО).

С проблемами при получении медицинской помощи сталкивалась, доктора вызывали частного, не дождешься скорой или врача

участкового, она хотела положить в терапию, но мне отказали (Ж., 71 год, РО).

Обострилась проблема зубного протезирования. Заметно ухудшилось зрение. Не было возможности обратиться за помощью в период самоизоляции (Ж., 66 лет, ИО).

Во время диспансеризации мужу была назначена плановая госпитализация. Приезжаем утром в стационар... по направлению. Накануне звонили, чтобы время уточнить. Не принимают. Говорят, что закрыли больницу из-за ковида. Направили в седьмую... там тоже не приняли... Отправили в областную. И там не принимают. Только по скорой... На консультацию не попадешь... По телефону врач успокоил: «Если будет хуже, по скорой привезут... вырежем...» А если не успеют? (вздыхает). Получается, пожилые никому не нужны (Ж., 68 лет, ИО).

Посещение медицинских учреждений у людей старшего возраста было сопряжено со страхом заразиться коронавирусом, они предпочитали терпеть недомогания.

... в нашей поликлинике, несмотря на вирус, в очереди и больные и здоровые... не пошла на прием... «Лечилась» по телефону у знакомого доктора (Ж., 74 года, ИО).

В поликлинике в последний раз была около года назад, из-за пандемии страшно (Ж., 65 лет, РО).

Давление резко подскочило... Было очень плохо. У меня стен. Нужно менять... Но куда пойдешь? К кардиологу нельзя было записаться... Да и боязно... Полагалась на «авось»... Сдала я сильно за эту пандемию (Ж., 72 года, ИО).

Переболевшие отмечали серьезное ухудшение здоровья.

Это страшно, человек после болезни уже не будет здоров, особенно пожилой, все болезни вылезли, давление и сахар ничем не снижаются (Ж., 68 лет, РО).

Переболела. До сих пор – недомогания... Все «болячки» обострились (Ж., 68 лет, ИО).

Некоторые информанты сообщали об усиливающемся на фоне пандемии пренебрежении интересами людей старшего возраста, росте возрастной дискриминации в повседневной жизни и в институциональных практиках.

Я из «счастливой» категории 65+. Социальные карты нам заблокировали. Такое решение принято губернатором. А кто спросил нас?

На работу пришлось ездить в транспорте за полную стоимость (Ж., 68 лет, ИО).

Госпиталь «ковидный» обещали ввести еще в декабре, прошло полгода – информации нет... А плановую медицинскую помощь своевременно получить можно с большим трудом (Ж., 74 года, ИО).

Недавно... была пневмония, я ходить не могла и температура 40 и муж после операции. Позвонили в собес попросить хоть какой-то помощи. Нам сказали: «Дайте деньги и напишите список, что надо, а мы найдем человека, который купит и принесет». Было обидно и неприятно. В путевке в пансионат тоже отказывают, так как рецидивов не должно быть на момент поездки и состояние стабильное, а пока в очереди посидишь, уже и давление поднимется... А еще поражает жестокость к старикам. Пожилому родственнику по дороге домой... стало плохо, он упал на улице, так его обокрали и забрали все что было, даже орден и удостоверение с войны... (Ж., 65 лет, РО).

Сделала первую часть прививки, состояние ухудшилось... Боюсь за свое состояние здоровья (щитовидка, диабет). Пришла посоветоваться к эндокринологу, она успокоила: «Ну, от первой же вакцины не умерли». Стало как-то не по себе (Ж., 67 лет, ИО).

Выводы

В условиях распространения COVID-19 пожилые люди оказались в ситуации множественных рисков ввиду синдемических эффектов заболевания, его последствий, «вторичного ущерба» изоляции и эйджизма. Появился новый маркер старости – возраст 65 лет, не учитывающий потребностей и особенностей людей этой гетерогенной группы. На основе полученных данных выявлен ряд общих и различных проблем, возникших у людей старшего возраста, реакций на изменения и ограничения. К числу наиболее острых проблем информанты отнесли ограничение жизненного пространства и социальных связей; сокращение доступа к получению медицинской помощи, проведению диагностики и лечения (практическое отсутствие возможности лечения у специалистов узкого профиля, трудности госпитализации); ухудшение физиологического и психологического состояния (стресс, депрессии, вызванные неопределенностью, изоляцией и страхом); ухудшение качества жизни, проявление пренебрежения и исключенности. Любопытно, что в ходе аналогичного исследования на Юге Швейцарии выявлен сходный перечень проблем и реакций пожилых швейцарцев на ограничения пандемии [Falvo, Zufferey, Albanese, Fadda 2021].

Исследование показало, насколько разными могут быть условия старения в России, как несостоятельна унификация и введение общих для всех ограничений, как тяжелы последствия сокращения мобильности и активности для людей старшего возраста. Пандемия коронавируса проявила скрытые неравенства внутри самой геронтогруппы: мобильные и активные люди старше 65 лет (работающие пенсионеры, серебряные волонтеры, активисты социальных движений и клубов) живут и чувствуют себя в условиях ограничений совсем не так, как маломобильные, страдающие хроническими заболеваниями или нуждающиеся в постоянной заботе (привыкшие к изоляции и сегрегации). Вводить единые для всех ограничения и стандарты недопустимо. Особого внимания требуют среднесрочные и долгосрочные вторичные следствия ограничений, изоляции и исключенности для социального, психологического и соматического здоровья и благополучия людей старшего возраста.

Сегодня мы сталкиваемся с новым витком проблемы – «четвертой» волной COVID-19. Ограничения для людей старшего возраста в большинстве регионов усиливаются. Люди привыкают к социальному отчуждению и возрастной сегрегации, к одинокому домашнему образу жизни, ограничению потребностей и активности, движения и контактов, к введению возрастных барьеров и исключенности. Новые подходы к пониманию социальной старости в центр внимания должны поставить вопросы права на достойное старение и права пожилого человека самостоятельно определять цели и стратегии старения, стареть как хочется, а не так, как навязывают стереотипы, тренды или структурные ограничения.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31683 «Новые практики самоорганизации и общественные инициативы расширения возможностей людей пожилого возраста в российских регионах».

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31683 “New self-organization practices and public initiatives to empower elderly people in Russian regions”.

Литература

- Голубев, Сидоренко 2020 – *Голубев А.Г., Сидоренко А.В.* Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33. № 2. С. 397–408. DOI: 10.34922/AE.2020.33.2.026
- Григорьева, Богданова 2020 – *Григорьева И.А., Богданова Е.А.* Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12. № 2. С. 187–211.
- Armitage, Nellums 2020 – *Armitage R., Nellums L.B.* COVID-19 and the consequences of isolating the elderly // *The Lancet Public Health*. Vol. 5. № 5. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30061-X](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30061-X) [Электронный ресурс]. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667\(20\)30061-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667(20)30061-X/fulltext) (дата обращения 2 октября 2020).
- Falvo, Zufferey, Albanese, Fadda 2021 – *Falvo I., Zufferey M.C., Albanese E., Fadda M.* Lived experiences of older adults during the first COVID-19 lockdown: A qualitative study // *PLoS ONE*. 2021. № 16 (6). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0252101> [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0252101> (дата обращения 12 октября 2021).
- Irons 2020 – *Irons R.* Pandemic... or syndemic? Re-framing COVID-19 disease burden and “underlying health conditions” // *Social Anthropology*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 286–287. DOI: <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12886>.
- Laslett 1994 – *Laslett P.* The Third Age, the Fourth Age and the Future // *Ageing & Society*. 1994. Vol. 14. № 3. P. 436–447.
- Lekamwasam, Lekamwasam 2020 – *Lekamwasam R., Lekamwasam S.* Effects of COVID-19 Pandemic on Health and Wellbeing of Older People: A Comprehensive Review // *Annals of Geriatric Medicine and Research*. 2020. № 24 (3). DOI: 10.4235/agmr.20.0027 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/340426338_Effects_of_COVID_19_pandemic_in_daily_life (дата обращения 12 октября 2020).
- Plagg et al. 2020 – *Plagg B., Engl A., Piccoliori G., Eisendle K.* Prolonged Social Isolation of the Elderly During COVID-19: Between Benefit and Damage // *Archives of Gerontology and Geriatrics*. 2020. Vol. 89. 104086. DOI: 10.1016/j.archger.2020.104086. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167494320300807?via%3Dihub> (дата обращения 12 октября 2020).
- Singer, Clair 2003 – *Singer M., Clair S.* Syndemics and Public Health: Reconceptualizing Disease in Bio-Social Context // *Medical Anthropology Quarterly*. 2003. Vol. 17. № 4. P. 423–441.

References

- Armitage, R. and Nellums, L.B. (2020), "COVID-19 and the consequences of isolating the elderly", *The Lancet Public Health*, vol. 5, no. 5, DOI: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30061-X](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30061-X), available at: [https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667\(20\)30061-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667(20)30061-X/fulltext) (Accessed 2 October 2020).
- Falvo, I., Zufferey, M.C., Albanese, E. and Fadda, M. (2021), "Lived experiences of older adults during the first COVID-19 lockdown: A qualitative study", *PLOS ONE*, no. 16 (6), DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0252101>, available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0252101> (Accessed 12 October 2021).
- Golubev, A.G. and Sidorenko, A.V. (2020), "The Theory and practice of aging in the conditions of COVID-19 pandemic", *Achievements of gerontology*, vol. 33, no. 2, pp. 397–408. DOI: 10.34922/AE.2020.33.2.026.
- Grigor'eva, I.A. and Bogdanova, E.A. (2020), "The concept of active ageing in Europe and Russia in the face of the pandemic COVID-19", *Laboratorium: Journal of Social Research*, vol. 12, no. 2, pp. 187–211.
- Irons, R. (2020), "Pandemic ... or syndemic? Re-framing COVID-19 disease burden and 'underlying health conditions' ", *Social Anthropology*, vol. 28, no. 2, pp. 286–287, DOI: <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12886>.
- Laslett, P. (1994), "The Third Age, the Fourth Age and the Future", *Ageing & Society*, vol. 14, no. 3, pp. 436–447.
- Lekamwasam, R. and Lekamwasam, S. (2020), "Effects of COVID-19 Pandemic on Health and Wellbeing of Older People: A Comprehensive Review", *Annals of Geriatric Medicine and Research*, no. 24 (3), DOI: 10.4235/agmr.20.0027, available at: https://www.researchgate.net/publication/340426338_Effects_of_COVID_190_pandemic_in_daily_life (Accessed 12 October 2020).
- Plagg, B., Engl, A., Piccoliori, G. and Eisendle, K. (2020), "Prolonged Social Isolation of the Elderly During COVID-19: Between Benefit and Damage", *Archives of Gerontology and Geriatrics*, no. 89, DOI: 10.1016/j.archger.2020.104086, available at: URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167494320300807?via%3Dihub> (Accessed 12 October 2020).
- Singer, M. and Clair, S. (2003), "Syndemics and Public Health: Reconceptualizing Disease in Bio-Social Context", *Medical Anthropology Quarterly*, vol. 17, no. 4, pp. 423–441.

Информация об авторах

Татьяна С. Куенко, кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344065, Россия, Ростов-на-Дону, Днепропетровский пер., д. 116; tskienko@sfedu.ru

Наталья А. Птицына, кандидат педагогических наук, доцент, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия; 153025, Россия, Иваново, ул. Тимирязева, д. 5а; napticyna@yandex.ru

Information about the authors

Tat'yana S. Kienko, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; bld. 116, Dneprovskii Lane, Rostov-on-Don, Russia, 344065; tskienko@sfedu.ru

Natal'ya A. Ptitsyna, Cand. of Sci. (Pedagogics), associate professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia; bld. 5а, Timiryazeva Street, Ivanovo, Russia, 153025; napticyna@yandex.ru

Бедность, социальное неравенство
и готовность помогать нуждающимся
в представлениях жителей Санкт-Петербурга

Анна П. Пунгина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, anya-pungina@mail.ru*

Яков Д. Санадзе

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, sanadzey@mail.ru*

Майя М. Русакова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, rusakova.maia@yandex.ru*

Аннотация. В работе рассмотрены представления жителей Санкт-Петербурга о проблеме бедности на основе данных телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга (N = 1004), проведенного на базе Центра социологических и интернет-исследований СПбГУ в апреле–мае 2021 г. Выявлены особенности восприятия бедности группами с различным материальным положением – более обеспеченные слои населения Санкт-Петербурга меньше воспринимают бедность как социально-значимую проблему, в то время как для наиболее экономически уязвимых слоев населения Санкт-Петербурга бедность представляется основной проблемой России, они склонны выбирать структурные причины бедности (социальное неравенство, неэффективная политика государства). Выявлена тенденция разделения бедных на заслуживающих и незаслуживающих помощи, определены наиболее приемлемые способы поддержки бедных для населения Санкт-Петербурга. С помощью логистической регрессии проверена гипотеза о влиянии воспринимаемых причин бедности на готовность жителей Санкт-Петербурга помогать бедным.

Ключевые слова: бедность, социальное неравенство, атрибуция ответственности, социальная политика

Для цитирования: Пунгина А.П., Санадзе Я.Д., Русакова М.М. Бедность, социальное неравенство и готовность помогать нуждающимся в представлениях жителей Санкт-Петербурга // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 103–114. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-103-114

Perception of poverty, social inequality
and willingness to help poor
in Saint Petersburg (Russia)

Anna P. Pungina

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
anya-pungina@mail.ru*

Yakov D. Sanadze

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
sanadzey@mail.ru*

Maiya M. Rusakova

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
rusakova.maia@yandex.ru*

Abstract. The paper considers the perceptions of residents of St. Petersburg about the issue of poverty based on data from a telephone survey of residents of St. Petersburg (N = 1004), conducted by the Center for Sociological and Internet Research of St. Petersburg State University in April and May 2021. It revealed the specificities of the perception of poverty by groups with different financial situations – wealthier segments of the population of St. Petersburg perceive poverty less as a socially significant challenge while for the most economically vulnerable segments of the population of St. Petersburg, poverty appears to be the main issue in Russia, they tend to opt for the structural causes of poverty (social inequality, ineffective state policy). The authors disclose the tendency of dividing the poor into those deserving the assistance and those deserving not as well as the most acceptable ways of supporting the poor for the population of St. Petersburg. Using logistic regression, they also tested the hypothesis about the influence of the perceived causes of poverty on the willingness of St. Petersburg residents to help the poor.

Keywords: poverty, social inequality, attribution of responsibility, social policy

For citation: Pungina, A.P., Sanadze, Ya.D. and Rusakova, M.M. (2021), “Perception of poverty, social inequality and willingness to help poor in Saint Petersburg (Russia)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 103–114, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-103-114

Введение

Преодоление бедности является одним из приоритетов глобальной повестки – повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах, ликвидация голода, уменьшение неравенства являются

целями устойчивого развития до 2030 г.¹ Всероссийские мониторинги общественного мнения показывают, что проблемы бедности, обнищания населения, рост цен воспринимаются как наиболее социально-значимые проблемы для жителей России (Левада², Ромир³). Неравенство по доходам является наиболее болезненным типом социального неравенства в России [Мареева 2018, с. 105], а рост социальной несправедливости, неравенства между людьми занимает лидирующую позицию на карте страхов россиян, подготовленную ВЦИОМ в 2020 г.⁴

Бедность и социальное неравенство являются классическими темами для социологии. В трудах отечественных социологов исследуется восприятие бедности и социальных неравенств в общественном сознании [Горшков, Тихонова 2014; Леконцев 2016; Мареева 2018; Муздыбаев 2001], в средствах массовой информации [Теодорович 2009; Ярмиев 2008; Емельянова, Дробышева 2015], в дискурсе членов семей, испытывающих материальные трудности, и специалистов по социальной работе [Варызгина, Кей 2014], среди разных социальных классов, например, сельской молодежи [Евдокимова 2016] и других. Однако в отечественных работах не рассматривается вопрос влияния различных аспектов восприятия бедности на практические действия индивидов. В данной статье мы рассмотрим представления о бедности жителей Санкт-Петербурга, а также ответим на вопрос: «Как воспринимаемые причины бедности влияют на готовность помогать бедным?»

Теоретико-методологическая основа исследования

В основе исследования лежит теория каузальной атрибуции, согласно которой люди склонны приписывать причины жизненных событий либо внутренним персональным характеристикам,

¹ 17 целей для преобразования нашего мира/ООН, URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения 28 октября 2021).

² Проблемы общества/Левада, 2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/09/problemu-obshhestva/> (дата обращения 28 октября 2021).

³ «Ромир»: основные проблемы России – взгляд общества 2020/Romir, 2020. URL: <https://romir.ru/studies/romir-osnovnye-problemy-rossii--vzglyad-obshchestva-2020> (дата обращения 26 октября 2021).

⁴ Федоров В. Политика и социальные запросы граждан: данные опросов общественного мнения / ВЦИОМ, 2020. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2020/201204_Lideri_Rossii_Fedorov.pdf (дата обращения 26 октября 2021).

либо внешним обстоятельствам [Муздыбаев 2001]. Наиболее часто в научной литературе рассматриваются четыре типа атрибуции причин бедности: персоналистские (individualistic), фаталистические (fatalistic), структурные (structural), субкультурные (subcultural) [Feather 1974; Муздыбаев 2001; Niemelä 2008]. Ван Оршот и Халман выделяют личные и социальные причины бедности, а внутри каждой из причин добавляют дополнительный уровень (sub-explanations) – судьбу и вину [Van Oorschot, Halman 2000]. Для более точного понимания структурное объяснение бедности было рассмотрено через несколько причин: неэффективная социально-экономическая политика, несправедливость общественного устройства, несправедливость распределения ресурсов. Также рассматривается связь между воспринимаемыми причинами бедности и материальным положением семьи.

Исследование было проведено на базе Ресурсного Центра «Центр социологических и интернет-исследований» СПбГУ с использованием системы САПІ в апреле–мае 2021 г. Работа выполнена в рамках НИОКТР № 121062300141-5 «Комплексное исследование факторов и механизмов политической и социально-экономической устойчивости в условиях перехода к цифровому обществу». Метод исследования – телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга старше 18 лет, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Квотная репрезентативная выборка по возрасту и полу, N = 1004. Распределение выборки по возрасту: 18–29 лет – 23,2%, 30–39 лет – 17,8%, 40–49 лет – 16,6%, 50–59 лет – 17,6%, 60 лет и старше – 24,7%. Характеристика выборки по полу: мужчины – 43,5%, женщины – 56,5%. Характеристика выборки по образованию: неполное среднее или ниже (1,1%), среднее общее (5,5%), среднее профессиональное (5,1%), среднее специальное (17,3%), незаконченное высшее (6,8%), высшее (59,9%), ученая степень, звание (2,9%).

Для проверки гипотезы о влиянии объяснений причин бедности (атрибуция ответственности) на готовность помогать бедным была проведена логистическая регрессия с одной зависимой переменной. Зависимая переменная – готовность помогать, дихотомическая переменная; объяснительная переменная – причины бедности («отсутствие мотивации/лень», «несправедливое устройство общества», «неэффективная социально-экономическая политика», «большинство ресурсов принадлежит богатым»). Переменная «им просто не везет в жизни» была исключена из анализа ввиду непопулярности этого варианта ответа среди респондентов (2,4%). База данных была очищена от отказов отвечать, ответов «другое», ответы «лень» перекодированы в «отсутствие мотивации», в итоге для проверки гипотезы N = 800.

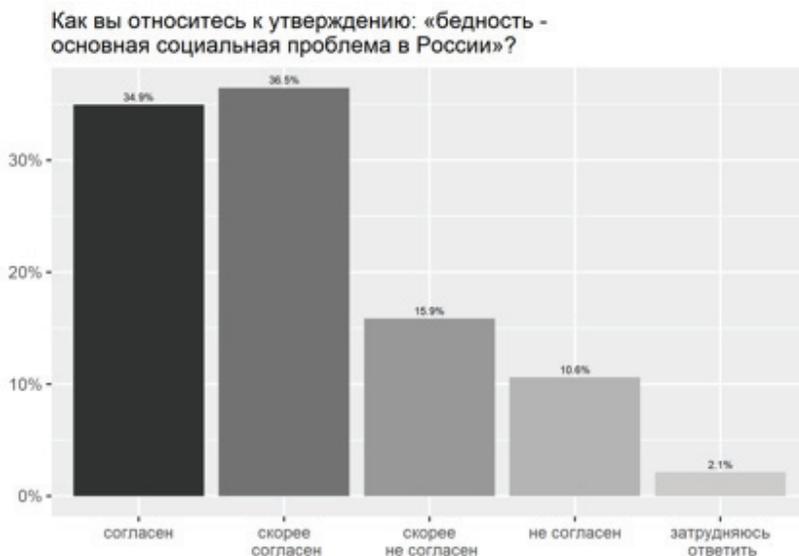

Рис. 1

Источник: данные Центра социологических и интернет-исследований СПбГУ

Результаты исследования

Подавляющее большинство жителей Санкт-Петербурга склонны воспринимать бедность как основную социальную проблему России (71,4%); треть респондентов полностью согласны с утверждением «Бедность – основная социальная проблема России» (рис. 1).

При этом восприятие бедности как основной социальной проблемы наиболее распространено среди тех, кому не хватает денег на еду (86%); кому хватает на еду, но не хватает на одежду (85%); кому хватает на еду и одежду (79%). С увеличением дохода респондентов начинает уменьшаться восприятие бедности как основной социальной проблемы: уже среди тех, кому хватает на еду, одежду, товары длительного пользования воспринимают бедность как социальную проблему только 66%, при этом полностью согласны только 26%. Однако среди тех, кто может себе позволить приобрести машину, дачу – половина респондентов не согласна, что «бедность – основная социальная проблема России», из них 35% полностью не согласны с этим утверждением.

Для того чтобы понимать, как жители Петербурга оценивают бедность в масштабах страны и города, был задан вопрос о воспринимаемом процентном количестве бедных с интервалом в 10%. Если рассматривать распределение ответов о бедности по России, то наиболее частыми ответами стали: 61–70% (13%), 21–30% (11,86%), 41–50% (11,86%). 6% жителей Санкт-Петербурга считают, что бедных в России менее 10%. Однако в целом у респондентов нет консолидированного представления о масштабах бедности в России, вопрос вызывает сложности у части респондентов: затруднились ответить – 7,78%.

Что касается восприятия количества бедных в Санкт-Петербурге, то здесь мнение респондентов более консолидированное, наиболее распространенные ответы – 11–20% (17,6%), 21–30% (16,07%), до 10% (15,7%). Бедность в Санкт-Петербурге воспринимается значительно меньшей проблемой по сравнению с общероссийской бедностью.

Причины бедности. Распространенными причинами бедности, по мнению жителей Санкт-Петербурга, являются «неэффективная социально-экономическая политика» (34,7%) и «большинство ресурсов принадлежит богатым» (22,5%) (рис. 2), что свидетельствует о популярности структурных объяснений причин бедности среди жителей Санкт-Петербурга. При этом ответы на вопрос «Насколько вы согласны со следующим утверждением: “Экономическое благосостояние человека зависит только от него самого”» разделены практически в равной степени – 49% склонны соглашаться с этим утверждением, 48% – не соглашаться, то есть несмотря на популярность внешней атрибуции ответственности (66%) у людей существует установка «надейся только на себя».

Выбор причин бедности имеет связь с уровнем дохода: среди тех, кому не хватает денег на еду, отсутствуют сторонники индивидуалистичных объяснений бедности – никто из этой группы респондентов не выбрал вариант «отсутствие мотивации», среди них распространены структурные объяснения бедности, наиболее популярное – неэффективная политика государства (43%). При этом среди тех, кто может себе позволить машину, дачу, наоборот преобладают индивидуалистичные объяснения бедности – 37% респондентов из этой группы выбрало вариант «отсутствие мотивации». Интересным представляется то, что с увеличением дохода уменьшается выбор такой причины бедности, как «ресурсы принадлежат богатым» – среди тех, кому не хватает денег на еду, этот вариант поддерживают 32%, а среди тех, кому хватает на машину, дачу – уже только 17%.

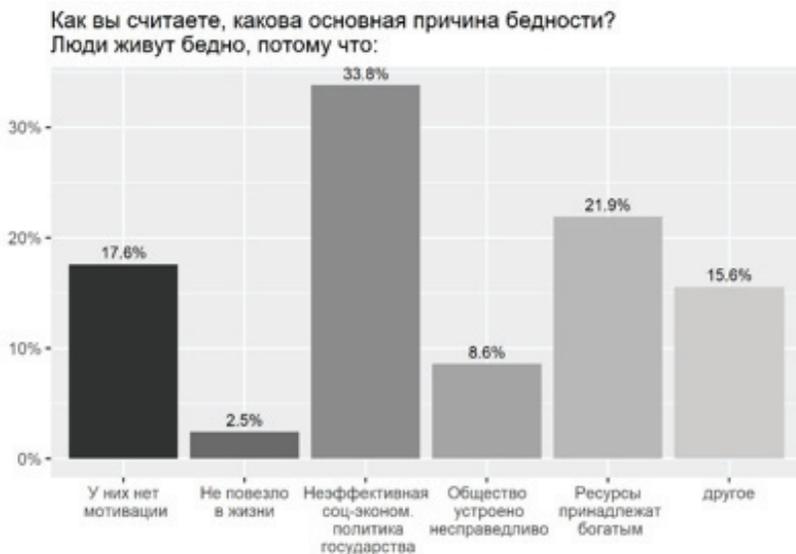

Рис. 2

Источник: данные Центра социологических и интернет-исследований СПбГУ

Готовность помогать. Жители Санкт-Петербурга в большей степени готовы помогать бедным – не готовы помогать только треть жителей Санкт-Петербурга. Наиболее популярный способ помощи – это личная помощь, без посредников (35%). Готовы жертвовать деньги НКО, которые помогают выбраться из бедности, – 21%; НКО, которые смягчают последствия – 15%; платить больше налогов государству для развития социальных программ помощи бедным готовы только 11,8%. Наиболее поддерживаемыми мерами по преодолению бедности в стране являются: бесплатные образовательные курсы (59%), материальная помощь в виде ежемесячных пособий (48%), консультационная помощь (48%), социальный контракт (47%). Наименее популярной мерой является единовременная материальная выплата – против нее 76% жителей Санкт-Петербурга.

Категории бедных, которым больше всего сочувствуют жители Санкт-Петербурга (рис. 6) – это люди с инвалидностью, тяжелыми болезнями (73,3%), пенсионеры (71,8%), многодетные семьи (63,6%). К категориям, которым жители Санкт-Петербурга сочувствуют меньше всего, относятся люди с алкогольной и наркотической зависимостью (12,5%), хронические бедные (16,6%), безработные (24,8%).

Таблица

Результаты логистической регрессии:
связь между атрибуцией ответственности
и готовностью помочь

Причина бедности	Зависимая переменная:				
	Готовность помогать бедным (любим способом)				
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Отсутствие мотивации/лень	-0.488** (0.195)				-0.835*** (0.224)
Несправедливое устройство общества		-0.044 (0.247)			-0.484* (0.271)
Неэффективная соц.-эконом. политика государства			-0.186 (0.154)		-0.555*** (0.182)
Большая часть ресурсов принадлежит богатым				0.623*** (0.165)	
Constant	-0.611*** (0.084)	-0.704*** (0.079)	-0.633*** (0.097)	-0.887*** (0.091)	-0.263* (0.138)
Observations	800	800	800	800	800
Log Likelihood	-504.056	-507.327	-506.612	-500.302	-499.216
Akaike Inf. Crit.	1,012.112	1,018.655	1,017.224	1,004.604	1,006.433

Note:

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Источник: данные Центра социологических
и интернет-исследований СПбГУ

Влияние атрибуции ответственности на готовность помочь (табл.). Статистическая значимость присутствует в двух моделях с независимой переменной: 1) «отсутствие мотивации/лень» ($p < 0,05$); 2) «большинство ресурсов принадлежит богатым» ($p < 0,01$). Это можно интерпретировать следующим образом: респонденты, считающие, что причина бедности заключается в социальном неравенстве (размер эффекта 0,623 при стандартном отклонении 0,165), с большей вероятностью готовы помогать бедным. В свою очередь, респонденты, считающие, что причина бедности заключается в лени, отсутствии мотивации у самих бедных, с меньшей вероятностью готовы помогать бедным (размер эффекта -0,488 при стандартном отклонении 0,195). Для людей, которые считают, что причина бедности заключается в том, что большинство ресурсов принадлежит богатым, вероятность того, что они будут готовы помогать бедным, увеличивается на 65%. Для людей, которые считают, что причина бедности заключается в лени и отсутствии мотивации бедных, вероятность того, что они будут готовы помогать бедным, уменьшается на 38%.

Выводы

Бедность в общественном сознании жителей Санкт-Петербурга имеет статус социально-значимой проблемы России с «размытыми» масштабами. При этом актуализируется проблема бедности прежде всего среди тех, кто непосредственно находится в ситуации бедности, для богатых бедность не представляется столь значимой социальной проблемой – непризнание бедности как социальной проблемы среди тех, у кого есть ресурсы помогать бедным, возможно ограничивает возможности поддержки бедных, что приводит к еще большему социальному неравенству.

Стоит отметить, что заметно разделение бедных на заслуживающих и незаслуживающих помощи – прежде всего готовы помогать бедным пенсионерам, людям с инвалидностью, многодетным, то есть тем, чья бедность не обусловлена личной виной, предстает как незаслуженная. Обратная ситуация с людьми с зависимостями, хроническими бедными, безработными. Разделение бедных на тех, кто заслуживает и не заслуживает помощи, имеет негативные последствия для социальных программ по преодолению бедности – стигма «незаслуживающих» может повлиять на исключение из программ поддержки, например, вследствие отсутствия финансирования на их поддержку со стороны общества.

Из существующих данных можно сделать вывод о запросе на раздачу «удочек» – инструментов преодоления бедности (образование, социальный контракт, консультации, поддержка НКО, деятельность которых направлена на преодоление бедности), что косвенно свидетельствует о нежелании населения Санкт-Петербурга поощрять практики иждивенчества.

Что касается основного исследовательского вопроса о влиянии воспринимаемых причин бедности на готовность помогать, то здесь примечательно, что осознание социального неравенства ведет к более альтруистичному поведению населения – готовы помогать тем, кто считает, что бедность – это результат несправедливого распределения ресурсов (большинство ресурсов принадлежит богатым). Также можно предположить, что при определении готовности помогать влияют социальные ярлыки «незаслуживающих», которые связаны с интерпретацией бедности как результата лени, отсутствия личной мотивации, и «заслуживающих» – тех, кто не виноват в своей бедности, а являются жертвами структурных факторов, социального неравенства. Для достижения целей устойчивого развития необходимо включение проектов по дестигматизации бедности в государственные социальные программы, направленные на преодоление бедности, что позволило бы увеличить поддержку

данной целевой группы со стороны общества. Изучение механизмов стигматизации и дестигматизации бедности, последствий практик наклеивания «ярлыков» для социальной политики представляется перспективным направлением будущих исследований и может стать основой для социальных проектов.

Литература

- Варызгина, Кей 2014 – *Варызгина А.А., Кей Р.* Восприятие бедности в малом городе России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 555–568.
- Евдокимова 2016 – *Евдокимова Т.Г.* Трудовые установки и уровень жизни сельской молодежи // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 36–44.
- Горшков, Тихонова 2014 – *Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др.* Бедность и бедные в современной России. М.: Весь мир, 2014. 304 с.
- Емельянова, Дробышева 2015 – *Емельянова Т.П., Дробышева Т.В.* Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности) // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2015. Т. 8. № 39. С. 1.
- Леконцев 2016 – *Леконцев И.П.* Бедность в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 111–119.
- Мареева 2018 – *Мареева С.В.* Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. № 3. С. 101–120.
- Муздыбаев 2001 – *Муздыбаев К.* Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегия совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 5–32.
- Теодорович 2009 – *Теодорович М.Л.* Проблемы бедности в средствах массовой информации: современный аспект // Logos et Praxis. 2009. № 1. С. 131–138.
- Ярмиев 2008 – *Ярмиев М.З.* Репрезентация бедности как социальной проблемы в российских СМИ // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 67–72.
- Feather 1974 – *Feather N.T.* Explanations of poverty in Australian and American samples: The person, society, or fate? // Australian Journal of Psychology. 1974. Т. 26. № 3. P. 199–216.
- Niemelä 2008 – *Niemelä M.* Perceptions of the causes of poverty in Finland // Acta sociologica. 2008. Т. 51. № 1. P. 23–40.
- Van Oorschot, Halman Van 2000 – *Oorschot W., Halman L.* Blame or fate, individual or social? An international comparison of popular explanations of poverty // European societies. 2000. Т. 2. № 1. P. 1–28.

References

- Emel'yanova, T.P. and Drobysheva, T.V. (2015), "Constructing social issues in the media and in the perceptions of citizens (using the example of poverty)", *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological Studies. Electronic scientific journal], vol. 8, no. 39, pp. 1.
- Evdokimova, T.G. (2016), "Labor attitudes and living standards of rural youth", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2 (4), pp. 36–44.
- Feather, N.T. (1974) "Explanations of poverty in Australian and American samples: The person, society, or fate?", *Australian Journal of Psychology*, vol. 26, no. 3, pp. 199–216.
- Gorshkov, M.K. and Tikhonova, N.E. (2014), *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and the poor in modern Russia], Ves' Mir, Moscow, Russia.
- Lekontsev, I.P. (2016), "Poverty in Russia", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 2, pp. 111–119.
- Mareeva, S.V. (2018), "Social inequalities and the social structure of modern Russia in the perception of the population", *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 3, pp. 101–120.
- Muzdybaev, K. (2001), "Experiencing poverty as a social failure. Attribution of responsibility, strategy of mastering and indicators of deprivation", *Sociological Journal*, no. 1, pp. 5–32.
- Niemelä, M. (2008), "Perceptions of the causes of poverty in Finland", *Acta sociologica*, vol. 51, no. 1, pp. 23–40.
- Teodorovich, M.L. (2009), "Problems of poverty in the media. A modern aspect", *Logos et Praxis*, no. 1, pp. 131–138.
- Oorschot, W. and Halman, L. (2000), "Blame or fate, individual or social? An international comparison of popular explanations of poverty", *European societies*, vol. 2, no. 1, pp. 1–28.
- Varyzgina, A.A. and Kay, R. (2014), "Perceptions of poverty in a small town in Russia", *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 12, no. 4, pp. 555–568.
- Yarmiev, M.Z. (2008), "Representation of poverty as a social problem in Russian mass media", *Sociological Studies*, no. 4, pp. 67–72.

Информация об авторах

Анна П. Пунгина, магистр социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; anua-pungina@mail.ru

Яков Д. Санадзе, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; sanadzey@mail.ru

Майя М. Русакова, кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; rusakova.maia@yandex.ru

Information about the authors

Anna P. Pungina, master of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolnyi Street, Saint Petersburg, Russia, 191124; anya-pungina@mail.ru

Yakov D. Sanadze, 1st year postgraduate student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolnyi Street, Saint Petersburg, Russia, 191124; sanadzey@mail.ru

Maya M. Rusakova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolnyi Street, Saint Petersburg, Russia, 191124; rusakova.maia@yandex.ru

УДК 75.04(410)

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-115-127

К вопросу существования мастерской Ганса Гольбейна Младшего в периоды его работы в Англии

Софья М. Боровикова

независимый исследователь, Москва, Россия,

borsony559@gmail.com

Аннотация. Ганс Гольбейн Младший является ключевой фигурой в истории английской живописи. Но многие вопросы, связанные с его биографией, остаются открытыми. Один из них – были ли у художника ассистенты в работе над заказами на станковую живопись во время его пребывания в Англии. В последние годы проведено много исследований технологии живописи того периода в целом (и работ Гольбейна в частности), которые позволяют подойти к решению данной проблемы. В статье собраны и сопоставлены результаты наиболее значимых исследований, относящихся к данному вопросу. Их анализ показывает, что вероятность существования мастерской или ассистентов у Гольбейна в его английские периоды весьма высока. Это подтверждается целым рядом косвенных доказательств. Во-первых, метод работы мастера и специфика спроса на станковую живопись в Англии того периода делали выгодным наем ассистентов. Во-вторых, факты биографии Ганса Гольбейна Младшего указывают на то, что работа в мастерских, основанных на разделении труда или с группой художников, была для него естественной практикой. В-третьих, существует множество работ, созданных при жизни Гольбейна, по его рисункам, в его стиле, но не его рукой, что заставляет предположить возможность их написания под руководством Гольбейна его ассистентами или учениками. Окончательное решение вопроса о существовании мастерской Гольбейна необходимо для уточнения атрибуции его произведений и для понимания генезиса английской живописной традиции.

Ключевые слова: Гольбейн, мастерская Гольбейна, Англия, XVI в., портрет

Для цитирования: Боровикова С.М. К вопросу существования мастерской Ганса Гольбейна Младшего в периоды его работы в Англии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 115–127. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-115-127

© Боровикова С.М., 2021

Clarifying the existence of the workshop of Hans Holbein the Younger during his periods of work in England

Sof'ya M. Borovikova

*independent researcher, Moscow, Russia,
borsony559@gmail.com*

Abstract. Hans Holbein Jr was a key figure in the history of English painting. Many questions related to his biography and creative method still remain open. One of them is whether the artist had assistants in the work on orders for easel painting during his stay in England. In recent years, many studies of that period painting technology have been carried out in general and Holbein's works in particular, that allow to approach the issue solution. The article contains and compares the results of the most significant works related to that. Their analysis shows that the probability of the existence of a workshop or assistants for Holbein in his English periods is very high. That is supported by a number of circumstantial evidence. Firstly, the method of work of the master and the specifics of the demand for easel painting in England of that period made it profitable to hire assistants. Secondly, the facts of the biography of Hans Holbein the Younger indicate that working in workshops based on the division of labor or with a group of artists was a natural practice for him. Thirdly, there are many works created during Holbein's lifetime, from his drawings, in his style, but not by his hand, which suggests the possibility of their painting under the direction of Holbein by his assistants or students. The final solution of the question of the existence of Holbein's workshop is necessary to clarify the attribution of his works and to understand the genesis of the English painting tradition.

Keywords: Holbein, Holbein's workshop, England, 16th century, portrait

For citation: Borovikova, S.M. (2021), "Clarifying the existence of the workshop of Hans Holbein the Younger during his periods of work in England", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 115–127, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-115-127

Ганс Гольбейн Младший является ключевой фигурой в истории английской живописи. Художнику посвящено большое количество исследований, и есть мнение, что именно с него началась английская портретная школа. Тем не менее многие вопросы, касающиеся творчества художника, остаются открытыми. Один из основных – пользовался ли Ганс Гольбейн Младший в периоды работы в Англии услугами ассистентов для выполнения заказов на станковую живопись.

Такая неопределенность обусловлена, во-первых, ничтожным количеством письменных источников, связанных с именем художника. Д. Пайпер объясняет это тем, что для современников Гольбейн был просто ремесленником, и они не видели смысла в сохранении его архива и не оставили воспоминаний о нем [Piper 1963]. Но нужно отметить, что мнение Пайпера спорное. Достаточно вспомнить, что в кругах гуманистов художника называли северным Апеллесом [Wilson 2006].

Во-вторых, европейские художники в XVI в. пользовались одними и теми же материалами с небольшими локальными вариациями, и технология живописи у всех мастеров была схожа¹. Как следствие, мы имеем мало объективных критериев, по которым можно определить, кто автор произведения: Гольбейн или его ассистенты, или художники другой мастерской, работавшие по его образцам. Приходится опираться на стилистический анализ, то есть субъективное, неverified суждение, не дающее оснований для окончательного решения.

Но пока вопрос существования мастерской не решен, мы не можем реконструировать механизмы формирования английской живописной традиции, потому что неясно, кто и каким образом заимствовал и вводил в оборот стиль и технические приемы Ганса Гольбейна Младшего. Кроме того, решение вопроса позволило бы пересмотреть атрибуцию многих работ мастера. Так, ряд произведений (например, «Портрет молодого человека с красным беретом» из Национальной галереи искусства в Вашингтоне) приписывается Гольбейну лишь на том основании, что нет сведений о существовании у него в этот период ассистентов. А датировка некоторых работ осуществляется в соответствии с качеством исполнения, характерный пример: датировка «Венеры с Купидоном» и «Лаис Коринфской» [Sander 2005].

Есть много косвенных фактов, указывающих на существование мастерской, но при их оценке необходимо помнить, что Гольбейн, не имея английского подданства, не мог легально нанимать помощников до 1541 г., хотя его положение при дворе могло дать ему протекцию, позволяющую делать это неофициально².

¹ Cooper T. The Faces of a King: New research on portraits of Henry VIII (Транскрипт лекции). 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gresham.ac.uk/lectures-and-events/the-faces-of-a-king-new-research-on-portraits-of-henry-viii> (дата обращения 6 ноября 2021).

² Foister S. Hans Holbein the Younger: 'A man very excellent in taking of physionamies' (Транскрипт лекции). 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gresham.ac.uk/lectures-and-events/hans-holbein-the-younger>

Задачами настоящей статьи являются сбор и анализ имеющихся сведений об организации работы Гольбейна и вероятности найма им ассистентов.

Последние исследования предоставили в наше распоряжение ряд убедительных косвенных доказательств. Большая работа была проделана в Национальной портретной галерее в рамках проекта “Making art in Tudor Britain”³. В 2007 г. с применением новейших технологий было детально изучено более 80 произведений из коллекции галереи, созданных в 1500–1620 гг. Результатом стало описание технологии живописи, ее местных особенностей и социально-экономических аспектов производства и продажи портретов в период правления династии Тюдоров. Особенно следует отметить работу С. Фоистер “Holbein in England” [Foister 2004], где целая глава посвящена вопросу существования мастерской Ганса Гольбейна. Отдельного упоминания заслуживает замечательная монография Й. Сандера [Sander 2005], в которой автор убедительно доказывает, что в период работы Гольбейна в Базеле у него был по крайней мере один помощник.

В отечественном искусствоведении, к сожалению, вопрос практически не поднимался, хотя в ряде работ рассматривается деятельность Гольбейна в Англии [Голомшток 2008; Пахомова 1989; Окрошидзе 2017].

Рассмотрим доказательства существования мастерской.

При изучении искусства первой половины XVI в. нельзя недооценивать экономический аспект. Анализируя этот период, мы говорим скорее не об искусстве, а о вещах, которыми окружали себя состоятельные люди. Картина была предметом роскоши, причем не самым статусным: это очевидно, если сравнить цены на станковую живопись и, например, гобелены. Если мы посмотрим на «Групповой портрет Моров» (1527 г., Базельский художественный музей), то обнаружим на нем множество вещей, подчеркивающих высокий статус заказчиков, но на нем нет ни одной картины. Имя мастера или факт того, что работа выполнена им собственноручно, существенно не влияло на цену. Англичане в то время не коллекционировали живопись, тем более живопись конкретного мастера.

Одним из ремесел живопись считали не только заказчики, но и сами художники в Англии того периода. Как и все ремесленники,

a-man-very-excellent-in-making-of-physionamies (дата обращения 6 ноября 2021).

³ Making art in Tudor Britain (Описание проекта) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npg.org.uk/research/programmes/making-art-in-tudor-britain/> (дата обращения 6 ноября 2021).

при выборе метода работы и решении о найме ассистентов, художник тогда руководствовался собственной выгодой и эффективностью процесса производства.

Живописцу выгодно нанимать помощников для выполнения задач, не требующих творческого подхода или исключительного мастерства. Для станковой живописи основной объем таких работ зачастую составляют копии и повторы произведений.

Проанализируем спрос на копии портретов в Англии того периода.

Можно выделить следующие источники заказов: во-первых, сами заказчики нередко просили мастера создать копию работы. Свои портреты было принято дарить в знак уважения и дружбы, и часто требовался не один экземпляр. Например, в 1524 г. Эразм Роттердамский посылает в Англию две версии своего портрета работы Гольбейна, одна из которых, вероятно, предназначалась его другу и покровителю Уильяму Уорхэму [Foister 2004].

Во-вторых, повторы и вариации портретов известных людей заказывали члены их семей, чтобы подчеркнуть свое родство. Так, в 1542 г. брат Джейн Сеймур, Эдвард, заказал ее портрет, вероятнее всего, Гансу Гольбейну [Foister 2004].

Однако следует учитывать, что в елизаветинскую эпоху была мода на портреты своих предков, и сложно определить, сделаны ли копии под руководством Гольбейна, при его жизни, или позже. Например, наследники Томаса Мора заказали несколько портретов Мора и его семьи художнику елизаветинского периода Роулэнду Локи (Rowland Lockey). На этих картинах фигуры с портрета Гольбейна соседствуют с портретами членов семьи елизаветинского периода.

В-третьих, среди английской знати XVI в. была мода на коллекционирование изображений известных людей. В частности, ко времени второго приезда Гольбейна в Лондон портреты Эразма Роттердамского пользовались большим спросом. Например, доподлинно известно, что в 1531 г. гуманисты Конрад Гоклеиус (Conrad Goclenius) и Францискус Дантискус (Franciscus Dantiscus) заказали копию портрета Эразма работы Гольбейна [Foister 2004].

И наконец, важно учитывать, что во время правления Генриха VIII появился спрос на портреты монарха. Их дошло до нас достаточно много, несмотря на то что степень сохранности масляной живописи на деревянной панели очень низкая – предположительно, 60% работ было утрачено⁴.

⁴ Cooper T. Op. cit.

Портреты использовались как самим королем в качестве средства визуальной пропаганды и дипломатических подарков: «Портрет Генриха VIII» из музея Тиссена-Борнемисы, вероятно всего, предназначался в дар королю Франции⁵. Так и его подданными – в качестве доказательства лояльности правящей династии, что было особенно актуально, учитывая политическую и религиозную нестабильность, которыми сопровождался практически весь период царствования Генриха VIII. Причем портреты короля были востребованы не только среди элиты. Достоверно известны их владельцы, не принадлежащие к числу знати⁶. О широком рынке сбыта свидетельствует и способ производства большинства портретов монарха. Они изготавливались крупными английскими мастерскими, работавшими поточным методом с разделением труда. Примерами служат следующие три картины, датируемые 1520–1540 гг.: «Портрет Генриха VIII», неизвестный художник, 1520 г., Национальная портретная галерея, Лондон; «Портрет Генриха VIII», неизвестный художник, 1535–1540 гг., Национальная портретная галерея, Лондон; «Портрет Генриха VIII», неизвестный художник, английская школа 1515–1520 гг. коллекции Национального фонда, Лондон.

Подобные изображения короля можно было заказать или выбрать из готовых. Так, упомянутый выше «Портрет Генриха VIII» 1515–1520 гг. из коллекции Национального фонда был начат с одного образца, потом переделан под другой, более актуальный. Подобная последовательность действий может быть определена по характеру записей и исправлений. Вероятнее всего, эта работа была создана не для конкретного заказчика, и так как на нее не нашлось покупателя, а образец, с которого ее делали, вышел из моды, портрет переделали по более актуальному образцу и снова выставили на продажу⁷.

Таким образом, спрос на копии портретов был.

Более того, у Ганса Гольбейна было конкурентное преимущество. Хотя изображение монарха в Англии начала XVI в. воспринималось, скорее, как вещь-символ, портретное сходство все-таки было необходимо, в определенной степени это относилось и к портретам известных людей. Однако король и представители элиты позировали далеко не всем живописцам, и многие мастерские были вынуждены работать по чужим образцам. Судя по сохранившимся произведениям, большинство этих образцов были скопированы с работ Гольбейна, который один из немногих рисовал с натуры многих членов высшего общества.

⁵ Foister S. Op. cit.

⁶ Cooper T. Op. cit.

⁷ Ibid.

И у нас есть все основания полагать, что мастер воспользовался этим преимуществом, наняв ассистентов для производства копий. Подтверждением являются повторы работ художника, выполненные при его жизни и, возможно, под его руководством.

В качестве примера копий королевских портретов можно назвать «Портрет Генриха VIII» (1540 г., Национальная галерея в Риме). По пропорциям и масштабу он близок к фреске Уайтхолла, но по качеству живописи далек от работ мастера: детали костюма проработаны хуже и не так точно следуют изгибам формы, как на другом портрете Генриха из музея Тиссена-Борнемисы [Foister 2004].

Примером произведений, не связанных с изображением монарха, может служить «Портрет сэра Николаса Кэрю» (1532–1533 гг., коллекция замка Драмланриг), созданный при жизни Гольбейна и по его рисунку, но не его рукой. Как пишет С. Фоистер, несмотря на то что качество живописи высокое, горизонтально ориентированная композиция нехарактерна для Гольбейна, также нехарактерно размещение, масштаб фигуры и широкая манера письма [Foister 2004].

Помимо работы над копиями, сама технология живописи XVI в. была рассчитана на работу в мастерских. Процесс создания любого живописного произведения включал в себя множество трудоемких задач, не требующих высокой квалификации: подготовка красок и основы для живописи; перенос рисунка с образца. Художники тогда редко работали в одиночку. Нормой были большие мастерские.

Примечательно, что техника живописи и организация творческого процесса Ганса Гольбейна младшего были адаптированы под работу с привлечением ассистентов лучше, чем у многих его современников.

Во-первых, художник, как правило, выполнял тщательно проработанные подготовительные рисунки к портретам в размер финальной работы. Есть основания предполагать, что с рисунков для портретов, на которые был постоянный спрос, делались копии-образцы. Это позволяло, с одной стороны, не испортить первоначальный рисунок при многократном использовании, с другой – работать над несколькими копиями сразу. Примером может служить копия графического портрета епископа Фишера (Национальная портретная галерея), очевидно, сделанного с рисунка Гольбейна (королевская коллекция Виндзора). Если рисунки наложить друг на друга, их контуры совпадут. К тому же, очертания портрета – результат переноса изображения с помощью проколов [Foister 2004].

Во-вторых, подготовительные рисунки к портретам у Гольбейна отличаются акцентированным четким контуром, на некоторых работах второго английского периода (1532–1540 гг.) даже идущим

в ущерб выразительности и иллюзии объема. Этому может быть два объяснения: либо рисунки делались для использования помощниками в качестве образцов, и контур обозначен, чтобы даже неопытный человек не допустил ошибки, переводя его на доску, либо контуры нанесены не рукой Гольбейна, а в процессе перевода рисунка.

В-третьих, руки на портретах Гольбейна, возможно, изображались не с натуры, а со стандартного набора образцов. Если сравнить изображения рук на картинах «Леди с белкой и жаворонком» (1526–1528 гг., Лондонская национальная галерея) и «Портрет Рескимера» (1530 г., королевская коллекция Виндзора), мы увидим, что неправдоподобно сложенная правая рука последнего может быть повернута и служить образцом для левой руки модели на картине «Леди с белкой и жаворонком» [Foister, Wyld, Roy 1994].

И, наконец, сам стиль живописи Ганса Гольбейна. В основе изображения лежит точный линейный рисунок, выполняемый с образца. Светотеневая моделировка, как правило, минимальная. Все детали, кроме лица, трактуются декоративно, большими пятнами локальных цветов с огромным количеством мелких паттернов. То есть производство копии при наличии образца требует, скорее, времени и аккуратности, чем высокой квалификации.

Обращаясь к фактам биографии Гольбейна, мы увидим, что в течение жизни он много работал в коллаборации с другими художниками. Он получил первоначальную подготовку в мастерской своего отца, трудясь над произведениями большого размера, выполняемыми несколькими художниками, у каждого из которых была своя специализация [Roy, Wyld 2001].

Когда Ганс Гольбейн Младший перебрался в Англию, на монументальных работах у него были помощники. Роспись потолка в Гринвиче он делал с группой из 19 человек. Неизвестно, какие именно работы выполнял сам Гольбейн, но разумно предположить, что он писал фигуры и руководил исполнением всего заказа, а английские художники занимались декоративными работами, потому что ему ежедневно платили четыре шиллинга, в то время как наиболее высокооплачиваемый работник – англичанин (Robert Writhoke) получал только один шиллинг. Также в счетах упоминается, что были наняты работники для растирания красок [Foister 2004].

В 1528 г. Гольбейн возвращается в Базель, где получает лицензию на продажу картин за границей, что свидетельствует о сравнительно больших объемах производства⁸. Есть и другие аргу-

⁸ Foister S. Holbein – Technique and Imitation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npg.org.uk/research/programmes/making-art-in-tudor-britain/workshops/workshop-3-abstract-4> (дата обращения 6 ноября 2021).

менты в пользу существования мастерской Гольбейна в Базеле. Их подробно рассматривает в своей работе Й. Сандер [Sander 2005]. Он утверждает, что если посмотреть на количество работ, выполненных Гольбейном в Базеле, становится очевидным, что это было бы невозможно без хорошо организованной мастерской. Также в книге убедительно доказывается существование по крайней мере одного помощника Гольбейна, работавшего над станковую живопись, на основании сравнительного анализа двух произведений Базельского периода – «Лаис Коринфская» и «Венера с Купидоном».

На протяжении всей карьеры Гольбейн много работает с ремесленниками, выполняя эскизы для разного рода декоративных работ. Обычно к таким заказам художники привлекают учеников. Поскольку мы знаем целый ряд эскизов, выполненных в стиле Гольбейна, но на более низком техническом уровне, можно предположить, что художник пользовался подобными методами работы. Так, эскиз для церемониального кинжала (Британский музей, Лондон), скорее всего, был сделан помощниками Гольбейна. Если сравнить рисунок с эскизами рукояти меча и кинжала (Базель), сделанными в рамках того же заказа, видно, что манера исполнения рисунка из Британского музея менее виртуозна. Скорее всего, это копия, сделанная ассистентами для того, чтобы сохранить образец дизайна в мастерской. Такие копии с рабочих рисунков были обычной практикой⁹.

Отдельного рассмотрения заслуживает история группового портрета гильдии Цирюльников-Хирургов. В русскоязычных источниках он фигурирует как работа Гольбейна [Окрошидзе 2018; Сидоров 1933], хотя доказано¹⁰, что портрет сделан по рисункам Гольбейна, но не им. Картина была заказана в 1541 г., за два года до смерти мастера. Поврежденный и записанный поверх оригинал является собственностью Компании цирюльников, а полностью записанный картон сохранился в Королевской коллегии хирургов.

Тот факт, что портрет выполнен по рисункам Гольбейна, не подлежит сомнению. Рисунок лиц, по крайней мере троих изображенных на портрете, в точности совпадает с известными нам рисунками Гольбейна к их индивидуальным портретам: сэра Уильяма Бутса, доктора Чэмберса и самого Генриха VIII.

⁹ Электронный каталог. Сайт Британского музея. [Электронный ресурс]. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1874-0808-33 (дата обращения 6 ноября 2021).

¹⁰ *Robinson J.C.* The Barber-Surgeons' Holbein // *The British Medical Journal*. 1895. № 1813. P. 802.

Весьма вероятно, что работа выполнялась в мастерской Гольбейна, так как ряд особенностей технологии совпадает с обычным методом работы мастера. Например, для переноса композиции на доску был использован картон, что подтверждают оставшиеся от проколов точки по контурам рисунка. Техника живописи многих деталей – турецкого ковра, одежды Генриха – похожа на технику, в которой работал Гольбейн, например, над картиной «Послы» (1533 г., Лондонская национальная галерея).

Но даже если принять во внимание сохранность, качество исполнения недостаточно высоко, чтобы приписать работу Гольбейну, и представляется маловероятным, что работа такого уровня была сделана под его руководством. Наиболее правдоподобно выглядит версия С. Фоистер, которая предполагает, что к моменту смерти Гольбейна работа над заказом была только начата и портрет пришлось собирать из уже существующих подготовительных рисунков мастера к индивидуальным портретам [Foister 2004].

Что касается конкретных имен сотрудников мастерской Ганса Гольбейна Младшего, в искусствоведении сложилась достаточно странная ситуация: с одной стороны, мы имеем большое количество произведений, созданных при жизни и вскоре после смерти художника, которые атрибутируются как работы его мастерской, причем особенности стиля и техники исполнения этих работ указывают на то, что выполнены они разными людьми. А с другой стороны, общим местом стало утверждение, что Гольбейн школы не основал [Roy 1969].

Единственный художник, которого рассматривают как возможного ученика Гольбейна на основании стилистического анализа и сходства технических приемов, – Джон Бэтс Старший (John Bettes the Elder) [Roy 1969]. Нужно отметить, что Бэтс был основателем династии художников, входил в Ливрейную компанию Художников-маляров, а значит, имел мастерскую и учеников. Также некоторые исследователи называют его среди возможных учителей Николаса Хиллиарда [Town 2020], оказавшего большое влияние на развитие английского искусства. То есть он мог быть именно тем человеком, который ввел в оборот технические приемы Гольбейна. К тому же единственная подписанная работа Бэтса происходит из коллекции Вильяма Бутса¹¹, изображенного на групповом портрете гильдии Цирюльников-хирургов, что указывает на возможную причастность Бэтса к работе над портретом.

¹¹ Электронный каталог. Сайт галереи Тейт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tate.org.uk/art/artworks/bettes-a-man-in-a-black-cap-n01496> (дата обращения 6 ноября 2021).

Но то, что мы не можем назвать имен предполагаемых ассистентов Гольбейна, не означает, что их не было. Картины не было принято подписывать, произведений английской школы того периода, связанных с именем конкретного художника, крайне мало. Не следует забывать и того, что живописных произведений того времени сохранилось менее 50%¹².

Подведем итоги.

Мы имеем большое количество косвенных доказательств существования мастерской Ганса Гольбейна Младшего в периоды его работы в Англии. Во-первых, Гольбейну было выгодно иметь мастерскую. Во-вторых, его технология живописи была адаптирована под работу с помощниками. В-третьих, у него был опыт руководства группой художников и коллабораций.

Более того, нам известен ряд живописных работ, с высокой вероятностью выполненных с участием ассистентов.

Для окончательного решения вопроса не хватает прямых доказательств, например, договора на выполнение работ или упоминания в переписке.

Благодарности

Автор выражает особую благодарность искусствоведу Лие Гурамиевне Окрошидзе за консультации и содействие в написании статьи.

Acknowledgements

The author would like to express special gratitude to art historian Liea Guramievna Okroshidze for advice and assistance in writing this article.

Литература

- Голомшток 2008 – *Голомшток И.Н.* Английское искусство от Ганса Гольбейна до Дэмиена Херста. М.: Три квадрата, 2008. 252 с.
- Окрошидзе 2017 – *Окрошидзе Л.Г.* Ганс Гольбейн Младший и Англия // Ломоносов–2017: Материалы Междунар. молодежного науч. форума / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС

¹² *Cooper T.* Op. cit.

- Пресс, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10891/uid67991_report.pdf (дата обращения 6 ноября 2021).
- Окрошидзе 2018 – *Окрошидзе Л.Г.* Европейские мастера портрета как феномен английского искусства первой половины XVI в. // Этюды культуры. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2018. С. 367–378.
- Пахомова 1989 – *Пахомова В.А.* Графика Ганса Гольбейна Младшего. Л.: Искусство, 1989. 232 с.
- Сидоров 1933 – *Сидоров А.А.* Ганс Гольбейн младший. М.: ОГИЗ, 1933. 65 с.
- Foister 2004 – *Foister S.* Holbein and England. New Haven; London: Yale Univ. Press, 2004. 308 p.
- Foister, Wyld, Roy 1994 – *Foister S., Wyld M., Roy A.* Hans Holbein's "A Lady with a Squirrel and a Starling" // National Gallery technical bulletin. 1994. № 15. P. 6–19.
- Piper 1963 – *Piper D.* Holbein The Younger in England // Journal of the Royal Society of Arts. 1963. Vol. 111, no. 5085. P. 736–755.
- Roy, Wyld 2001 – *Roy A., Wyld M.* The Ambassadors and Holbein's Techniques for Painting on Panel // Studies in the History of Art. Vol. 60. National Gallery of Art, 2001. P. 96–107.
- Sander 2005 – *Sander J.* Hans Holbein d. J.: Tafelmaler in Basel; 1515–1532. München: Hirmer, 2005. 504 p.
- Strong 1969 – *Strong R.* The English Icon: Elizabethan & Jacobean Portraiture. London: Paul Mellon Foundation, 1969. 388 p.
- Town 2020 – *Town E.* A Portrait of the Miniaturist as a Young Man: Nicholas Hilliard and the Painters of 1560s London // British Art Studies. 2020. Issue 17 [Электронный ресурс]. URL: <http://britishartstudies.ac.uk/issues/issue-index/issue-17/hilliard-and-the-painters-of-1560s-london> (дата обращения 6 ноября 2021).
- Wilson 2006 – *Wilson D.* Hans Holbein: Portrait of an Unknown Man. London: Pimlico, Revised Edition, 2006. 320 p.

References

- Foister, S. (2004), *Holbein and England*, New Haven, Yale University Press, London, UK.
- Foister, S., Wyld, M. and Roy, A. (1994), Hans Holbein's A Lady with a Squirrel and a Starling, *National Gallery technical bulletin*, no. 15, pp. 6–19.
- Golomshtok, I.N. (2008), *Англиское искусство от Ганса Гольбейна до Дамиана Херста* [English art from Hans Holbein to Damien Hirst], *Три квадрата, Москва, Россия*.
- Okroshidze, L.G. (2017), "Hans Holbein the Younger and England", *Lomonosov – 2017* [Proceedings of the International scientific conference of students, postgraduates and young scientists], I.A. Aleshkovsky, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov (ed.) Moscow, Russia, available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10891/uid67991_report.pdf (Accessed 6 November 2021).

- Okroshidze, L.G. (2018), "European portrait masters as a phenomenon of English art in the first half of the 16th century", *Etudy kultury* [Studies of culture], *Proc. of the International scientific conference of students, postgraduates and young scientists*, University of Tomsk, Tomsk, Russia, pp. 367–378.
- Pakhomova, V.A. (1989), *Grafica Gansa Golbeina mladshego* [Graphics by Hans Holbein the Younger], Iskusstvo, Leningrad, USSR.
- Piper, D. (1963), Holbein The Younger in England, *Journal of the Royal Society of Arts*, vol. 111, no. 5085, pp. 736–755.
- Roy, A. and Wyld, M. (2001), "The Ambassadors and Holbein's Techniques for Painting on Panel", M. Roskill and J.O. Hand (eds), *Hans Holbein: Paintings, Prints and Reception. Studies in the History of Art*, vol. 60, National Gallery of Art, Washington, New Haven and London, 2001, pp. 97–107.
- Sander, J. (2005), *Hans Holbein d.J.: Tafelmaler in Basel; 1515–1532*, Hirmer, München, Germany.
- Sidorov, A.A. (1933), *Gans Golbein mladshii* [Hans Holbein the Younger], OGIZ, Moscow, USSR.
- Strong, R. (1969), *The English Icon: Elizabethan & Jacobean Portraiture*, Paul Mellon Foundation, London, UK.
- Town, E. (2020), "A Portrait of the Miniaturist as a Young Man: Nicholas Hilliard and the Painters of 1560s", *British Art Studies*, iss. 17, available at: <http://britishartstudies.ac.uk/issues/issue-index/issue-17/hilliard-and-the-painters-of-1560s-london> (Accessed 6 November 2021).
- Wilson, D. (2006), *Hans Holbein: Portrait of an Unknown Man*, Pimlico, Revised Edition, London, UK.

Информация об авторе

Софья М. Боровикова, независимый исследователь, Москва, Россия;
borsony559@gmail.com

Information about the author

Sof'ya M. Borovikova, independent researcher, Moscow, Russia;
borsony559@gmail.com

УДК 72.034

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-128-141

Социальное положение
архитектора Аристотеля Фиораванти
в домосковский период

Артемий В. Забелин

*Новосибирский государственный
архитектурно-строительный университет (Сибстрин),
Новосибирск, Россия, zabelin90artyom@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается изменение общественного положения архитектора Аристотеля Фиораванти в период с 1437 по 1473 г. Одной из главных особенностей домосковского периода его деятельности является трансформация старого типа профессионализма. Автор статьи исследует контекст гуманизма XV в., в атмосфере которого происходили контакты покровителей и архитекторов с Фиораванти. Отдельное внимание уделяется выявлению карьерных линий архитектора. Выдвинута гипотеза относительно его планов по завершению карьеры. Автор выяснил, что в Болонье Фиораванти состоялся как цеховой мастер, в Риме определилась его специализация по подъему сверхтяжелых деталей, в Италии он обрел славу «человека, который двигает башни». Но в масштабе Европы ему не удалось достичь наименования ученого архитектора.

Ключевые слова: Ренессанс, Фиораванти, архитектурная практика, профессия, новый профессионализм, ренессансный гуманизм, ренессансный индивидуализм, ренессансный патронаж

Для цитирования: Забелин А.В. Социальное положение архитектора Аристотеля Фиораванти в домосковский период // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 128–141. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-128-141

The social position of the architect Aristotele Fioravanti
in his Pre-Moscow period

Artemii V. Zabelin

*Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering,
Novosibirsk, Russia, zabelin90artyom@gmail.com*

Abstract. The article considers the change in the social status of the architect Aristotele Fioravanti in the period from 1437 to 1473. One of the main

© Забелин А.В., 2021

features of the pre-Moscow period in his activities was the transformation of the old type professionalism.

The author of the article studies the context of humanism in the 15th century, in the atmosphere of which the contacts of Fioravanti with his patrons and architects took place.

Special attention is paid to the showing up of Fioravanti's career lines, and the hypothesis regarding his plans to end the career. The author found out that in Bologna Fioravanti took place as a guild master, in Rome the lifting superheavy parts was defined as his specialization, in Italy he gained fame as "the man who moves towers", but he could not achieve the title of a learned architect.

Keywords. Renaissance, Fioravanti, architectural practice, profession, new professionalism, Renaissance humanism, Renaissance individualism, Renaissance patronage

For citation: Zabelin, A.V. (2021), "The social position of the architect Aristotele Fioravanti in his Pre-Moscow period", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 128–141, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-128-141

Наименование «ученый» сравнительно редко встречается в числе архитекторов Ренессанса – оно было в основном применимо к выдающимся личностям архитектурной практики. Первым использовал это наименование Джорджо Вазари (1511–1574):

...советы и писания ученых художников (итал. *de' dotti artefici*; англ. *learned craftsmen*) сами по себе более действенны и пользуются большим доверием, чем слова и дела тех, кто не знает ничего другого, кроме голой практики, как бы хорошо или плохо они ею ни владели¹.

Кроме самого Вазари, среди ученых архитекторов XV–XVI вв. мы знаем Леона Баттиста Альберти (1404–1472), Филарете (1400–1469), Себастьяна Серлио (1475–1554), Лоренцо Гиберти (1378–1455), Фра Джованни Джокондо (1433–1515), Антонио ди Туччо Манетти (1423–1497) и Франческо ди Джорджо (1439–1502). Многие из них достигли наименования «ученый» и статуса придворных архитекторов тем, что посвятили свои сочинения об архитектуре какому-нибудь патрону [Anderson 2013, p. 60–62].

¹ *Вазари Д.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе / Пер. с итал. А.И. Венедиктова и А.Г. Габричевского. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2019. С. 313.

Рис. 1. Архитекторы Фра Джокондо и Себастьян Серлио держат книгу как атрибут ученого

В эпоху гуманизма слово «ученый» начинало звучать все более гордо, поскольку «к исходу Средневековья возрастало внимание к личности, индивидуальным качествам, заслугам и таланту архитекторов» [Зубов 2000, с. 199]. Внимание к архитекторам было двояким: положительно-заинтересованным у патронов и негативно-подозрительным у цеховых мастеров. Данная двойственность породила «проблему архитектурного профессионализма», которая рассмотрена в работах Глазычева² и Уилкинсон [Kostof 1977, p. 124–160], а также частично в книге Андерсон [Anderson 2013, p. 100–150]. Суть ее в том, что некоторые строители и инженеры XV–XVI вв. стали стремиться выйти на более высокую ступень социальной иерархии, так как «в общине появлялось все большее пространство для маневра» [Арьес, Дюби 2021, с. 9]. Поэтому изображение архитектора с книгой (рис. 1) нужно рассматривать и как образ человека привилегированного статуса, и как образ мастера, который поднялся на новый профессиональный уровень.

XV век – время зарождения нового профессионализма. Поэтому нам особенно интересен тип мастеров, который существовал между ремесленниками и гуманистами, т. е. между старым и новым

² *Земцов С.М., Глазычев В.Л.* Аристотель Фьораванти. М.: Стройиздат, 1985. С. 13–31.

типами профессионализма. К такому промежуточному типу можно отнести болонского мастера Аристотеля Фиораванти (1415–1486). В марте 1975 г. Иван III принял его для перестройки Успенского собора в Московском Кремле, организации производства артиллерии и планирования строительной программы. В свой домосковский период Фиораванти пользовался большим успехом и спросом на западе и юго-востоке Европы. Однако, несмотря на свою удачную профессиональную карьеру, он не назывался ученым.

Становление творчества Фиораванти происходило в эпоху Ренессанса. Гуманистические идеи, как я утверждаю, повлияли на его профессиональную деятельность. Его покровителями и заказчиками были гуманисты, которые распространяли идею Петрарки, что «нужно питать душу писательством» [Dotti 1968, p. 534]. Эта идея стала влиять на архитектора, постепенно приводя его к мысли именоваться «ученым». Тем самым он постепенно отделялся от ремесленного цеха. Как и когда происходил этот переход от старого к новому профессионализму? Для ответа мы рассмотрим результаты встреч Фиораванти со своими покровителями в период до отъезда в Москву. Также мы рассмотрим факты его знакомств с профессионалами нового типа, которые своим примером повлияли на его социальное положение.

К 1415–1436 гг. относится детство Фиораванти. Его обучали и наставляли успешные цеховые мастера Болоньи – его отец и дядя, поэтому «Аристотель был от рождения в привилегированной позиции» [Bortolan 1976, p. 229]³. В 1436 г. благодаря успешному выполнению заказа, Фиораванти был выведен из ряда обыкновенных цеховых мастеров своим первым патроном – мэром Болоньи Джованни II Бентивольо [Clarke 1999, p. 400]. Архитектор самостоятельно организовал подъем колокола на башню Арриго⁴.

Так была начата «болонская линия» карьерного продвижения Фиораванти (рис. 2). С 1438 по 1450 г. Джованни II повышал ответственность работ Фиораванти: архитектор стал отвечать за ремонт городского водопровода, а в 1447 г. ему доверили ювелирное дело⁵.

В период 1451–1452 гг. Фиораванти получает общественное признание в Риме благодаря рекомендации кардинала Виссариона Никейского. Весьма вероятно, что кардинал и архитектор познакомились годом раньше, в 1450 г., когда папа Николай V отправил Виссариона в Болонью в качестве своего *legato a latere* (ит. предста-

³ Земцов С.М., Глазычев В.Л. Указ. соч. С. 32.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ *Beltrami L. Aristotele da Bologna al servizio del duca di Milano (1458–1464)*. Milano, Italia. P. 19.

вителя) [Soldato 2018]. Вместе они изучали греческие трактаты по архитектуре⁶:

...чтобы все эти замечательные книги, продукт стольких трудов и изучения величайшими человеческими умами, те самые маяки земли, не были доведены до опасности и уничтожения в одно мгновение [Soldato 2018].

Поэтому мы полагаем, что среди всех покровителей Фиораванти Виссариона можно считать главным учителем. При этом не следует думать, что внимание кардинала к болонскому архитектору было исключительным случаем⁷. Известно, что кардинал стремился открыть богатство знаний из греческого культурного наследия для широкой публики [Soldato 2018]. В 1468 г. он завещал для общественного пользования свою великолепную коллекцию греческих и латинских манускриптов, названную впоследствии *Biblioteca Marciana* [Anderson 2013, p. 135]. Следствием и одновременно свидетельством изучения Фиораванти библиотеки Виссариона является «сенсация» 1455 г. – обновленное использование технических приемов старых мастеров для передвижения башни⁸. Более подробно об этой «сенсации» будет сказано ниже. Итак, благодаря Виссариону у Фиораванти началась «римская линия» карьеры (рис. 2).

В 1455 г. Фиораванти стал специалистом по перемещению массивных архитектурных элементов при дворе папы Николая V⁹. Архитектору заказали перевоз в Ватикан четырех колонн терм Агриппы, чтобы установить их в хоре новой базилики ап. Петра. Фиораванти должен был преодолеть расстояние более чем в два километра. Задача усложнялась тем, что колонны нужно было перевезти по мосту через Тибр. Фиораванти не только решил эту задачу, но и вступил в доверительное обсуждение с Николаем V градостроительного значения нового храма¹⁰. Это означает, что еще в Риме Фиораванти признали как мастера, способного перемещать

⁶ Земцов С.М., Глазых В.Л. Указ. соч. С. 173.

⁷ Проследить идейное влияние Виссариона на Фиораванти было бы интересной темой отдельного исследования, поскольку наиболее важные работы Виссариона как автора, так и переводчика сосредоточены на теме примирения греческой и западной традиций политики, богословия, а также истолкования философии Платона и Аристотеля [Soldato 2009].

⁸ Земцов С.М., Глазых В.Л. Указ. соч. С. 41.

⁹ Beltrami L. Op. cit. P. 21.

¹⁰ Земцов С.М., Глазых В.Л. Указ. соч. С. 50.

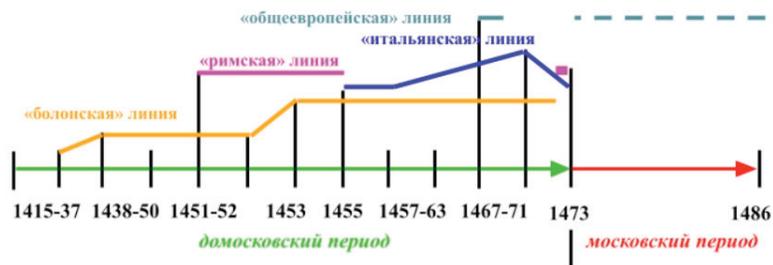

Рис. 2. Линии карьерного продвижения Фиораванти

сверхтяжелые архитектурные элементы. В дальнейшем именно благодаря этой общественной славе ему доверяют переместить целую башню.

Но падение Константинополя прерывает «римскую линию» его карьерного роста. «Болонская линия» продолжилась с 1453 г., когда Фиораванти был избран в *ingegnere comunale* (главные инженеры) Болоньи, а в 1456 г. в старшины каменщиков¹¹. «Итальянской линией» (которая представляет карьеру архитектора в Венецианской республике, Флоренции, Миланском герцогстве и Неаполитанском королевстве) можно назвать период после заказа Ахилла Мальвецци в конце 1455 г. (рис. 2). Теперь за ним и закрепляется специализация *l'uomo che muove le torri* (человека, который двигает башни) [Carpelli 2014, p. 99]. Однако громкая слава Фиораванти стала препятствовать профессиональной взаимопомощи. Далее мы рассмотрим случай, когда ему не хватило знаний для предотвращения инженерной ошибки на службе у Франческо Фоскари.

В 1455 г. Венеции Фиораванти поручили выпрямить колокольню церкви святого Михаила Архангела (*campanile di S. Angelo a Venezia*)¹². Болонскому архитектору должны были рассказать об особенностях грунтов их местности. Этого не произошло, хотя венецианские архитекторы должны были знать об очевидных опасностях, которые грозили их коллеге. Стоит приглядеться в суть их коварства: мягкая почва, солоноватая вода, нехватка места сформировали особую конструктивную механику венецианской архитектуры, которую не мог знать ни один иноземный архитектор. Причиной тому, что цех не захотел поделиться секретом устройства местных фундаментов, было их раздражение из-за общественной славы Фиораванти¹³.

¹¹ Beltrami L. Op. cit. P. 35.

¹² Ibid. P. 33.

¹³ Ibid. P. 34.

В дополнении к коварству цеха, карьерное продвижение Фиораванти по «итальянской линии» было приостановлено характером патрона, так как Фоскари был известен грубостью и жесткостью нрава [Romano 2007, p. 10]. В 1458 г. круг Козимо Медичи еще более отдалил Фиораванти от старого профессионализма¹⁴, так как окружение флорентийских гуманистов резко отличалось от групп ремесленников¹⁵. В 1457–1463 гг. у Фиораванти не было крупных заказов от Франческо Сфорца, зато он нашел при дворе герцога близкий себе круг общения – архитекторов-гуманистов, профессионалов нового типа. Там же он подружился с архитектором Филарете¹⁶.

Как явствует из *Trattato d'architettura*, Филарете стремился как можно ярче обозначить границу между новым и старым типами профессионализма. Например, когда описывал свои уединенные беседы и пари с покровителем, свой проектный подход, а также культурные предпочтения¹⁷. Все эти описания демонстрируют, как архитектор нового типа должен отличаться от рабочих и цеховых мастеров. В отличие от профессионалов старого типа, Фиораванти и Филарете выполняли репрезентативные задачи, т. е. они умели проектировать «пышную и представительную архитектуру» [Дмитриева 2015, с. 145]. Таким образом, другом Фиораванти был любитель греческих древностей и сторонник приравнивания ученого архитектора к статусу дворян, умеющий средствами архитектуры легитимировать власть ренессансных принцев. Он был образчиком моды гуманизма. На основании того, что Филарете принял болонца в свой круг общения, мы считаем, что Фиораванти разделял ценности своего друга и обладал теми же умениями, что и он.

Когда в 1459–1460 гг. Фиораванти выполнял заказ Лодовико Гонзага, он выступил в роли инженера, который умеет вести светскую переписку. Поэтому заказ коммуны Пармы, который Фиораванти выполнял в 1459 и 1463 гг., побудил архитектора играть роль архитектора-политика. Он помогал Сфорца усилить его власть и ослабить аристократию Пармы¹⁸.

14 декабря 1464 г. архитектор был в Болонье, где получил звание «архитектора, равного которому нет не только в Италии, но

¹⁴ *Beltrami L.* Op. cit. P. 40.

¹⁵ *Hollingsworth M.* Patronage in Renaissance Italy: From 1400 to the Early Sixteenth Century. Thistle Publishing? 2014. Ch. 4 “Cosimo de’ Medici”.

¹⁶ *Земцов С.М., Глазычев В.Л.* Указ. соч. С. 44; *Beltrami L.* Op. cit. P. 30.

¹⁷ *Филарете (Антонио Аверлино).* Трактат об архитектуре / Пер. прим. В.Л. Глазычев. М.: Русский университет, 1999. С. 78–79, 112–122.

¹⁸ *Земцов С.М., Глазычев В.Л.* Указ. соч. С. 49.

и во всем мире»¹⁹. Этим Джованни Бентивольо хотел «умаслить» Фиораванти и оставить его на «фатально рутинной работе»: отремонтировать дворцы и крепостные стены²⁰.

В 1467 г. Фиораванти сменил деятельность с проектно-организационной на организационно-преподавательскую (*“magister nell’architettura”* или *“architedits singularis”*)²¹. Он учил венгерских мастеров искусству флорентийской манеры, т. е. Возрождения (*arte del Rinascimento*) на службе у Маттиаса Корвина²². Таким образом, он обретает положение «общеевропейского архитектора». Он выполняет заказы в других странах по просьбе Виссариона. Фиораванти помогает венгерскому королю наладить фортификацию и артиллерию, а также возвести мосты для быстрой переброски войск. Когда Фиораванти прибыл, его должны были встретить не только итальянскими, но и венгерскими эпическими поэмами и лирическими песнями, которые часто пели при его дворе Маттиаса Корвина. Фиораванти увидел правителя в роли защитника римского католицизма от турок и еретиков-гуситов, и, вероятно, он был поражен, когда узнал, что король участвует в богословских дебатах о доктрине Непорочного зачатия. Мы знаем, что Фиораванти обучал венгерских мастеров, как правильно строить те мосты через Дунай, которые были нужны для наступательных кампаний против Османской империи. Сам он строить их не мог из-за ограничений зимнего времени года. Также для университета Буды он заказал десятки копий трактата Филарете. Маттиас I был так доволен помощью Фиораванти, что посвятил его в *cavaliere* (рыцари)²³.

Однако к 1471–1472 гг. наступает кризис в карьерном движении Фиораванти. Вначале ему не удалось выполнить заказ в Риме, а затем его обманул правитель Неаполитанского королевства Фердинанд I²⁴. «Римской линии» снова помогла протекция Виссариона Никейского. Приехав в Рим, Фиораванти встретился с Папой Павлом II и показал ему чертежи проекта по поднятию обелиска. Следующего шага он не сумел сделать, так как наутро Папа скончался, а его преемник не захотел профинансировать проект Фиораванти²⁵. В Неаполе архитектору показали место, где затонул

¹⁹ *Beltrami L.* Op. cit. P. 102.

²⁰ *Ibid.* P. 105; [Борисов 2018, с. 324].

²¹ *Balogh J.* Aristotele Fioravanti in Ungheria // *Arte Lombardia*, 1976. № 44/45. P. 225.

²² *Ibid.* P. 226.

²³ *Ibid.* P. 226.

²⁴ *Cappelli* 2014, p. 100.

²⁵ *Земцов С.М., Глазыхев В.Л.* Указ. соч. С. 54.

королевский сундук с драгоценностями. Фиораванти поручили поднять со дна этот груз с помощью тех же приспособлений, которые он проектировал для римского обелиска. Архитектор и патрон договорились, что в качестве вознаграждения Фиораванти получит процент от содержимого сундука. Позже Фиораванти понял, что для водной среды его проект не подходит. Попытки разработать аналогичный метод ни к чему не привели. Только после того, как Фиораванти показал Фердинанду I новые чертежи, он узнал правду: оказывается, поднимать нужно вовсе не сундук, а огромный волнозащитный каменный блок $40 \times 8 \times 5,5$ м, который был неправильно поставлен и завалился на бок. Став помехой, он царпал дно подплывающих к причалу судов. Фердинанд был наслышан о жадности Фиораванти, и это могло быть причиной обмана [Cappelli 2014, p. 100]. Тем не менее король оплатил безуспешные попытки поднять блок и с почестями отправил болонца обратно в родной город. Капелли замечает, что мастер по поднятию строительных тяжестей не смог повторить подвиги древних инженеров, которые славились умением поднять что угодно при условии нужной точки опоры [Cappelli 2014, p. 101]. К этому можно добавить, что к 1472 г. стремление Фиораванти сравняться с греческими архитекторами благодаря знанию их трактатов было поколеблено.

В 1473 г. благодаря Виссариону Фиораванти снова получил возможность получить папское покровительство. В то время Сикст IV осуществлял гуманистическую политику по восстановлению Ватиканской библиотеки и градостроительства Рима²⁶. Поэтому у Фиораванти был шанс написать сочинение об архитектуре и, посвятив его патрону, занять место придворного архитектора Леона Баттиста Альберти (ум. 1472). Другими словами, ситуация располагала к тому, чтобы он смог получить статус ученого архитектора. Однако его нахождение в Риме встретило сразу два препятствия: притязания коммуны Болоньи и клевету недоброжелателей в Риме.

Как можно обосновать наше предположение о задуманном карьерном продвижении? Во-первых, Фиораванти имел личное знакомство с Альберти и читал его трактат. Когда Фиораванти было 36 лет, он встречался с Альберти сначала в Болонье, а затем в Риме при понтификате Николая V²⁷. Если он проникся уважением к гениальности и масштабу влияния Альберти, то, следовательно, он хотел достичь того же профессионального положения.

²⁶ *Hollingsworth M.* Princes of the Renaissance. Head of Zeus, 2021. Ch. 3: "A Family Man".

²⁷ *Земцов С.М., Глазычев В.Л.* Указ. соч. С. 31.

Во-вторых, как мы писали выше, в Милане у Фиораванти была продолжительная дружба с Филарете²⁸. Мы знаем, что он познакомился с этим ученым архитектором во время защиты нового профессионализма, когда тот подвергся критике миланского цеха каменщиков²⁹. В *Trattato di Architettura* Филарете зашифровал имя друга анаграммой “*letistoria segnelobo*” – Aristotile Bolognese. Известно, что они были вместе, когда была найдена «Золотая книга» – древнегреческий трактат по градостроительству, источник одной из глав трактата Филарете на итальянском языке. Предположительно, Фиораванти не только видел, но он мог участвовать в работе над переводом вместе с филологом Франческо Фильельфо³⁰. Поэтому нет ничего невероятного в предположении, что болонский архитектор испытывал зависть к литературному успеху друга. В-третьих, мы уже упоминали, что Фиораванти заказывал учебники для венгерских мастеров, чтобы создать архитектурно-инженерную школу при дворе Маттиаса Корвина³¹. Болонский архитектор (как и все потомственные мастера) имел богатое собрание рисунков и чертежей, которое помогало ему во взаимодействии с заказчиком [Anderson 2013, p. 62]. Но так называемый портфолио и архитектурный трактат – не одно и то же. Было бы разумно предположить, что Фиораванти сожалел о невозможности оставить копии создаваемой *Bibliotheca Corviniana* (библиотеке венгерского короля), так как его рисунки и чертежи все еще не были изданы. В итоге, он не смог оставить венгерскому королю свой учебник для инженеров. В-четвертых, Фиораванти жил и трудился в Италии, которая в пору начинающейся эпохи книгопечатания уже была пропитана гуманистической атмосферой. В окружении Фиораванти происходил сдвиг – «распространялась грамотность и привычка к чтению» [Арьес, Дюби 2021, с. 11]. Многие патроны Фиораванти были покровителями типографий и приверженцами гуманизма, поэтому есть большая вероятность, что архитектор был намерен использовать книгопечатание для продвижения в профессии. В-пятых, как мы уже указывали, на Фиораванти оказывал влияние Виссарион Никейский, который был признан одним из самых крупных представителей ренессансного гуманизма. Его библиотека открыла для архитектора доступ к древним трактатам Витрувия и Герона Александрийского. Вряд ли сам Фиораванти мог читать по-гречески. Вероятнее,

²⁸ *Beltrami L.* Op. cit. P. 51.

²⁹ *Ibid.* P. 60.

³⁰ *Ibid.* P. 50.

³¹ *Balogh J.* Op. cit. P. 225.

что ему переводил на итальянский сам Виссарийон. Кроме того, мы знаем, что гуманизм XV в. породил «индивидуализм» как убеждение в идее власти книги, которая способна проходить сквозь столетия. Вне всякого сомнения, в XV в. идея печатной книги властвовала над всеми образованными людьми. Поэтому мы не сомневаемся, что Фиораванти был заинтересован созданием собственного архитектурного трактата. В-шестых, Фиораванти знал о намерении папы Сикста IV открыть Римскую академию и восстановить *Bibliotheca Apostolica Vaticana* (Ватиканскую апостольскую библиотеку). В планы этого папы входило создать публичное пространство для чтения произведений греческих и римских классиков³². Гуманистический проект Сикста IV не мог не оставить следа на жизненном плане болонского архитектора, поскольку Фиораванти был прагматичным человеком. Что же может быть более практичным, чем оставить свой опыт записанным в трактате, посвятить книгу Сиксту IV, дабы подобно римскому архитектору Витрувию, он, Фиораванти, мог обеспечить себе бессмертную славу и безбедную старость?

Когда на Фиораванти обрушилось обвинение в фальшивомонетничестве, исчезли и благоприятные условия для написания трактата. Его враги решили вытеснить соперника доносом, будто Фиораванти использовал в личных целях часть казенной бронзы для чеканки монет. Заговор подтверждается тем, что из Болоньи ему пришло письмо с уведомлением, что он может быть лишен должности *ingegnere comunale*, если не вернется на родину³³. Что оставалось делать Фиораванти, когда он остался без должности и средств, когда он был под угрозой суда? Он мог обратиться к патрону за защитой. Но у нас нет свидетельств, чтобы Сикст IV защитил своего подопечного. По-видимому, не оказал ему защиту и Виссарийон Никейский. Поэтому единственным выходом у Фиораванти оставалось возвратиться в Болонью и возобновить менее интересную службу в родном городе. Причин этому могло быть несколько: либо у Фиораванти были враги, которые оказывали более сильное влияние на общественное мнение, чем его патроны, либо он нарушил закон намного серьезней, чем было объявлено. Вероятнее первое, чем второе, так как в то время многих выдающихся людей могли обвинить в деле фальшивомонетчества. Например, в 1537 г. живописец Бенвенуто Челлини был арестован обвинению в подделке денег. Но часто дело заканчивалось плохо для подсудимого. Так, в 1431 г. суд обвинил в фальшивомонетчестве купца Клауса

³² Hollingsworth M. Princes of the Renaissance. Ch. 3: "A Family Man".

³³ Beltrami L. Op. cit. P. 40.

Эльмхорста и приговорил его к смерти в котле с кипящей водой, а в 1469 г. политика Николаса Муффеля через повешение. В то время было хорошо известно, что ответчику трудно оправдаться от данного обвинения [Арьес, Дюби 2021, с. 12]. Мэр Болоньи Джованни II мог догадываться, что Фиораванти намерен остаться в Риме. Возможно, он и использовал жестокий прием, чтобы вернуть ценного архитектора на родину.

Подведем итоги. Мы рассмотрели «болонскую», «итальянскую», «римскую» и «общеευропейскую» карьерные линии Фиораванти (рис. 2). С их помощью мы можем сделать общие выводы о положении архитектора на рубеже Средневековья и Ренессанса. Если архитектор был прославлен благодаря какому-то особому умению, то он мог быть успешным не только в местном, но и в европейском масштабе. Архитекторы пользовались гуманистическим направлением политики ренессансных принцев, чтобы называться «учеными» и восходить по социальной иерархии. Находясь под влиянием идей гуманизма и индивидуализма, появилось стремление стать придворным архитектором. Это породило особую обстановку в архитектурной профессии. Происходила вражда между старым и новым типом профессионализма, усилилась конкурентная борьба. Со стороны покровителей было недовольство той мобильностью, которую приобрели архитекторы нового типа. Однако, чтобы сохранить честь и должность, архитекторы подчинялись воле патрона. Падение социального положения могло побудить архитектора согласиться на службу далеко за пределами родины, строить при дворе неитальянского монарха. В конечном счете, взлеты и падения социального положения архитектора переходного типа находились в русле изменений Нового времени и «прежде всего, представлений человека о самом себе» [Арьес, Дюби 2021, с. 9].

Источники

Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих.

Полное издание в одном томе / Пер. с итал. А.И. Венедиктова и А.Г. Габричевского. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2019.

Земцов С.М., Глазьев В.Л. Аристотель Фьораванти. М.: Стройиздат, 1985. 183 с.

Balogh, J. (1976), "Aristotele Fioravanti in Ungheria", *Arte Lombardia*, no. 44/45, pp. 225–227.

Beltrami L. (1888) *Aristotele da Bologna al servizio del duca di Milano (1458–1464)*. Milano, Italia.

Beltrami L. (1912) *Vita di Aristotele da Bologna*. Bologna, Italia.

Литература

- Арьес, Дюби 2021 – *Арьес Ф., Дюби Ж.* (общ. ред.) История частной жизни: В 5 т. Т. 3: От Ренессанса до эпохи Просвещения / Пер. с фр. М. Неклюдовой. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 720 с.
- Борисов 2018 – *Борисов Н.С.* Иван III. Отец русского самодержавия. 3-е изд. М.: Академический проект, 2018. 639 с.
- Дмитриева 2015 – *Дмитриева М.Э.* Италия в Сарматии. Пути Ренессанса в Восточной Европе. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 420 с.
- Зубов 2000 – *Зубов В.П.* Труды по истории и теории архитектуры / Сост. М.В. Зубова. М.: Искусствознание, 2000. 528 с. (Библиотека журнала «Искусствознание»)
- Anderson 2013 – *Anderson C.* Renaissance architecture. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Cappelli 2014 – *Cappelli F.* Aristotele Fioravanti l'uomo che muove le torri // *Medioevo*. 2014. № 2 (205). P. 92–101.
- Clarke 1999 – *Clarke G.* Magnificence and the City: Giovanni II Bentivoglio and Architecture in Fifteenth-Century Bologna // *Renaissance Studies*. 1999. Vol. 13. № 4. P. 397–411.
- Romano 2007 – *Romano D.* The Likeness of Venice: A Life of Doge Francesco Foscari: 1373–1457. London: Yale univ. press, 2007.
- Soldato 2009 – *Del Soldato E.* Platone, Aristotele e il cardinale: il De natura et arte di Bessarione // *Rinascimento (Series 2)*. 2009. № 48. P. 61–79.
- Soldato 2018 – *Del Soldato E.* Basil [Cardinal] Bessarion // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Mon Aug 27, 2018)* / Ed. by E.N. Zalta [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/bessarion/> (дата обращения 15 ноября 2021).
- Ugo 1968 – *Ugo D.* La formazione dell'umanesimo nel Petrarca (le “Epistole Metriche”) // *Belfagor*. 1968. № 23. P. 532–563.
- Wilkinson 1977 – *Wilkinson C.* The New Professionalism in the Renaissance // *The Architect: Chapters in the History of the Profession* / Ed. by S. Kostof. New York, 1977. P. 124–60.

References

- Ariès, Ph. and Duby, G. (eds.) (2021), *Istoriya chastnoi zhizni* [History of private life], in 5 vols., vol. 3, *Ot Renessansa do epohi Prosveshcheniya* [From the Renaissance to the Age of Enlightenment], Neklyudova, M. (tr. from French), *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Borisov, N.S. (2018), *Ivan III. Otets russkogo samoderzhaviya* [Ivan III. Father of Russian autocracy], *Akademicheskii proekt*, Moscow, Russia.

- Dmitrieva, M.E. (2015), *Italia v Sarmatii. Puti Renessansa v Vostochnoi Evrope* [Italy in Sarmatia. Renaissance in Eastern Europe], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Zubov, V.P. (2000), *Trudy po istorii i teorii arhitektury* [Works on the history and theory of architecture], Zubova, M.V. (comp.), *Iskusstvoznanie*, Moscow, Russia.
- Anderson, C. (2013), *Renaissance architecture*, Oxford University Press, Oxford.
- Cappelli, F. (2014), “Aristotele Fioravanti l’uomo che muove le torri”, *Medioevo*, no. 2 (205), pp. 92–101.
- Clarke, G. (1999), “Magnificence and the City: Giovanni II Bentivoglio and Architecture in Fifteenth-Century Bologna”, *Renaissance Studies*, vol. 13, no. 4, pp. 397–411.
- Romano, D. (2007), *The Likeness of Venice: A Life of Doge Francesco Foscari: 1373–1457*, Yale Univ. Press, London, UK.
- Del Soldato, E. (2009), “Platone, Aristotele e il cardinale: il De natura et arte di Bessarione”, *Rinascimento (Series 2)*, no. 48, pp. 61–79.
- Del Soldato, E. (2018), “Basil [Cardinal] Bessarion”, Zalta, E.N. (ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, available at: <https://plato.stanford.edu/entries/bessarion/> (Accessed 15 November 2021).
- Ugo, D. (1968), “La formazione dell’umanesimo nel Petrarca (le ‘Epistole Metriche’)”, *Belfagor*, no. 23, pp. 532–563.
- Wilkinson, C. (1977), “The New Professionalism in the Renaissance”, in Kostof, S. (ed.), *The Architect: Chapters in the History of the Profession*, New York, USA, pp. 24–60.

Информация об авторе

Артеми́й В. Забелин, аспирант, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), Новосибирск, Россия; 630008, Новосибирск, Россия, ул. Ленинградская, д. 113; zabelin90artyom@gmail.com

Information about the author

Artemii V. Zabelin, postgraduate student, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin), Novosibirsk, Russia; bld. 113, Leningradskaya Street, Novosibirsk, Russia, 630008; zabelin90artyom@gmail.com

УДК 75.041.5

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-142-154

Феномен надгробного портрета польского сарматизма

Елизавета А. Мун

*Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина,
Санкт-Петербург, Россия, mun.repin@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен надгробного портрета как структурного элемента похорон в рамках сарматизма. Изучаются основные виды надгробных портретов, материалы, на которых они изготавливались. Указывается, что традиция изготовления и крепления надгробных портретов берет свое начало со старинного ритуала об участии двойника умершего лица. Отмечается, что надгробный портрет прибивался к торцу гроба и был направлен таким образом, чтобы его было видно всем участникам траурного шествия. Особое внимание было уделено декорированию и украшению надгробного портрета, а в качестве декораций выступали фигуры ангелов. В связи с этим церковная служба была направлена непосредственно на надгробный портрет. Формулируется вывод о том, что надгробный портрет в похоронной процессии олицетворял умершего.

Ключевые слова: надгробный портрет, катафалк, похороны, служба, процессия

Для цитирования: Мун Е.А. Феномен надгробного портрета польского сарматизма // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 142–154. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-142-154

The phenomenon of the gravestone portrait in Polish sarmatism

Elizaveta A. Moon

*Saint Petersburg Academy of Arts named after Ilya Repin,
Saint Petersburg, Russia, mun.repin@bk.ru*

Abstract. The article considers the phenomenon of the gravestone portrait as a structural element of funerals within the Sarmatyzm culture. It studies the main types of tombstone portraits and the materials on which they were made.

© Мун Е.А., 2021

The author tells that the tradition of making and fixing tombstone portraits originates from an ancient ritual about the participation of a double of a deceased person. It is noted that the tombstone portraits were nailed to the end of the coffin and was directed in such a way that it was visible to all participants of the funeral procession. Special attention was paid to the decoration and decoration of the tombstone portrait, and the figures of angels acted as decorations. In this regard, the church service was conducted being focused directly on the tombstone portrait. The conclusion is formulated that the gravestone portrait personified the deceased in the funeral procession.

Keywords: tombstone portrait, hearse, funeral, service, procession

For citation: Moon, E.A. (2021), "The phenomenon of the gravestone portrait in Polish sarmatism", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 142–154, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-142-154

Введение

Нагробный сарматский портрет, в отличие от парадного, характерен исключительно для польской культуры и искусства XVI и XVII вв. Он неразрывно связан с сарматизмом и традицией понимания сарматской культуры, в соответствии с которой похоронные церемонии сарматов были чрезвычайно пышными. Апогей развития нагробного портрета приходится на XVII в. (последняя четверть). В этот период он чаще всего представлял собой авторское произведение художника, превратившись в более позднее время в копированную версию придворного портрета. Одним из наиболее известных и, одновременно, наиболее ранних нагробных портретов является образ короля Стефана Батория 1558 г., хотя в целом, как вполне сформировавшийся жанр, этот вид искусства как продолжающего сарматское появился только под конец XVI в. Портреты выполнялись на металлическом листе и имели оригинальную форму, как и торцевая стенка гроба, к которой они крепились, включаясь в свою очередь в общий архитектурно-конструктивный контекст. Они могли быть шестигранными или восьмигранными и либо украшали гроб, либо становились одним из самостоятельных элементов общей декорации катафалка. После похоронных торжеств их обычно вывешивали в костелах, тем самым придавая сходство с размещаемыми в них живописными и скульптурными эпитафиями.

Также популярны были портреты-эпитафии, которые размещались на мраморных обрамлениях монастырских или церковных стен. Эти изображения не только содержали надписи и даты, но

также очень старательно передавали черты усопшего (как мужчин, так и женщин), представляли подробности польской моды. Они отличались не только экспрессивным и последовательным реализмом, но и большой выразительностью, поскольку их целью было передать потомкам память о достойном умершем. Аналогичную функцию выполняли также снабженные памятным портретом умершего шелковые ленты с прощальным посланием и погребальные хоругви.

Польский надгробный портрет, прикрепляемый на время погребальной церемонии к торцу гроба, не выступает нигде более, кроме орбиты польской культуры. Это направление в искусстве возникло своеобразным путем из особенностей национальных обычаев и художественной атмосферы того времени. Это продукт культуры, называемый сарматизмом, польской культуры, делящейся от Ренессанса до упадка неоклассицизма, от середины XVI и до начала XIX в. Во всей Польше, даже в маленьких провинциальных музеях или приходских костелах, можно увидеть этот необычный уникальный памятник искусства. Лишь сравнительно недавно он был представлен широкой европейской публике, везде вызывая огромный интерес, и не только по причине способа видения модели или живописной техники.

Чтобы понять роль таких портретов, требуется хорошо осознавать обстоятельства, которые стали непосредственной причиной их возникновения, – погребальные обычаи старой Польши.

Генезис польского надгробного портрета связан со старинным погребальным ритуалом – участием двойника умершего как главной особы этой церемонии. Этот обычай был известен в Польше. За гробом шел рыцарь в одежде умершего, либо придворный в одеждах, которые носил усопший. Можно добавить, что со временем в период формирования надгробного портрета оба вида зрительной демонстрации – живописного изображения и живого участника – принимали участие в погребении, будучи в равной степени значимыми, независимыми друг от друга. Однако во второй половине XVII в. надгробный портрет принял на себя функции олицетворения умершего. И это являлось особенностью польской модификации общеевропейского обычая.

Постановщик церемонии был ответственным за декорации в костеле, оформление улиц, триумфальных ворот, за выгодное освещение, подчеркивающее богатство одежд присутствующих, и, самое главное, за оформление катафалка или *castrum doloris*, устанавливающегося по правилам в центре костела. Изначально его размеры и оформление значительно уступали тому виду, над которым в середине XVII в. начал работать Джислени.

Однако в независимости от роскоши и размеров катафалка или общественного статуса почившего, центральное место занимал нагробный портрет. Прибитый к торцу гроба, он был всегда направлен в сторону внутреннего пространства костела, чтобы его могли видеть все участники траурного шествия. Зачастую он был декорирован аллегорическими изображениями или фигурами ангелов, которые подчеркивали место его прикрепления и, тем самым, еще раз обращали на портрет внимание присутствующих. Нагробный портрет был центром всех происходящих действий церемонии. И даже сама церковная служба и проповедь были обращены не столько к молящимся и скорбящим, сколько именно в направлении портрета. Созерцание портретного образа сопровождалось произнесением речи, которая должна была тронуть и растрогать семью и собравшихся, а также побудить к плачу, ибо считалось, что человек эпохи барокко плакал довольно охотно и с преувеличением. Собственно, это и была эпоха преувеличений, касающихся не только внешней жизни, но и внутреннего состояния и эмоций.

В начале XVIII в., а точнее, около 1720 г. в структуре катафалка наступили огромные изменения, оказавшие фундаментальное значение для нагробного портрета. Проектирование катафалка для умерших, обладавших при жизни высоким общественным статусом, начало дополняться овальным нагробным портретом, написанным на металлической или полотняной основе. Портретный образ поддерживали ангелы, путти или Хронос, а в завершении торжества изображение помещали в основание эпитафии. Таким образом, с этого времени нагробный портрет и катафалк старого типа стал привилегией средней и бедной шляхты, мещанства и низшего духовенства – напротив, высшие общественные слои свои богатейшие похоронные декорации снабжали портретом, не имеющим ничего общего с гробом и его многоугольной формой. С этого момента наступило время вымирания нагробного портрета, длящееся до начала XIX в. Существование двух таких видов портрета вытекает из своеобразных погребальных обычаев. Ибо неоднократно случалось так, что богослужение совершалось одновременно в разных костелах, в разных городах. И ни в одном не могло не быть *castrum doloris* и изображения умершего на гробе.

Нагробный портрет должен был олицетворять умершего во время похоронной процессии и в то же время напоминать его черты и своей схожестью с ушедшим волновать членов семьи. С этими задачами связан и конкретный способ трактовки образа портретируемого: проникновенный и полный жизни взгляд, достоверность черт, граничащая с некой своеобразной карикатурностью или просто преувеличением, и притом явная выразительность облика.

Чтобы соответствующим образом эту экспрессию сделать доминирующей формой, видимую часть силуэта ограничивали стандартной линией плеч и тора. Одежды покойного были просты и изобавлены от всякой декоративности. Большую роль играл колорит. Гладкие поверхности ткани покрывали цвета, которые специально подчеркивали бледность лица: ярко-красные пятна ткани, бронзовые оттенки меха, реже изумрудные и сапфировые.

В своем первоначальном виде нагробный портрет имел нейтральное основание из металла в виде пластины. Независимо от материала, была ли то медь, олово или свинец, поверхность тщательно шлифовалась и полировалась. Позолоченная медь в XVII столетии использовалась от случая к случаю, однако с начала XVIII в. стала наиболее популярным материалом, особенно при погребении членов высших слоев шляхты. Характерная форма пластины сформировалась исходя из конструкции гроба, торец которого в XVII в. имел форму регулярного восьмиугольника или продолговатого шестиугольника в следующем веке.

Первый нагробный портрет, известный сегодня и созданный еще в XVI в., принадлежал польскому королю Стефану Баторию. Портрет оказался уменьшенной копией неоднократно написанного художником Марчином Кобером изображения короля. Именно этот портрет был впервые прикреплен к торцу гроба в XVI в., а начиная с XVII в. этот обычай охватил все слои общества. Созданный в 1627 г. портрет Адама Чарнковского является поучительным, хотя и довольно ранним примером того, как нагробный портрет приобретает себе право на существование и собственный пластический рисунок. Это один из немногих примеров портретов, сохранившихся на гробах. Образ передает нам всю правду о психологии и характере модели, а мелкие и легкие движения кисти точно подчеркивают угловатость в рисунке головы и черт лица.

Подобным изображением является портрет Бартоломея Ламбрехта, умершего в 1667 г. Здесь, однако, техника наиболее смелая, движения кисти размашистые и более свободные, а моделирование (представление объемности) еще более старательное. Свободный способ живописи отвечает общим художественным тенденциям начала XVII в. в Польше. Именно так выглядели эпитафийные портреты – «обманчиво родственное направление искусства», по меткому выражению М. Карповича [Karłowicz 1994, s. 98]. От середины века пути портретов двух разновидностей, выполняемых на металле, разошлись – эпитафийный двинулся в живописном направлении, со светотеневой передачей, с большей трехмерностью и довольно мелкой фактурой. Нагробный же портрет вступал на свой собственный путь развития.

В середине XVII столетия начали происходить некоторые перемены в способе создания портретов. Примером может служить изображение Адама Ярачевского (умер в 1657 г.), в котором обрисовываются своеобразные отклонения от правил традиционного композиционного решения придворного портрета. Первым видимым изменением является некая деформация головы – ухо чересчур «торчит», нос видится зрителю будто бы в профиль. Создается впечатление, что автор был незнаком с принятым уже во всей Европе пониманием перспективы. Изменениям подвергся также способ написания глаз. Взгляд Ярачевского не имеет ничего общего с той мягкостью, которая присутствует на портрете Чарнковского, напротив, «взгляд первого полон агрессии, пронизательности, некоего нахальства, как будто портретируемый хотел передать какую-то тайну за огромную цену» [Karpowicz 1998, s. 128].

Следующим шагом в развитии нагробного портрета является пластина Зигмунта Пониньского, созданная в третьей четверти XVII в. Его облик целиком является практически «насмешкой» над основами и принципами портретной живописи периода барокко. Это уже новое видение, чем-то напоминающее творчество Пикассо или знаменитые «головы» Станислава Виткевича. Просвечивается здесь принцип XX столетия, отголоски футуризма, позволяющие показать элементы головы одновременно с разных сторон. Исчезли всяческие следы экспрессивности, а также объемности изображения. Этот портрет является примером достаточно популярной схемы, повторяющейся в изображениях князей, мещан и женщин. С бледностью лица в таких случаях контрастировали часто меховые головные уборы или украшения с драгоценными камнями, глубоких изумрудных и сапфировых оттенков. Правда, чаще всего женщины изображались в одежде вдовы или монашеском одеянии, что делало портрет значительно менее красочным, чем мужской.

Одновременно с победой концепции нагробного портрета, в последней четверти XVII в. снова заявило о себе явление, приближенное к европейской придворной манере. Вернулась светотеневая моделировка, так заметная уже на портретах Любомирской или Станислава Войшы. После 1700 г., в первой четверти XVIII в. появилась также особая разновидность нагробного портрета, основанная на введении богатого обрамления, отчеканенного в металле, охватывающего овалный медальон с образом умершего.

С того времени две концепции нагробного портрета сосуществовали: первая, связанная с деформацией и точным рисунком, другая – придворная, прописная, избегающая как перспективных, так и других неточностей. Такая деформация рисунка очень часто доходила до границ карикатурности, как это может быть видно на

примере портрета Озоркова, или на изображении неизвестного каноника, которое находится в епархиальном музее в Познане.

В XVIII столетии надгробный портрет стал достоянием средних и низших общественных слоев, и среди устоявшихся еще в XVII в. и сохраняющихся тенденций становится очевидной более выраженной свобода и некоторые отступления. Минимальным остается зрительный контакт между портретируемым и зрителем, а выражение лица становится более спокойным, с легкой тенью улыбки.

Последний этап в развитии сарматского надгробного портрета ведет к полному стиранию художественных особенностей этого направления и попросту заключается в копировании, перенесении на специальную конструктивную форму версии парадного или просто прижизненного портрета умершего.

Несмотря на то что в работе речь идет исключительно о живописном портрете, нельзя обойти вниманием тот факт, что истоки его зарождения лежат в области надгробной скульптуры, в том числе сохранившейся за пределами современной Польши. Начало явления сарматского портрета относится к средневековью и тесно связано с сакрализованным, отмеченным смертью сепулькральным (погребальным) изображением – эпитафией, сначала рельефным, а с середины XVI в. все более рафинированным скульптурным портретом. Первые изображения сарматов находились, таким образом, не в жилищах – палатах и дворцах, а в храмах и святынях. Скульптурные надгробия не были многочисленны ни на территории современной Белоруссии, ни в исторической Литве, что было связано с удаленностью от каменоломен и центров камнеобработки, а также с отсутствием ремесленных цехов. Строительным материалом храмов в этот период было преимущественно дерево, поэтому каменные скульптурные надгробия были немногочисленны, а разрушения сакральных построек, вызванные войнами середины XVII в., были здесь более ощутимы, чем где бы то ни было. На территории нынешней Белоруссии список сохранившихся надгробий открывает плита при костеле в городке Нарев, с сильно истертым в настоящее время изображением рыцаря в латах (первой половины XVI в.) В кафедральном соборе Вильнюса сохранился скульптурный портрет Альбрехта Гаштольда, умершего в 1539 г. Важные комплексы надгробий находились в Сапезинском костеле Св. Михаила, на вильненских Бернардинках (надгробия со скульптурным представлением Сапегов), в бернардинском костеле Воздвижения Креста Господня (среди прочих – надгробие 1634 г. Петра Веселовского Старшего, умершего в 1556 г.) а также надгробия Сапегов в Гольшанах под Ошмянами, Вольских в Кренищах под Волковыском. Подлинным Пантеоном шляхты северных территорий

Белоруссии был несуществующий ныне костел бернардинцев в Тикочине, где до начала XVIII в. сохранялся комплекс надгробий местной шляхты и королевских придворных. В связи с утратой скульптур этого костела нельзя ничего сказать точнее о формах трактовок представленных там изображений. Важную информацию о художественном сознании белорусской шляхты на переломе XVI и XVII столетий дало открытие в костеле Туросни Костельной (в начале 90 гг. XX в.) нагробной плиты Преслава Монвида Ижиковича 1615 г. [Maroszek, Wilczewski 1992, s. 54]. В белостокском приходском костеле Вознесения Девы Марии сохранился фрагмент не менее величественной, как можно предполагать, эпитафии, посвященной Петру Веселовскому Младшему (умер в 1621 г.), хотя само скульптурное изображение этого мавзолея не уцелело. С середины XVI в. рядом со скульптурными нагробными портретами на стенах костелов и монастырей начинают появляться живописные изображения донаторов, ктиторов, становясь точками общественного и художественного укоренения, перенесения человеческого состояния в рамки бесконечного сакрум. Возможно, в этом сказывалось влияние реформации – знакомства с изображениями патрициата в лютеранских костелах Гданьска и Померании, которые можно было осмотреть после окончания доставки урожая по рекам Нарев, Буг и Висла. А может быть, это было связано с кальвинистским обычаем оставлять память о наиболее важных пожертвованиях, где церковную иконографию вдохновляло провидение божье. В любом случае в организуемых контрреформационных католических монастырских церквях портреты донаторов всегда присутствовали. Наиболее важными, вероятно, были портреты властителей – великого князя Витольда в Вильнюсской кафедре (общества Боны) и короля Александра Ягеллончика в костеле Св. Духа вильнюсских доминиканцев. Они быстро распространились по всей территории Великого Княжества Литовского и Подлесья – польской территории, которая на сегодняшний день входит в состав Белоруссии. Одно из наиболее интересных изображений, находящихся сейчас на Подлесье (курия Епископа в Дрохичине), происходит из костела Св. Николая в Мире. Это раннебарочный портрет донатора Николая Христофора Радзивилла Сиротки, умершего в 1616 г. Около 1643 г. в костеле в Супрасле были размещены – внутри на колоннах так называемого Литейного притвора, где молились добродетелям – два представительных портрета донаторов: Александра Ходкевича (умер в 1549 г.); и митрополита русского Иосифа Солтана (умер в 1521 г.). Вероятно этому же автору принадлежали портреты в гродненском костеле Благовещения Девы Марии (монастырь Бригитток), где на монашеских хорах был размещен триптих изо-

бражений донаторов: Кшиштофа Веселовского, маршала Великого Княжества Литовского (637 г.), жены Александры Собесской-Веселовской, (1645 г.) и приемной дочери Гризельды Сапеги, умершей в 1633 г. Аналогично этому в доминиканском костеле Св. Иоанна в Хорощи находится изображение донатора Николая Стефана Паца, умершего в 1684 г. В доминиканском костеле Св. Филиппа и Иакова в Вильнюсе присутствует изображение донатора Иоахима Литавора Хрептовича. В другой доминиканской святыне, в Ружаном Стоке, представлен портрет Евфросиньи Тышкевич, окруженный соответствующей надписью, свидетельствующей о ее заслугах в создании, сразу после «Шведского потопа», важного монастырско-индульгенционного центра. Основательницу сопровождает изображение образа Ружаностойской Непорочной Девы Марии. Распространился обычай рядом с портретами светских людей размещать изображения духовных лиц – епископов и приходских священников. Впрочем, портретирование священнослужителей относится к более поздним обычаям, относящимся к XVIII и XIX вв. Интересным, хотя и загадочным было изображение, хранящееся ныне в курии Дрохичина, представляющее Петра Лубу, донатора приходского костела в Лубине. Он облачен в монашеские одеяния, хотя известно, что он был светской особой. Подобное решение, не имеющее аналогов, вызывает у исследователей целый ряд вопросов и нуждается в дальнейшем изучении и осмыслении.

Все изображения в XVII в. донаторов монастырей и костелов целиком соответствуют изобразительным традициям польского сарматизма. Даже в образах святых покровителей можно видеть сарматов, как это оказалось в Щорсах, где Баччарелли, в униатской церкви Св. Исидора, представил Иоахима Хрептовича в крестьянской одежде [Chwalewik 1926, p. 225].

Наиболее полным проявлением барочной духовности сарматов потомки признали именно нагробный портрет. Эта художественная встреча со смертью представляла собой неповторимый эпизод европейского искусства, свидетельствуя об изменении мировоззрения, культурном родстве с античной римской *Res publicae* и связях с традициями жизни на всей территории Речи Посполитой [Dobrzeńiecki 1990]. Нагробный портрет наиболее полно был представлен в Великой Польше, Померании, в Земле Серадской, на Куявах и в Мазовии, откуда распространился на Подлесье и Великое Княжество Литовское [Witkowska 1967]. Редкость появления нагробных изображений в Подлесье можно связать с малым охватом деятельности живописных цехов, члены которых были их главными исполнителями. Сущностью нагробного портрета было реалистичное представление образа умершего, как своеобразное

свидетельство гуманного измерения человечности перед величием смерти. Шестиугольный портрет бывал интегральной частью корпуса гроба, и, как бы вливался в него, придавал человеческое измерение предмету. Часто несколько изображений представляли умершего в мире живущих, принимающих участие в погребальных мессах и церемониях. Нагробный портрет отражал театрализованное представление явлений неизбежных и поэтому принадлежал к тому же течению *rompa funebris* – сарматского искусства доброго умирания, что и живописные изображения хороводов и танцев со смертью, так называемых Плясок смерти, появившихся в европейском искусстве XV–XVII вв.

В нагробных изображениях персонажи представлены в характерных позах, их лица с натуралистично психологической глубиной, с обязательно применяемым принципом зрительного контакта, представляли собой экспрессивное повторение портретов, выполненных во время жизни [Chrzanowski 1995, p. 112]. Это все видно на портрете Мартина Кучинского. Хранящийся в курии епископа в Дрохичине портрет является одним из немногих, сохранившихся в Подлесье. Мартин Кучински представлен в рыцарской позе, которая убеждает участников погребальных торжеств и наших современников, что усопший хочет, чтобы его запомнили. Портретируемый облачен в доспехи, которые в конце XVII в. едва ли имели что-то общее с тогдашним военным обмундированием, ни торжественным, ни используемым ежедневно. Участникам «погребального театра» представлялась, таким образом, иллюзия действительных событий, тоски по рыцарскому эпосу, так однозначно характеризующему еще конец XVII в. Отсюда ломающиеся копья, висящие в святыне гербы даже далеких предков, красочные высказывания, латинские максимы. Похороны превращались в манифестацию жизни, публичную декларацию общественной значимости умершего человека. По существу, портрет информировал о светских особенностях ушедшего из мира, занимаемых им должностях и положении в обществе. Изображение Кучинского дополнено также родовым гербом (Слеповроном) на богато орнаментированном щите, инициалами особы (M K) и занимаемой должности *CH[oraży] Z[iemi] B[ielskiej]* (польск.: Хорунжий Земли Бельской). Ведь портрет Кучинского выполнял такую же церемониальную функцию, как и рыцарские доспехи – он и свидетель, и одновременно участник похорон.

Нагробный портрет из Дрохичина проявляет много формальных общих черт с изображением Мартина Кучинского в коллекции графов Островских из Корчева, хранящимся ныне в Художественном музее Литвы. Идентичные принципы иконографии демонстрирует также нагробный портрет Игнатия Урбанского.

Место портрета в богатой символике погребальной церемонии XVII в. точно выявляет описание похорон кастеляна Подлесья Викторина Кучинского, брата Мартина. Через три дня в костеле отцов иезуитов в Дрохичине началась церемония. Ее описание под названием «Траурный вид, или Описание торжественного похоронного акта светлой памяти ясновельможного пана Викторина Кучинского», изданное 13 марта 1738 г. в типографии варшавской коллегии Иезуитов, остается на сегодня одним из немногочисленных и так впечатляющих примеров красочной сценографии сарматской *rompa funebris* в Подлесье.

Весь костел для проведения погребальных актов, во всех местах от верхних карнизов и до самого низа был обит траурной материей. По нему были соответствующим образом распределены и установлены масляные лампы, которые создавали прекрасный, но траурный вид *spectatoribus*. Церковные колонны были украшены вдоль пирамидами в десять локтей, на которых по кругу было установлено освещение из ламп и свечей [Kuczyński 1999, p. 78].

Это важные слова, необходимые нашему воображению, потому что только в единстве с утонченно скомпонованными элементами барочной сценографии: светом, органной музыкой, пением и мелодичностью латинских молебнов можно понять суть иконографической передачи нагробного портрета и, вообще, портрета сарматского. Ведь для жителей Сарматии было общим стремление к гармонии обычаев. На огромной территории похоронная церемония должна была выглядеть похожим образом: в костеле Познаньского воеводства или, например, в 800 км далее в Полоцком воеводстве. Существо сарматского стиля жизни определяла потребность в общих образцах культуры: живописи, архитектуры, литературы, способных на любой территории создать согласованное представление искусства и жизни. В резиденциях магнатов, дворах шляхты из подобных побуждений создавались коллекции семейных портретов, появлялись изображения предков, рисуемые с похожей чувственностью и ожиданиями встречи в мире ином. Портрет доказывал материальное и политическое могущество рода, представлял прошлое семьи, ее заслуги перед Отечеством, часто балансируя на грани художественного, и не всегда соответствовал общим тенденциям в искусстве XVI–XVII вв.

Разумеется, существовали различные формы увековечения памяти, но нигде не встречался такой способ отношения к портрету. Чем был этот портрет, так отличающий польского шляхтича среди других народов, эта живопись, прикрепленная к находящемуся в центре *castrum doloris* со стороны верующих, собравшихся в храме?

На протяжении истории своего существования этот портрет приобретал разнообразные, довольно изобретательные геометрические формы: овальную, гексагональную или октагональную. Как пишет Мариуш Карпович:

Вся структура *castrum* была так продумана, чтобы переднюю стенку гроба с портретом можно было видеть со всех сторон в костеле. Кроме того, аллегорические фигуры, ангелы или сама декорация... указывали на него руками... Цель этих приемов была ясна – взоры всех присутствующих должны были быть направлены на живописное изображение усопшего [Karpowicz 1994, p. 98].

Означает ли это, что находящийся в центре событий покойный становился важнейшей и наивысшей точкой сакрального составляющего? Неужели он на несколько часов, хотя и пассивно, становился абсолютным властителем места и чувств собравшейся аудитории? Это, может, и преувеличенная интерпретация, но нельзя отрицать факт, что как внимание верующих, так и проповедь епископа сфокусированы были на гробе с виднеющимся портретом. Он характеризовался буквально запредельной заботой о деталях как наиболее реалистичном представлении образа «героя» церемонии – голова с частью плеч и торса, простое одеяние, пронизательный взгляд. Это должно было вызывать у близких страх, тревогу, отчаяние. Как писал М. Карпович, «родственники легче заплачут под пронизывающим взглядом умершего, а друзья более проникнутся, когда увидят поразительное сходство черт». В последующие годы понятие нагробного портрета эволюционировало, высшие слои общества стремились к все более изобретательным эстетическим решениям, относящимся к этой области, например, к овальным портретам, написанным на пластине или полотне, используемым в качестве портретов-эпитафий. Позднее нагробные портреты использовали уже только низшие слои дворянства, пока, наконец, данная традиция – это когда-то новое явление в польской культуре и искусстве – не исчезла.

Литература

Chrzanowski 1995 – *Chrzanowski T.* Portret staropolski. Warszawa, 1995.

Chwalewik 1926 – *Chwalewik E.* Zbiory polskie. Archiwa, biblioteki, gabinety, galerje, muzea i inne zbiory pamiatkek przeszlosci w ojczyznie i na obczyznie. Warszawa; Kraków, 1926.

Dobrzaniecki 1990 – *Dobrzaniecki T.* Geneza polskiego portretu trumiennego. Portret. Funkcja – Forma – Symbol. Materiały Sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki Toruń, grudzień 1986r. Warszawa, 1990.

- Karpowicz 1994 – *Karpowicz M.* Polski portret trumienny. Sztuki polskiej drogi dziwne. Bydgoszcz, 1994.
- Karpowicz 1998 – *Karpowicz M.* Polski portret trumienny. Sztuki polskiej drogi dziwne. Bydgoszcz, 1998.
- Kuczyński 1999 – *Kuczyński W.* Pamiętnik 1668–1737. Białystok, 1999.
- Maroszek, Wilczewski 1992 – *Maroszek J., Wilczewski W.* Epitafium Przeclawa Monwida Irzykowicza odkryte w Turośni Kościelnej. Białostocczyzna, 1992.
- Witkowska 1967 – *Witkowska T.* Żychiewicz, Krakowskie malarstwo epitafijne 1500–1850 // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, CXLVII, Prace z Historii Sztuki.* 1967. № 5. P. 5–39.

References

- Chrzanowski, T. (1995), *Portret staropolski*, Warszawa, Poland.
- Chwalewik, E (1926), *Zbiory polskie. Archiwa, biblioteki, gabinety, galerje, muzea i inne zbiory pamiątek przeszłości w ojczyźnie i na obczyźnie*, Warszawa, Kraków, Poland.
- Dobrzeńcki, T. (1990), *Geneza polskiego portretu trumiennego. Portret. Funkcja – Forma – Symbol. Materiały Sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki Toruń, grudzień 1986r*, Warszawa, Poland.
- Karpowicz, M. (1994), *Polski portret trumienny. Sztuki polskiej drogi dziwne*, Bydgoszcz, Poland.
- Karpowicz, M. (1998), *Polski portret trumienny. Sztuki polskiej drogi dziwne*, Bydgoszcz, Poland.
- Kuczyński, W. (1999), *Pamiętnik 1668–1737*, Białystok, Poland.
- Maroszek, J. and Wilczewski, W. (1992), *Epitafium Przeclawa Monwida Irzykowicza odkryte w Turośni Kościelnej*, Białostocczyzna, Poland.
- Witkowska, T. (1967), *Żychiewicz, Krakowskie malarstwo epitafijne 1500–1850, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, CXLVII, Prace z Historii Sztuki*, no. 5, pp. 5–39.

Информация об авторе

Елизавета А. Мун, соискатель, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 17; mun.repin@bk.ru

Information about the author

Elizaveta A. Moon, applicant, Saint Petersburg Academy of Arts named after Ilya Repin, Saint Petersburg, Russia; bld. 17, Yniversitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; mun.repin@bk.ru

УДК 791.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-155-159

Три десятилетия адаптации
для пяти классиков

Рец. на кн.: *Федорова Л.* Адаптация как симптом:
русская классика на постсоветском экране (М., 2022)

Александр В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, markovius@gmail.com*

Аннотация. Рецензия на монографию русско-американской исследовательницы Л. Федоровой «Адаптация как симптом», посвященной постсоветским экранизациям произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и Чехова. Ставится вопрос о границах киноадаптации, о востребованности русской литературы в мире и проблематизации ее положения в современной России, о сложном наложении жанровых, социальных и идеологических установок авторов адаптаций.

Ключевые слова: киноадаптация, славистика, критика идеологий, русская классическая литература, киносериял

Для цитирования: Марков А.В. Три десятилетия адаптации для пяти классиков: Рец. на кн.: *Федорова Л.* Адаптация как симптом: русская классика на постсоветском экране (М., 2022) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 155–159. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-155-159

Three decades of adaptation for five classics

Book review: Fedorova, L. (2022).

Cinema adaptation as a symptom.

Russian classical literature screened in Post-Soviet time

Aleksandr V. Markov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
markovius@gmail.com*

Abstract. Review of the monograph *Adaptation as a Symptom* by the Russian-American researcher Lyudmila Fedorova, dedicated to post-Soviet film adaptations of the works of Pushkin, Gogol, Dostoevsky, Tolstoy and Chekhov.

© Марков А.В., 2021

The question is raised about the limits of the film adaptation, about popularity of Russian literature in the world and lability of its position in modern Russia, and also about the complex imposition of genre, social and ideological attitudes of the authors of adaptations.

Keywords: film adaptation, Slavic studies, criticism of ideologies, Russian classical literature, film series

For citation: Markov. A.V. (2021), “Three decades of adaptation for five classics. Book review: Fedorova, L. (2022). Cinema adaptation as a symptom: Russian classical literature screened in Post-Soviet time”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 154–159, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-155-159

Людмила Федорова, русско-американская исследовательница советской литературы и интермедиальных связей искусств, в своей новой книге [Федорова, 2022] дает широкую панораму постсоветского кино. Методологически Федорова близка критическому направлению в мировой славистике (включающему критику идеологий, *trauma studies* и другие необходимые компоненты), представленному М. Липовецким, М. Ямпольским, С. Ушакиным, И. Кукулиным, И. Каспэ и другими авторами, которых она часто цитирует. Фильмография книги насчитывает 180 единиц, во внимание принимаются полноэкранные фильмы, телефильмы и сериалы: короткометражные и анимированные фильмы упомянуты только несколько раз, в основном в примечаниях, с указанием на те преимущества, которые дает анимация (суггестивность, тотальная ирония и т. д.), но без какого-либо развития этой мысли. Бесспорно, перед нами одно из наиболее масштабных исследований постсоветского кинематографа вообще: вопрос о природе экранизации оказывается вопросом о том, насколько кинематограф может воспроизводить смену точек зрения, внутреннюю речь персонажей и многие другие особенности, которые мы прежде считали отличительными для русской классической литературы.

Федорова всей своей книгой стремится опровергнуть мнение, что любая экранизация русской классики ущербна, потому что упускает полифонию, внутреннюю речь, игру речевых регистров, символически напряженные описания и все то, что делает русскую классику востребованной во всем мире. Для нее киноадаптация – не система намеков и отражений, но полноценный перевод, причем в каком-то смысле продолжающая традиции самой русской литературы. Она начиналась с неканонической адаптации сюжетов Пушкиным, меняющей их смысл и заставляющей посмотреть на

них по-другому. В этом смысле кинематографисты оказываются скорее коллегами русских классиков; но их уверенность всякий раз подрывается тем, что уже Гоголь относился к сюжетам по-другому: скорее, создавая из подручного материала полноценные жанровые произведения, и сам мог пояснять, почему «Мертвые души» – поэма в строгом жанровом смысле. Поэтому здесь киноадаптация всякий раз смещается относительно центра повествования – она может представлять скорее то, как приемы Гоголя, гротескные и мрачные, разыгрывались дальше в поле русской культуры, от философии до театра, чем воссоздать на экране мысль Гоголя как она есть.

Главный сюжет книги Федоровой – постоянные оговорки режиссеров на самом экране, как бы поправки самих себя в развертывании кинематографического повествования, с целью приблизиться к классике, но и сопротивление самой классики, которая противится не столько переносу на экран, сколько самостоятельности кинематографических жестов, – где любой режиссерский прием, например, крупный план, может принести свои смыслы. Поэтому книга Федоровой может проходить по ведомству не только киноведения, но и теории перевода, *translation studies*, где рассматривается вопрос о двойной задаче переводчика: не упустить смыслы оригинала, но и не вчитать не предусмотренные оригиналом смыслы в перевод. Только если в случае перевода существуют культурные конвенции, которые позволяют сказать о данном переводе как об удачном и состоявшемся, то в мире кинематографа границы адаптации устанавливаются создателями фильма всякий раз на свой страх и риск.

В книге пристальное рассмотрение киноадаптаций, со вниманием к планам и ракурсам, деталям, устройству диалогов и закадрового голоса, композиционным решениям и пропускам, служит одной цели – выяснить, как преодолевалась неустойчивость положения русской классики в постсоветское время, но и как различные идеологические комплексы разыгрывались на поле кинематографа. По сути, книга обсуждает то, что принято обозначать как движение от постмодернизма к «новой искренности»: от иронического использования наследия для описания непривычной реальности – к обозначению неизменной собственной позиции в дискуссиях, в том числе с помощью наследия; рамка, которая в последние годы в славистике интенсивно проблематизируется [Rutten 2017]. Но это движение в книге вписывается в более сложную конфигурацию гибридизации медиумов в постсоветское время с усилением режиссерской авторефлексии в 2010-е гг. Тогда адаптация русской классики – это очень часто поле торжества некоторых представлений, например, о единстве российского общества, с последующим

апофеозом относительной прозрачности отраженных в русской классике общественных отношений для современного зрителя, и одновременно место отказа от больших идеологий – вслед за Достоевским, Толстым и Чеховым, которые каждый по-своему показывали губительность идеологизации в социальной жизни.

Федорова обратила внимание на то, что кинематограф может производить те символические представления, которые не создаются литературой, например, представление о «хорошей смерти» в экранизации «Тараса Бульбы» В. Бортко или представление об общей для досоветского и советского времени офицерской чести в «Истории Вронского» К. Шахназарова. Эти символические представления (а в книге есть и десятки других примеров) могут работать как идеологические, но могут оказываться опять же частью свободного разговора о русской литературе – все зависит от того, насколько сам фильм получает обсуждение в прессе и в общественной дискуссии. Любые сближения в этой книге кинематографа с литературой, например, «Чеховских мотивов» К. Муратовой с концептуалистской поэзией, которая тоже использует повторения и штампы как главный способ самостоятельного высказывания, оказываются продуктивны и служат общей цели – показать, как именно русская классика продолжает учить режиссеров не только сюжетной изобретательности и философской рефлексии, но и речевым тактикам, проблематизирующим понятия подлинности и подлинного переживания.

Единственным недостатком книги является, на наш взгляд, ее заключение, слишком сжато и приблизительно говорящее о том, что получилось в каждой главе. Например, зачем указывать, что в экранизациях Гоголя на первый план выходит проблема структурирования пространства и качественных различий в пространстве? Бесспорно, это был один из основных вопросов для самого Гоголя [Видугирите 2019], но что это дает для понимания фильмов, где все же проблематизируется не пространство, а топос, и сам топос оказывается местом интермедиального перевода, не вполне контролируемым режиссером? – просто из-за того, что топос это и место, и способ высказывания. В результате заключение выглядит написанным по служебной обязанности и часто звучит наивнее книги, во всем остальной блестящей и образцовой для всех, кто будет заниматься любыми киноадаптациями.

Литература

- Видуگیریте 2019 – *Видуگیریте И.* Гоголь и географическое воображение романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 380 с.
- Федорова 2022 – *Федорова Л.* Адаптация как симптом: русская классика на постсоветском экране. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 368 с. (Серия «Кинотексты»)
- Rutten 2017 – *Rutten E.* Sincerity after Communism. Yale: Yale Univ. Press, 2017. 289 p.

References

- Fedorova, L. (2022), *Adaptatsiya kak simptom: russkaya klassika na postsovetskom ekrane* [Cinema adaptation as a symptom. Russian classical literature screened in Post-Soviet time], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Rutten, E. (2017), *Sincerity after Communism*, Yale University Press, Yale, USA.
- Vidugiryte, I. (2019), *Gogol i geograficheskoe voobrazhenie romantizma* [Gogol and the geographical imagination of romanticism], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр Викторович Марков, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; markovius@gmail.com

Information about the author

Aleksandr V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; markovius@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 27.12.2021.
Формат $60 \times 90^{1/16}$.
Уч.-изд. л. 8,6. Усл. печ. л. 10,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1400

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru